Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ТАТАРСКИЕ

УЛУСЫ ПРИУРАЛЬЯ И ИХ НАСЛЕДИЕ

Казань – 2025

УДК 94(=512.145)"1150/18"
ББК 63.3(235.55)+(=632.3)
Т 23

Книга подготовлена и издана в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Автор идеи и координатор проекта
Р.Ф. Масагутов

Научный редактор
д.и.н. Р.Р. Салихов

Ответственный редактор
д.и.н. Р.Р. Исхаков

Авторский коллектив:
А.В. Аксанов, Р.Р. Аминов, Р.Р. Исхаков, Р.Ф. Масагутов

Т 23 **Татарские улусы Приуралья и их наследие /** *А.В. Аксанов, Р.Р. Аминов, Р.Р. Исхаков, Р.Ф. Масагутов* – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. – 216 с., ил.; 8 с. цв. ил.

ISBN 978-5-94981-501-4

В данном научно-популярном издании представлена история татар Приуралья с периода раннего средневековья вплоть до создания кантонной системы управления (1798 г.). На основе разноплановых документов убедительно показано, что татары – исконные жители Приуралья, создавшие там в период средневековья один из ярких очагов татарской государственности и городской культуры. В период вхождения Приуралья в состав Московского государства и Российской империи татары Приуралья – наследники Акидель улуса Казанского ханства – вошли в состав разных сословных групп ясачного и служилого населения («башкирцев», тептярей и бобылей, служилых мещеряков и тарханов), сохранив при этом свое самосознание, татарский язык и культуру.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей татар Приуралья.

ISBN 978-5-94981-501-4

УДК 94(=512.145)"1150/18"
ББК 63.3(235.55)+(=632.3)

© Авторы, 2025
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....4

ГЛАВА I.
Эпоха Золотой Орды и татарских ханств
(*Анвар Аксанов*)

§ 1.1. Расширение Улуса Джучи на запад и его последствия.....16
§ 1.2. Приуральские улусы Казанского ханства.....39

ГЛАВА II.
Западное Приуралье в составе Московского государства (XVI–XVII вв.)
(*Радик Исхаков*)

§ 2.1. Вхождение татарских улусов Приуралья в состав Московского государства (вторая половина XVI–XVII в.).....67
§ 2.2. Формирование социальных групп татар Приуралья.....88

ГЛАВА III.
Татары Приуралья в XVIII в.: от протестов к интеграции в имперское пространство

§ 3.1. Восстания татар и народов Поволжья и Приуралья XVIII века и их влияние на социально-экономическую и религиозную обстановку в крае (*Руслан Масагутов*).....157
§ 3.2. Земельные правоотношения и особенности управления (*Рустем Аминов, Руслан Масагутов*).....180
§ 3.3. Сословные группы (*Рустем Аминов, Радик Исхаков, Руслан Масагутов*).....188

Заключение.....204
Глоссарий.....209
Список сокращений.....213
Сведения об авторах.....215

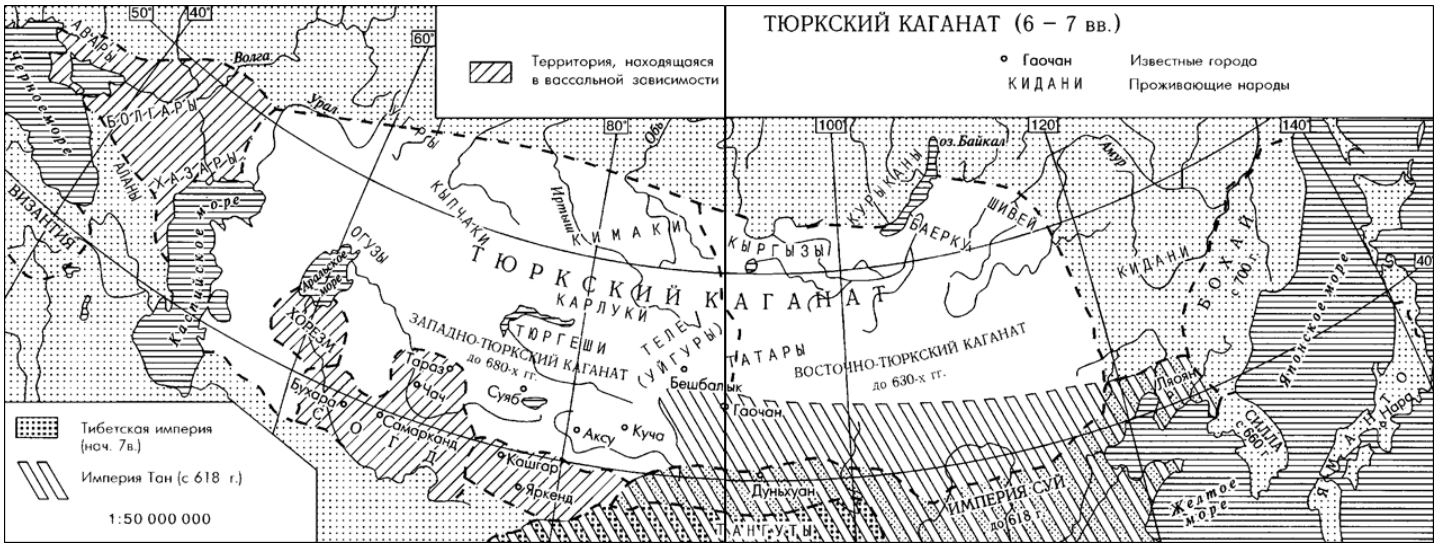
ВВЕДЕНИЕ

Существуют неоспоримые научные доказательства того, что в политическом отношении история татарских улусов Приуралья начинается с «Батыева нашествия», пронесшегося по Восточной Европе в 1236–1241 гг. Однако в околонаучной литературе не прекращаются дискуссии вокруг этой проблемы. Имеет ли научное обоснование термин «монголо-татары»? Насколько правомерно вести историю татарского владычества в Волго-Уралье с завоевания Чингизидов, которые относили себя к монголам? Татары – это этноним или политоним? Эти и другие вопросы давно муссируются публицистами и не дают покоя их читателям.

Еще известный тюрколог Й. Маркварт писал, что само слово «татар» впервые встречается в имени жоужаньского правителя Да-тань каган (414–429 гг. н.э.). Самое раннее упоминание об этом правителе сохранилось в китайской династийной хронике «Вэй шу».

Древнейшие упоминания о татарах как об этносе (союзе племен) сохранились на орхоно-енисейских памятниках VIII в. На стеле правителя Кюль-Тегина (685–731) упоминаются «отуз-татары», а на памятнике Бильге-кагана (годы правления – 716–734 гг.) – «токуз-татары». Причем речь идет о фиксации татар в тюркских рунических текстах, язык которых в основе своей понятен носителям современного татарского языка. Важно, что татары здесь упоминаются как один из основных народов Восточно-Тюркского каганата.

В середине VIII в. Восточно-Тюркский каганат распался, после чего часть татар ушла на запад, в бассейн Иртыша, где впоследствии приняла участие в создании Кимакского каганата (IX–XI вв.), который простирался от Иртыша до верховьев реки Яик (Урал). Но основная часть татар продолжала удерживать господствующие позиции в землях к северу от Китая. Поэтому довольно подробно о татарах («да-да», «та-тань») рассказывают китайские источники IX–X вв.



Тюркский каганат VI–VII вв. Карта. История татар. Т. 1. С.224–225

А монгольские племена, проживавшие севернее татар, стали усиливать свои позиции лишь в XI в. Долгое время татары и монголы враждовали, пока Чингиз-хану не удалось покорить татар и вместе с остальными тюрко-монгольскими племенами включить их в состав своего государства. Но так как татары были более известными и многочисленными, чем монголы, их имя распространилось на многие соседние племена, включая самих монголов, которых даже китайцы иногда называли «черными татарами». Однако после создания Монгольской империи («Еке Монгол улус») пошел обратный процесс, часть татар и других подчиненных народов стали называться монголами.

При этом сохранились источники, в которых речь идет о монголо-татарах (в китайских – «мэн-да», в армянских – «мугал-татар»). В 1207 г. монголо-татарское войско Чингиз-хана завоевало Южную Сибирь, которая была отведена под управление его старшему сыну Джучи. Так началась история Улуса Джучи, впоследствии занявшего всю территорию Дешт-и Кыпчак (Кыпчакской степи).

Рашид ад-Дин (1247–1318) был визирем в чингизидском государстве ильханидов и хорошо разбирался в истории татар и монголов. Он знал, что еще до Чингиз-хана на протяжении веков татары обладали большой властью, поэтому их имя распространилось на многие племена. То есть в данном случае речь идет о том, что на определенном этапе исторического развития этноним «татары» стал политонимом. Однако Рашид ад-Дин выделял и племенных татар, т.е. этнических. По его данным, наиболее известных и могущественных татарских племен было шесть: «татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй». Из-за их влияния татарами стали называть все тюркские племена, проживавшие «в Дешт-и Кипчаке, в северных [от него] районах».

Не случайно именно в Золотой Орде основную часть населения улуса называли татарами. В первую очередь имя «татар» распространилось на кыпчаков, поскольку по языку, обычаям и образу жизни они практически не отличались от татар. Этнических монголов по численности в Улусе Джучи было очень мало, поэтому они быстро ассимилировались, и весь военно-служилый слой джучидского общества стал именоваться татарами. Массовое принятие ислама кочевой верхушкой Золотой Орды при хане Узбеке существенно сблизило татар с оседлым тюркоязычным мусульманским населением, что способствовало распространению татарской этнонимии в этой среде.

Так, со второй половины XIV – начала XV в. татарами стали называть жителей Булгарского улуса.

Наряду с этим обстоятельством нельзя забывать о том, что в конце XIV–XV в. в результате климатических изменений, эпидемий, политических смут и военных конфликтов в Волго-Уралье произошли значительные демографические изменения и этнические миграции. Существенную часть городского и земледельческого населения Булгарского улуса, погибшую в результате пандемии «Черной смерти», заменили татары-кочевники, начавшие массовый переход к оседлому образу жизни. Таким образом, на средневековом этапе развития основными этническими компонентами волго-уральских татар были булгары, кыпчаки и татары, переселившиеся с востока в ходе чингизидских завоеваний.

Знатный татарин. XII в.
Реконструкция М.Горелика.
История татар. Т. 1. С. 349

Узловым звеном в административно-территориальной системе улусов Приуралья был Ак-идель улус, сформировавший этнокультурный ландшафт региона на столетия вперед.

Самое раннее упоминание Ак-идель улуса («Беловоложской земли») относится к московско-казанской войне 1467–1469 гг. Летописец, описывая войска казанского хана, перечисляет шесть восточных областей его государства: Беловоложская, Камская, Вотяцкая, Остяцкая, Сылвенская и Башкирская земли (улусы). Эта запись, сделанная современниками, свидетельствует, что улус в бассейне реки Белой

уже тогда был устоявшейся административной единицей в составе Казанского ханства, унаследованной от Золотой Орды.

История этих земель уходит корнями в дозолотоордынскую эпоху. До прихода Чингизидов здесь располагалась так называемая «Великая Венгрия», заселенная угорскими племенами. Монголо-татарское завоевание в XIII в. привело к частичному исходу мадьяр, а оставшееся население стало постепенно исламизироваться. Об этом говорят археологические находки, где мусульманские погребальные обряды соседствуют с элементами угорской культуры.

Чингизиды целенаправленно заселяли бассейн Белой, создав здесь Ак-идель улус. В регион прибыли переселенцы из Булгара и Средней Азии, что подтверждается появлением каменных мавзолеев, эпитафий и других следов развитой культуры. В результате сложного взаимодействия пришлых тюрко-мусульманских групп с автохтонным угорским населением началось формирование основных этносоциальных общностей Приуралья XV–XVII вв. После падения Казани на месте татарских улусов возникли поземельные волости.

Таким образом данная историко-культурная область начала осваиваться предками татар еще в период раннего средневековья. Являясь контактной зоной, в которой соприкасались и активно взаимодействовали представители тюркских, угорских, финно-угорских и монгольских сообществ, регион стал «общим домом» для разных племенных объединений средневековья. Со времени его вхождения в состав Золотой Орды доминирующим этнокультурным компонентом здесь стало тюркоязычное население, которое, оседая на земле, меняло характер своей хозяйственной жизнедеятельности. С золотоордынского периода в Западном Приуралье оформляется один из центров татарской государственности – «Беловоложская земля» (Ак-идель улус), являвшаяся частью Улуса Джучи, а впоследствии Казанского ханства, заселенная преимущественно оседлым мусульманским населением.

С образованием Казанского ханства процессы этноязыковой и социальной консолидации тюркоязычного населения Среднего Поволжья и Приуралья усиливаются, чему в немалой степени способствовали единство государственной территории (Казанского ханства), принадлежность к одной конфессии (исламу) и общая культурно-языковая ориентация. Это в свою очередь, способствовало росту социальной мобильности ясачного и служилого населения внутри Волго-Уральского региона. Татарские феодалы, сохраняя свои поместья в Поволжье, приобретали промысловые угодья в Приуралье, а

местное ясачное население свободно переходило на жительство из неспокойной лесостепной зоны Беловоложья в Предкамье, поселяясь там в татарских деревнях.

Коррективы в процесс этнокультурной консолидации внесло вхождение Волго-Уралья в состав Московского государства. С одной стороны, это привело к усилению миграции из Среднего Поволжья в Приуралье, что способствовало интенсификации этнокультурного взаимодействия. С другой стороны, формирование особой общественной страты жителей Уфимского уезда – «башкирцев», имевшей определенные права землевладения и обязанности перед Русским государством, создало предпосылки к возникновению сословных границ между ними и другими социальными группами региона. Само обозначение «башкирец» в русских источниках имело эндонимическое содержание – Московское государство, выделяя ясачное население Приуралья, маркировало его по географическому принципу. Часть территории Приуралья, вошедшая в конце XVI в. в состав Уфимского уезда, с периода раннего средневековья была известна как земля «бастарков», заволжских мадьяр («баскарды / паскатиры»). Несмотря на то, что в период монгольского нашествия местное угорское население было переселено или подверглось культурно-языковой аккультурации, данная историко-культурная область продолжала именоваться Баскардией/Башгард/Башкирией. Соответственно, и местное ясачное население вне зависимости от этнокультурной принадлежности, согласно сложившейся традиции, маркировалось как «башкирцы». Данная традиция сохранялась и после учреждения Уфимского уезда (конец XVI в.).

С конца XVI в. документально выделяется особая группа населения Уфимского уезда – уфимские татары. Она вобрала в себя как пришлых служилых людей при строительстве Уфимской крепости, так и автохтонное население, проживавшее между реками Ик и Белая. В своем труде П.С. Паллас подчеркнул, что уфимские татары – свойственники казанских, имеют многочисленные жилища и являются, бесспорно, самыми прилежными земледельцами. Территориальное указание на проживание данной группы в «Уфинской», «Айской», «Аксиевой» волости свидетельствует об исконном заселении татарами земель Беловоложского улуса. В последующем уфимские татары инкорпорировались в сословия «башкирцев», «мещеряков», «ясачных татар», «тептярей и бобылей».

Русский и татарин в XVI в. (Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908). История татар. Т. 5 (цв. вклейка)

Служилые татары Уфимского уезда сформировались из представителей татарского военно-феодального сословия восточных улусов Казанского ханства (тарханы, уфимские служилые татары) и служилых татар, переведенных в Приуралье для несения станичной и гарнизонной службы преимущественно с территории Северной Мещеры (служилые мещеряки). В связи с приграничным статусом Уфимского уезда и постоянной военной угрозой от кочевников – роль служилых татар в регионе была исключительно значимой. Являясь продолжателями ордынской военной традиции, служилые татары имели возможность эффективно противостоять кочевникам, нести погранич-

ную службу и решать другие важные задачи по защите юго-восточного фронтира Русского государства. В правовом отношении служилые татары приравнивались к русскому мелкопоместному дворянству и служилым иноземцам. За свою службу они получали поместное, хлебное и денежное жалованье, формировали отдельный кликовый список уфимских служилых людей.

Служилые татары, являвшиеся элитой татарского общества, продолжали оставаться носителями татарской идентичности, сформировавшейся в период средневековья. Таким образом, они были некой объединяющей «скрепой» татарского социума, носителями тюрко-татарской традиции государственности и ордынской военно-политической организации, что сыграло важную роль в сохранении единого татарского этнокультурного поля в эпоху интеграции Приуралья в состав Московского царства.

Татары. Гравюра Ж.Б.Лепренса. 1768 г.
История татар. Т. 5 (цв. вклейка)

Несмотря на вхождение Уфимского уезда в состав Московского государства, царское правительство слабо контролировало ситуацию на местах, о чем свидетельствовали восстания в крае в XVII–XVIII вв. Не имея ни экономических, ни людских ресурсов для колонизации новой территории, государство использовало местное население, предоставляя ему вотчинные права. В то же время росла численность податного пришлого населения, благодаря чему увеличивались налоговые поступления в казну и происходило хозяйственное освоение края. Пытаясь интегрировать нерусские народы в российское общество, правительство запустило процесс принудительной христианизации, чем вызывало недовольство местного населения и развитие новой волны антиправительственных выступлений. В конечном счете такая политика потерпела крах, и в правление Екатерины II произошла смена вектора по отношению к татарам-мусульманам. Участие татар в работе Уложенной комиссии принесло свои результаты: были сняты религиозные и торговые ограничения, татарские князья и мурзы были уравнены в правах с российским дворянством.

Можно говорить о стабилизации к XVIII в. границ Уфимского уезда и превращении территории Приуралья во «внутреннюю окраину» Русского государства. К этому времени, благодаря усилению военно-административного присутствия (строительство Закамской засечной черты и городов-крепостей, рост военно-бюрократического аппарата) и расширению крестьянской колонизации региона, произошла прочная инкорпорация Приуралья в «социальную» ткань страны. В 1744 г. была создана Оренбургская губерния с дуалистической формой власти на местах: гражданской и военной. Новым этапом административно-территориального управления Западного Приуралья стало введение в 1798 г. кантонной системы управления.

Во многих трудах башкирских историков Оренбургская губерния и некоторые примыкающие к ним области называются «Историческим Башкортостаном». Однако будет уместным считать, что территориальное пространство «Башкирии» никогда не было стабильным и привязанным к одному месту, оно неоднократно менялось не только в рамках реальных географических или административных границ, но и в сознании населения. Так, в экспликации к «генеральной карте Уфинской провинции и Башкирии 1732 г.» указано, что «…башкирские жительства ныне и по способности из Нагайской дороги лежат около Зилаирской крепости и Оренбургскому уезду». На карте желтым цветом выделена территория современных Хайбуллинского,

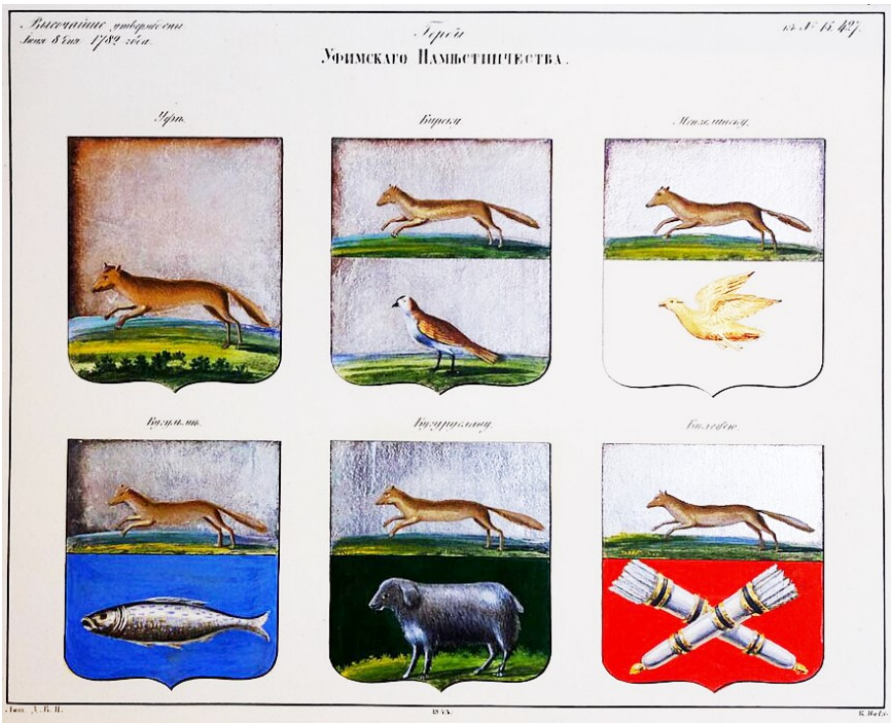
Баймакского и Зиянчуринского районов Республики Башкортостан и северной части Оренбургской области. Границы «башкирских жительств» практически коррелируются с границами «Малой Башкирии», утвержденными Соглашением от 20 марта 1919 г. между башкирским правительством и советскими властями.

Ещё в XVII в. в Уфимском уезде было введено разделение на административные дороги, которое практиковалось в Казанском ханстве. Территория Приуралья разделялась на четыре дороги: Казанскую, Ногайскую, Осинскую, Сибирскую. Административная система в регионе с течением времени всё больше приобретала черты, характерные для внутренней области государства, значительное влияние получали общерусские административные и сословные учреждения.

В разное время уездные воеводы и коменданты являлись высшим административным звеном в регионе, эти должности занимали, как правило, лица не из числа тюркского населения. Российские власти через воевод осуществляли управление старшинами, а последние по своему усмотрению руководили общинниками: наряжали свои команды на военную службу, собирали ясак, разбирали споры, вместе с представителями мусульманского духовенства совершали суд над провинившимися, решали земельные споры, касавшиеся их волостей. Низовым звеном управленческого аппарата являлись представители местного самоуправления – старшины, сотники, писари у мещеряков, тептярей, «башкирцев».

Участие группы уфимских новокрещен, преимущественно из татар, в восстании 1735–1736 гг. на стороне правительства спровоцировало образование новой этносословной группы татар – нагайбаков. С уфимских новокрещен был снят ясак, впоследствии они вошли в состав Оренбургского казачьего войска. Тем самым военно-служилый контингент в регионе из числа тюрков был пополнен крещеной корпорацией.

К середине XVIII в., кроме нагайбаков, в состав военно-служилого населения входили мещеряки, «башкирцы». В 1790 г. произошли серьёзные изменения в социально-правовом статусе тептярей – их повинности и обязанности были максимально приближены к положению мещеряков и «башкирцев», когда из их числа был образован пятисотенный полк и они стали полноценным военно-служилым сословием.



Гербы городов Уфимского наместничества:
Уфа, Бирск, Мензелинск, Бугульма, Бугуруслан, Белебей

Несение линейной службы являлось основной повинностью для военно-служилых людей региона и ложилось тяжёлым бременем на татар. Начинаясь с 16 мая каждого года, она продолжалась до 16 ноября, некоторые из мужчин оставались нести и зимнюю линейную службу. Служба в Казахской степи сопровождалась постоянной опасностью охранять караваны и защищать местное население военно-служилым людям приходилось в сложных условиях выживать, они должны были приспосабливаться к холоду, жаре, борьбе с кожными паразитами и т.д.

10 апреля 1798 г. было объявлено об учреждении новой военизированной системы управления в Оренбургском крае, согласно которой Оренбургское казачье войско делилось на 5 кантонов, также были учреждены 11 башкирских, 5 мещерякских кантонов, 2 кантона Уральского казачьего войска. Власти получили существенный запас военного контингента для решения внешнеполитических задач и

стабилизации внутреннего порядка в регионе. Тептяри, «башкирцы», мещеряки, нагайбаки и другие тюрки-казаки успешно выполняли возложенные на них обязанности.

Таким образом, Приуралье и проживавшее здесь татарское население сыграли заметную роль в истории. Эта историко-культурная область являлась одним из центров формирования татарского этноса и татарской государственности. В период вхождения в состав Русского государства в связи с особенностями социальной стратификации, системы фискального учета и землевладения татары Уфимского уезда оказались в составе разных сословных групп Приуралья – «башкирцев» / «башкир», «тептярей и бобылей», «служилых мещеряков», государственных крестьян, купцов, дворян и проч. Но несмотря на наличие социальных границ и различий татары рассматриваемого региона продолжали сохранять единое культурно-информационное пространство базировавшееся на общности языка и письменной традиции, исторической памяти, конфессионального статуса и традиционной культуры.

Глава I.
ЭПОХА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ТАТАРСКИХ ХАНСТВ

Анвар Аксанов

§ 1.1. Расширение Улуса Джучи на запад и его последствия

Одним из эпохальных событий в истории человечества стало создание империи Чингиз-хана. Завоевания Чингиз-хана и его потомков перекроили карту государств и народов Евразии. Эта участь не обошла стороной и приуральские земли. Чтобы понять, насколько масштабные перемены там произошли, необходимо сделать небольшой экскурс в домонгольский период.

Испокон веков через Приуралье пролегали торговые пути в Сибирь, южная часть Приуралья соприкасалась с Великой Степью, по которой пролегали маршруты миграций различных народов Северной Евразии. Поэтому глубокий след в истории этих земель оставило Великое переселение народов, вызванное миграцией гуннов на запад (IV–V вв.), а также господство Тюркского каганата (VI–VII вв.), булгар, печенегов, огузов, кимаков, кипчаков и других племенных союзов, в разное время вступавших в контакты с приуральскими уграми. То есть тюркские племена издревле проникли в Волго-Уральский регион, где, взаимодействуя с угорскими племенами, создавали политические объединения.

Движение угров из Зауралья на запад началось в VI в. В VIII в. в лесостепное Приуралье переселилась новая волна угров, которых исследователи ассоциируют с населением Великой Венгрии (Magna Hungaria). В историографии их называют восточными мадьярами, имея в виду, что существовали еще и западные мадьяры или венгры, которые в IX в. перебрались на берега Дона и Кубани и попали в зависимость от Хазарского каганата, а потом переселились в Паннонию. В

арабских источниках IX–XI вв. приуральские (восточные) венгры известны под этнонимами «маджгард», «башг»[1], «башджард», «басджирт», а в латинских источниках XIII–XIV вв. – «баскард», «паскатир». В Приуралье они вступили во взаимодействие с поволжскими булгарами, также недавно переселившимися в эти пределы.

Фреска с изображением венгерского воина (Италия)

Вследствие миграционного давления со стороны народов Сибири и/или из-за изменения природно-климатических условий (например, повышение увлажненности лесов Северной Евразии) часть мадьяр-венгров переселилась на запад. Согласно хронике Венгерского Анонима, семь мадьярских племен «в 884 году... перешли реку Этил на бурдюках по способу языческому…»[2], впоследствии они добрались до Паннонии и создали там Венгерское королевство. В составе переселившихся венгров были и тюркские племена, которые в новой Венгрии играли важную роль, что зафиксировано у ал-Гарнати. Венгры тесно контактировали с волжскими булгарами, о чем свидетельствуют и археологические памятники, в том числе Больше-Тиганский, Тетюшский, Танкеевский, XII Измерский, Больше-Тарханский могильники, имеющие мадьярские черты.

[1] По заключению В.А. Иванова и А.М. Белавина, «встреченные Ибн Фадланом «башкиры» были кочевые угры» (см.: История татар Западного Приуралья. Т. I. Казань, 2016. С. 123).

[2] Там же. С. 38.

Тяжеловооруженный булгарский воин. XII – начало XIII в.
Реконструкция М.В. Горелика. История татар. Т. 2. С. 357

Многочисленные клады арабских монет, в которых часто присутствуют и монеты булгарского чекана, указывают на то, что в IX–XI вв. Приуралье включилось в зону арабо-булгарской торговли, а также экономического и политического влияния Волжской Булгарии. А в слоях XII–XIV вв. найдены булгарские подвески, разделители четок, предметы вооружения и другие находки, которые, наряду с мусульманскими захоронениями, свидетельствуют о значительной исламизации населения Приуралья. Проанализировав комплекс письменных и археологических данных, А.М. Белавин пришел к выводу, что «Волжская Булгария к XI–XII вв. фактически присоединила земли Предуралья», что позволило булгарскому эмиру «собирать в Прикамье налоги: джизью и харадж»[3]. В сочинениях арабских авторов Пермское Предуралье, находившееся в зависимости от булгар, обозначалось как область «Вису-Чулман», которая, вероятнее всего, соответствовала «Камской земле», зафиксированной в русских летописях XV в.[4]

В меньшей степени в домонгольское время булгарское влияние ощущалось в землях к югу и востоку от Вису-Чулман. Часть мадьяр осталась на своей исторической родине, известной, по латинским источникам, как страна «Паскатир», «Баскард» или Великая Венгрия, которая занимала значительную часть территории Южного и Среднего Приуралья. Более точные ориентиры расположения Великой Венгрии приведены на карте Идриси, где она помещена между рекой Камой и Уральскими горами[5]. До XIII в. население этой страны продолжало сохранять свой язык (близкий к венгерскому), верования и память о том, что их сородичи ушли на запад. Археологи соотносят этот народ с носителями караякуповской, кушнаренковской и, позднее, чияликской культур. Основным видом хозяйственной деятельности этого населения было отгонное скотоводство. Занимались они и земледелием, имея стационарные жилища и поселения, из-за чего их характеризуют как полукочевников. Незадолго до завоеваний Бату, в 1235 г., Великую Венгрию посетил венгерский католический миссионер монах Юлиан, который засвидетельствовал, что баскарды говорили на венгерском языке, т.е. были уграми по языку.

---

[3] История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 80.

[4] См.: ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 282.

[5] У Идриси Великая Венгрия обозначена как «басгирт» (См.: История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 97).

Говоря о тюркизации приуральских угров, необходимо учитывать и влияние их восточных соседей – мощного тюркского государства кимаков (Кимакского каганата), где одним из основных государствообразующих племен были древние татары, язык которых Махмуд ал-Кашгари определял как тюркский. После падения Кимакского каганата из среды кимаков вышли кыпчаки, которые и определили в будущем языковую ситуацию в Волго-Уралье. Как известно, кыпчакский язык был очень близок или даже идентичен средневековому татарскому языку. В кыпчако-латинско-персидском словаре «Кодекс Куманикус» (1303 г.) он так и назван – татарский язык («tatar tili»). О том, что татары и кыпчаки произошли из одного рода и племени писали такие авторитетные историки, как Ибн ал-Асир (1160–1233/1234 гг.) и Рашид ад-Дин.

Итак, накануне большого западного похода Бату 1236–1241 гг. к востоку от Волжской Булгарии (начиная с Икско-Бельского междуречья) располагалась историко-географическая область так называемой Великой Венгрии (Magna Hungaria, Баскардия), которая включала в себя обширные земли на Среднем и Южном Урале. Еще в домонгольский период под влиянием булгар в Икско-Бельское междуречье проник ислам, здесь обнаружены мусульманские поселения и могильники. При этом сложно сказать, насколько эти и другие земли Великой Венгрии зависели от Волжской Булгарии. Впрочем, упоминание о булгарских военных заставах на реке Яик (река Урал), косвенно указывает на политическую зависимость южной части Великой Венгрии от Волжской Булгарии накануне монголо-татарского завоевания.

А Пермское Предкамье (бассейн правых притоков Средней Камы) в составе области «Вису-Чулман» в этот период было под властью булгар, основавших здесь крупные торгово-ремесленные центры. Одним из самых изученных объектов этого региона является Рождественское городище (Афкула), в котором проживало мусульманское население. Поскольку с востока к области «Вису-Чулман» примыкала северная часть Великой Венгрии, вполне допустимо, что булгарское влияние распространилось и здесь.

Военное противостояние Волжской Булгарии с монголо-татарами продолжалось около 14 лет. В союзе с булгарами против войск Джучи воевали восточные венгры. Силами одного улуса не удалось покорить Волжскую Булгарию и Великую Венгрию. Поэтому на курултае монгольской знати 1235 г. было принято решение отдать в

распоряжение Бату войска из других улусов Монгольской империи. Как известно, Бату получил настолько значительные силы, что в результате его похода были покорены обширные земли от Великой Венгрии и Волжской Булгарии на востоке до Червонной Руси и Дунайской Болгарии на западе. Это привело к серьезным политическим и этническим изменениям на карте Восточной Европы. В данном случае нас больше интересуют перемены, произошедшие в Приуралье. А об этом наиболее ярко свидетельствуют латинские источники.

В 1237 г. монах Юлиан вновь отправился к приуральским венграм-язычникам, чтобы призвать их к христианству. Но на этот раз он добрался только до восточных границ Владимиро-Суздальского княжества, где ему сообщили о том, что баскарды (венгры-язычники), «и болгары и многие царства тартарами были совершенно опустошены». Это известие Юлиан получил от «венгров-язычников», бежавших со своей родины от татар. То есть часть приуральских венгров в результате монголо-татарского вторжения бежала на запад. Матвей Парижский в своей «Великой хронике», в записи от 1238 г., упомянул о завоевании «Великой Венгрии»: «Некое чудовищное и дикое племя людей прорвалось через северные горы и завоевало обширные и богатые земли Востока, опустошило Великую Венгрию, отправляя к тому же повсюду угрожающие письма вместе с ужасающими посланниками»[6]. То есть, по сообщениям современников событий, войско Бату в 1236 г. опустошило Великую Венгрию.

Очевидно, что значительная часть восточных венгров (баскардов) погибла в войне, часть бежала на запад и на север. Причем сохранилось солидное количество сведений, указывающих на то, что другая часть приуральских венгров была расселена по различным улусам Монгольской империи. Такая переселенческая политика зачастую применялась Чингизидами по отношению к народам, оказавшим наиболее серьезное сопротивление при завоевании. Такие племена распределялись между новообразованными кланами, как это произошло с татарами-алчын, меркитами и киргизами[7]. Как показывают письменные источники, подобным путем часть восточных венгров оказалась в Средней Азии. Так, Р. Хаутала, обосновывая тезис о депортации восточных мадьяр-венгров, привел два послания папы

[6] История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 167.

[7] См.: Миргалеев И.М. К вопросу о клановой системе в золотоордынском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып.1. Казань, 2010. С. 132–136.

Иоанна XXII от 1329 г., в которых упоминалось о пребывании венгров в Чагатайском улусе. Впоследствии эти венгры были ассимилированы среднеазиатскими тюрками. Вполне возможно, именно из этих переселенных маджар-паскатир происходит племя мажар в Кашкадарьинской области Узбекистана, а также казахское племя мадияр.

Таким образом, в результате Западного похода Бату приуральские венгры-баскарды, как и многие другие завоеванные народы, оказались в рамках золотоордынских цивилизационных процессов и вскоре утратили свой язык, религию и растворились среди тюрок-мусульман. В южной части Великой Венгрии (Икско-Бельское междуречье и Южный Урал) процесс исламизации начался еще в эпоху Волжской Булгарии, и в золотоордынское время эта территория была полностью исламизирована. Тогда как в северной части Баскардии (Средний Урал) процессы исламизации и тюркизации угорского населения проходили настолько медленнее, что местные баскарды-баскирды (башкиры) сохранили свои верования и язык до XVI в.[8] В целом память о Великой Венгрии (Баскардии), судя по источникам, продолжала жить столетиями. При этом имя Баскардия (или Башкырд) получил один из улусов Золотой Орды, находившийся на Среднем Урале. В отчете монаха-миссионера Иоганки от 1320 г. говорится, что в Баскардии судьями были татары. Согласно ему, правитель всей Баскардии отказался принять христианство, так как исповедовал ислам[9]. Еще ранее Гийом де Рубрук писал, что земля «Паскатир» (Баскардия), известна ему «через братьев проповедников, которые ходили туда до прихода Татар»[10]. При этом Рубрук сообщил и о том, что после установления татарской власти эти земли были подчинены мусульманам Булгарского улуса и многие жители Баскардии стали мусульманами[11].

Фактически Золотая Орда (Улус Джучи) начинает вести самостоятельную политику при хане Берке (1257–1266 гг.), который первым из Джучидов принял ислам. Берке не побоялся выступить против младшего брата великого хана Монгольской империи – Хулагу, когда последний приступил к завоеванию Ближнего Востока. Защищая мусульман, хан Берке заключил союз с мамлюкским султаном Бейбар-

[8] См.: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 118.

[9] См.: История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 341.

[10] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 123.

[11] Там же.

сом и атаковал закавказские владения Хулагу. Однако официально Джучиды объявили о своей независимости только при хане Менгу-Тимуре на Талласском курултае 1269 г.

С этого события можно вести отсчет истории Золотой Орды. Во главе этой огромной евразийской державы стояли ханы из рода Джучи. Вторым лицом в государстве был беклербек, который управлял армией, внешней политикой и верховным судом. Далее по значимости шел визирь, он отвечал за гражданские и финансовые дела и координировал работу дивана – законосовещательного органа при хане.

Интронизация хана. Миниатюра из персидской рукописи «Шах-наме». Около 1330-х гг. Институт Смитсена, Вашингтон.
История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

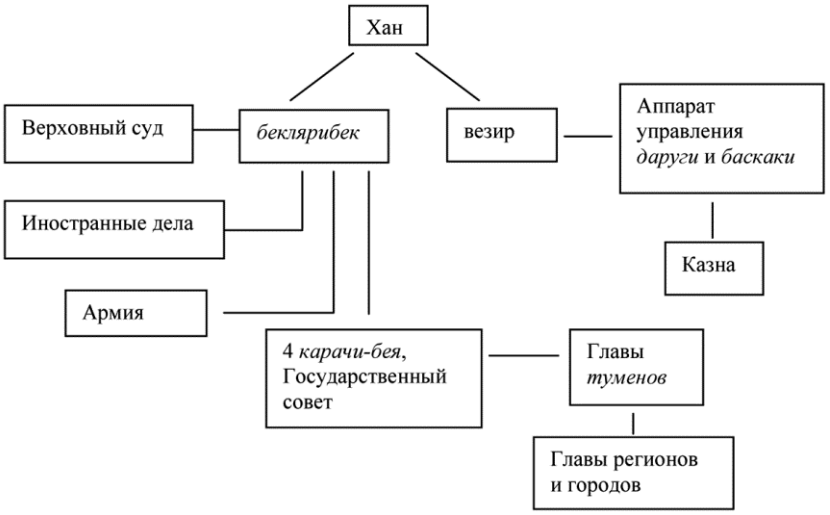


Схема Административная система.
История татар. Т. 3. С. 311

Золотая Орда простиралась от Иртыша и предгорий Алтая на востоке до низовьев Дуная на западе, и административно была разделена на Правое и Левое крылья: Правое крыло – Ак Орда, которая включала в себя земли к западу от реки Урал (Джаик), Левое крыло – Кок Орда, она составляла восточную часть Улуса Джучи. В свою очередь эти крылья (орды) делились на улусы, разделенные между отдельными родами династии Джучидов (потомками Бату, Орду-Эджена, Шибана, Тука-Тимура и других сыновей Джучи).

Административным центром государства являлась ханская ставка, которая кочевала между Булгарским и Сарайским юртами. Летние кочевья ханской орды достигали Закамья, включая лесостепные и степные районы Приуралья. Как отмечалось выше, Приуралье входило в Булгарский юрт (улус), который в источниках назывался «царевым юртом», т.е. вся эта территория была включена в ханский домен. Вероятнее всего, еще во второй половине XIII в. в бассейне реки Белой был учрежден Ак-идель улус, известный по источникам XV в. как «Беловоложская земля»[12]. Ак-идель улус, как и улусы Чулман и Башкырд (по Омари), был подчинен Булгару. Во главе всех этих улусов находились улусбеки (улусные князья), назначаемые из центра.

[12] См.: Полное собрание Русских летописей (ПСРЛ). Т. 25. С. 282.

Согласно данным католических миссионеров и эпитафиям, в первой половине XIV в. правителями этих земель были татары-мусульмане[13].

Объединение огромной территории под властью единого хана, стабильность и порядок стали залогом бурного экономического и культурного развития всех улусов Золотой Орды. На обширных степных просторах успешно развивалось скотоводство, в речных долинах – земледелие, а в северных лесных и лесостепных районах – пушной промысел. Вместе с тем Золотая Орда участвовала в трансконтинентальной торговле, связывая Средиземноморье с Центральной Азией и Дальним Востоком. Джучиды контролировали и Волжский торговый путь, через который шел обмен товаров между Северной Европой и мусульманским Востоком.

Центральная часть Болгара с мавзолеем и Джами-мечетью.
Вид с юго-востока. Улус Джучи. XIV в. Болгар. Фото И.Л.Измайлова.
История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

[13] См.: История татар Западного Приуралья. Том I. С. 341–342.

Плодами бурного экономического развития стали многочисленные города, большинство которых возникло в Поволжье. Крупнейшим городом Золотой Орды являлся Сарай, его население составляло 75 тысяч человек. По данным арабского купца Ибн Баттуты от 1334 г., «город Сарай (один) из красивейших городов, достигших чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами»[14]. В городах, помимо торговли, развивалось ремесленное производство. Вместе с тем золотоордынские города стали центрами образования и духовной жизни. Арабские авторы отмечали, что «Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась (такая) добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобной не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его»[15]. В Сарае насчитывалось 13 соборных и множество квартальных мечетей.

Караван на Великом Шелковом пути. Миниатюра из Каталанского атласа Абрахама Креска. 1375 г. Британская библиотека, Лондон.
История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

[14] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 306.

[15] Там же. С. 463.

Чтецы Корана. Миниатюра
из персидского манускрипта
начала XIV в. Берлин
История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

Как упоминалось выше, письменные источники свидетельствуют о том, что в золотоордынское цивилизационное пространство были включены и приуральские улусы. К тому же об исламизации местного населения в конце XIII–XIV вв. ясно свидетельствуют данные археологии и эпиграфики. Оставшееся в Приуралье угорское население археологи соотносят с носителями чияликской археологической культуры конца XIII – начала XV в. Для чияликцев были характерны захоронения, осуществленные по канонам ислама, но с пережитками «языческого угорского обряда: это круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники (Кушулевский, п. 1, 65; I Азметьевский, п. 44, 50, 93), женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с желудевидными бусинами»[16].

Впрочем, по мнению И.Л. Измайлова, нет оснований утверждать, что носителями этой культуры было местное угорское население, поскольку не очевидна связь чияликской культуры с кушнаренковско-караякуповской культурой VI–IX вв. Ученый считает, что население чияликской культуры было смешанным и включало различные по происхождению мусульманские общины, поэтому «не исключено, что часть этого населения специально переселялась насильственно или добровольно из Зауралья и Южной Сибири»[17].

[16] История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 123.

[17] Измайлов И.Л. Становление татаро-мусульманской общности в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV веках // Золотоордынское обозре-

На основе более поздних сообщений можно допустить, что на обширном пространстве Великой Венгрии Чингизиды учредили несколько новых улусов (Ак-идель, Иштякский, Сылвенский и Башкирский). Основу Ак-идель улуса составили переселенцы из Булгара и Средней Азии. Это подтверждается тем, что на данной территории появляются булгарские эпитафии[18] и культовые сооружения, построенные в булгарском и среднеазиатском стилях. Г.Н. Гарустович выделил в Волго-Уральском регионе «булгарскую» и «среднеазиатскую периферийную» школы зодчества. По его словам, «строения двух этих школ зодчества легко различаются между собой, поскольку к «булгарской» школе относятся каменные мавзолеи, а к «среднеазиатской периферийной» школе – строения из обожженного квадратного кирпича»[19].

В Икско-Бельском междуречье сохранилось три мавзолея (на территории современного Чишминского района РБ), построенных представителями булгарской школы зодчества. Два мавзолея расположены на левом берегу реки Слак. Один из них известен как мавзолей Тура-хана. Само название имеет позднее происхождение, в мавзолее обнаружено два мусульманских захоронения. Рядом с мавзолеем Тура-хана находится еще один мавзолей (Малый кэшэнэ), который со временем был сильно разрушен. В нем обнаружено четыре мусульманских захоронения. На древнем кладбище близ села Чишма сохранился мавзолей Хусейн-бека, в котором обнаружено девять мусульманских захоронений с эпитафиями. Один из надмогильных камней принадлежит Хусейн-беку – сыну Умар-бека из Туркестана, который умер в 1339 г. При строительстве купольной части всех этих мавзолеев использовался вулканический туф, привезенный из булгарской каменоломни, что доказано с помощью петрографического анализа.

Помимо мавзолеев в Западном Приуралье сохранилось немало надмогильных камней с арабографическими эпитафиями XIV в. Г.В. Юсупов вблизи села Чишма обнаружил несколько мусульманских кладбищ с эпитафиями, характерными для булгарских памятников конца XIII – первой полови XIV в. Мусульманские памятники этого типа были найдены и в соседних Чекмагушевском и Кушнарен-

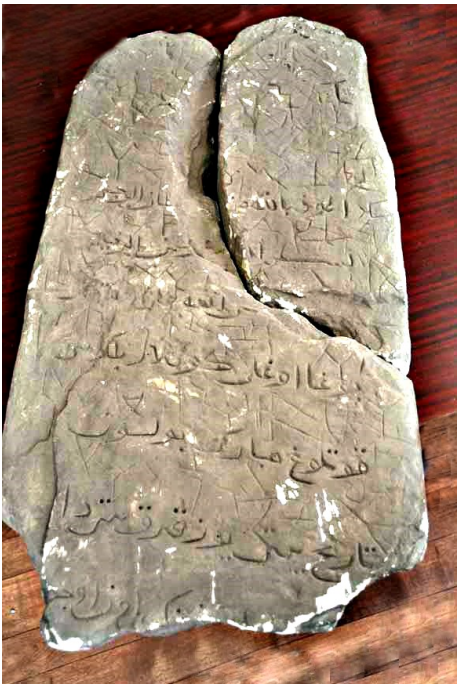
ние. 2024. Т. 12, № 1. С. 191. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200 EDN: UAVBBK

[18] См.: Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960. С. 111–138.

[19] История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 178–179.

ковском районах РБ. Всего на территории Ак-идель улуса обнаружено около 20 эпитафий золотоордынского периода.

По данным археологии, во второй половине XIII–XIV вв. в бассейне рек Ик и Белая появляются селища с золотоордынским типом материальной культуры, для которой были характерны круговая посуда, определенный тип ювелирных изделий и вооружения. В условиях политической стабильности увеличилось оседлое население, зона активного земледелия существенно расширилась на юг, достигнув среднего течения закамских рек. При этом в лесостепных и степных районах Закамья и на Южном Урале со второй половины XIII в. Появляются кочевнические памятники нового золотоордынского типа (Байряки-Тамакский, Песчаноостровной, Балымерский и другие могильники). Для них были характерны «захоронения под небольшими земляными или каменными насыпями, а иногда просто в грунтовых ямах с перекрытием, умершие ориентированы чаще всего на север или запад, изредка они сопровождаются захоронением коня и погребальным инвентарем (конское снаряжение, оружие, украшения и предметы быта)»[20]. Эти могильники типологически соответствуют татарским памятникам Поволжья, Южной Сибири и Централь-



Старокалмашевский надмогильный камень (надгробная плита) (по: Габдрафиков И.М. Урочище Кала-тау – средневековый памятник археологии и эпиграфики Западного Приуралья // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 921–926)

[20] Измайлов И.Л. Восточное Закамье в IX–XVI веках: этническая ситуация в условиях пограничья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XVIII. Пермь, 2021. С. 82.

Коранница. Серебро, позолота, чернь. Улус Джучи. XIV в. Государственный Эрмитаж. История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

ной Азии. То есть археологически зафиксировано проникновение татар-кочевников до низовьев Камы.

К XIV в. языческие захоронения татар сменяются на мусульманские погребения. После принятия ислама наиболее знатных татар-кочевников стали хоронить в мавзолеях (кэшэнэ). В это же время часть татар переходит к оседлому образу жизни. Во второй половине XIII–XIV вв. археологически зафиксировано переселение мусульман-земледельцев из Западного Закамья в Восточное. В Ак-идель улусе возрастает число поселений золотоордынского типа. «Памятники эти расположены как на левобережье Камы, так и вдоль рек Ик и Белая (Семиостровское I, Баскульское VI, Бикбуловское, Меллятамакское I, Новохуторское I и др. Селища)»[21]. Проанализировав весь комплекс источников, И.Л. Измайлов заключил, «что именно с этого момента в Восточном Закамье, особенно в низовьях рек Зай, Ик, Белая (Ак-Идель) начинает формироваться татарское военно-служилое население, ставшее важным компонентом формирования современных татар»[22].

Учитывая данные письменных источников и археологии об исламизации приуральского населения, напрашивается вывод о том, что во второй половине XIII–XIV в. важную роль в исламизации местного населения сыграли мусульмане из Булгара и Средней Азии. Ви-

[21] Измайлов И.Л. Становление татаро-мусульманской общности в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV веках // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 191. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-1.186-200 EDN: UAVBBK

[22] Измайлов И.Л. Восточное Закамье в IX–XVI веках: этническая ситуация в условиях пограничья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XVIII. Пермь, 2021. С. 82.

димо, столь значительная миграция населения ускорила не только исламизацию, но и тюркизацию немногочисленных приуральских угров, оставшихся после монголо-татарского нашествия.

В период Золотой Орды татары-кочевники сформировали правящий военно-служилый слой государства и выступили цементирующей этнополитической силой. Благодаря распространению ислама начал складываться единый койне и литературный язык (известный в литературе как тюрки или старотатарский), который стал языком проповеди для простого народа, что способствовало сближению и консолидации различных этнических групп населения Волго-Уралья. Культурное влияние мусульманской Волжской Булгарии и Золотой Орды привело к тому, что древнее население Икско-Бельского междуречья влилось в состав тюрок-мусульман Булгарского улуса.

Сражение. Миниатюра из персидской рукописи «Шах-наме».
Около 1330-х гг. Британская библиотека. Лондон.
История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

Подобным образом сложилась судьба и Пермского Приуралья. Согласно русским источникам, эта территория известна как «Камская земля», она располагалась в бассейне правых притоков Средней Камы (реки Иньва и Обва)[23]. Булгары и арабы Каму выше устья Белой (Акидель) называли рекой Чулман, а Кама ниже устья Белой называлась Кара Идиль (Итиль). Еще до монголо-татарского завоевания область (страна) «Вису-Чулман» («Вису» у Ибн Фадлана, «Джолман» у Ибн Халдуна) входила в сферу политического, экономического и социокультурного влияния Волжской Булгарии. Административным центром этой земли был город-крепость Афкула, который соотносится с Рождественским археологическим комплексом на реке Обва и упоминается многими арабскими авторами XIII–XV вв. Уже в X–XIII вв. в Вису-Чулман существовали булгарские торговые фактории с развитым ремесленным производством. Данная область, очевидно, находилась и в политической зависимости от Булгара, поскольку арабские авторы упоминают о том, что правитель Булгара собирал налоги (джизью и харадж) с этих земель. В городищах Вису-Чулман археологи обнаружили многочисленные предметы вооружения и быта, указывающие на проживание здесь булгарского населения. Судя по захоронениям и религиозным предметам (коранницы, разделители четок и т.п.), уже в домонгольское время здесь проживало много мусульман. Причем в золотоордынский период после некоторого упадка политическое и культурное влияние Булгарского юрта в улусе Чулман возрождается и усиливается.

Итак, расцвет золотоордынской цивилизации приходится на середину XIV в., что нашло отражение и в архитектурных памятниках Приуралья. Однако тогда же появились и первые признаки грядущего кризиса. С одной стороны, строительство и активная жизнедеятельность десятков крупных золотоордынских городов привели к серьезному изменению природного ландшафта, связанного, прежде всего, с масштабной вырубкой лесов, что сопровождалось высыханием почв. С другой стороны, уменьшилась солнечная активность, и началось глобальное похолодание. Результатом всего этого стали частый неурожай и голод, который привел к ослаблению иммунитета у значительной части населения Улуса Джучи. Это, в свою очередь, создавало благоприятную почву для распространения инфекционных заболеваний. Первая волна «черной смерти» (пандемия чумы) при-

[23] См.: История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 73.

шла из Средней Азии в 1346 г. Тогда от тяжелой болезни в Золотой Орде погибли сотни тысяч людей. Вместе с этим стали ослабевать позиции Золотой Орды на Балканах, что поставило под угрозу средиземноморскую торговлю.

Тарханный ярлык хана Токтамыша. 1392 г.
История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

Впрочем, важнейшей причиной упадка Золотой Орды стала междоусобная война, начавшаяся после жестокого правления хана Бердибека (1357–1359 гг.). Этот хан казнил своего сына и 12 братьев, не оставив наследников престола из рода Бату. Поэтому после его смерти разразился династический кризис, который сопровождался оже-

сточенной борьбой за ханское место. За последующее двадцатилетие на сарайском престоле побывало не менее 25 ханов. В результате этой смуты, вошедшей в историю как «великая замятня», государство сильно ослабло. Восточная часть орды (Кок Орда) перестала подчиняться ханам Сарая. Великое княжество Литовское отвоевало у Золотой Орды Киев и Чернигов с прилегающими к ним землями. Северо-Восточная Русь перестала выплачивать дань. В западной части Улуса Джучи утвердилась власть беклерибека Мамая, при котором правили ханы-марионетки. Так, был нанесен серьезный удар по институту ханской власти.

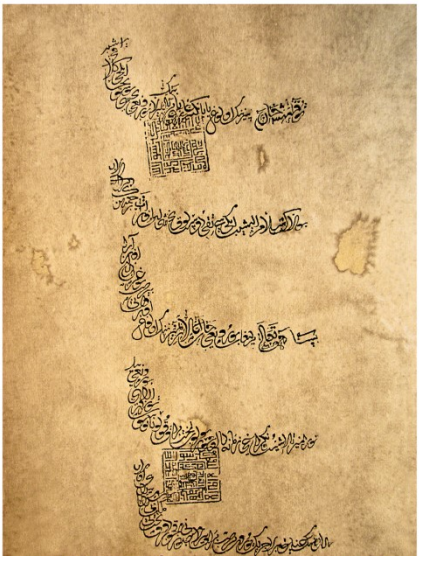
Золотоордынский конный латник.
XIV в. Реконструкция М.В.Горелика.
История татар. Т. 3. С. 420

В 1380 г. Мамай попытался возобновить сбор дани с Руси, но потерпел поражение от войск московского князя Дмитрия Ивановича на Куликовом поле. Воспользовавшись этим, к власти в Сарае пришел хан Токтамыш, который сумел возродить авторитет ханской власти и стабилизировать ситуацию в Золотой Орде. В 1382 г. Токтамыш осуществил успешный поход на Москву. После этого хан активизировал внешнеполитическую деятельность, направленную на восстановление позиций Орды в международной торговле. Но здесь Токтамыш столкнулся с интересами среднеазиатского правителя Тамерлана (Тимура). Борьба за контроль над Великим шелковым путем привела к открытому военному противостоянию. В 1391 г. и 1395 г. Тамерлан нанес поражения Токтамышу и разорил многие золотоордынские го-

рода. Именно с этими событиями предания приуральских татар связывают разрушение крепости Калатау в Ак-идель улусе. Археологам этот памятник известен как Старокалмашевское городище на территории современного Чекмагушевского района РБ. Однако не стоит исключать, что Калатау, Уфа (археологическое городище «Уфа-II») и другие крепости Ак-идель улуса окончательно перестали существовать намного позже – в ходе присоединения Приуралья к Русскому государству. Для установления реальных причин их разрушения необходимы дополнительные археологические исследования.

Нашествие Тамерлана открыло врата для новой смуты. Междоусобная война разгорелась между ханом Токтамышем и беклярибеком Идигеем, которого поддерживал Тамерлан. После гибели Токтамыша в 1406 г. его сыновья продолжили противостояние с Идигеем. В 1419/1420 г. в результате очередного сражения погибли оба предводителя: Идигей и хан Кадыр-Берды, сын Токтамыша. После смерти Кадыр-Берды прямых наследников Токтамыша не осталось, поэтому беки решили выбрать ханом сына двоюродного брата Токтамыша – Улуг Мухаммада.

В период междоусобных войн резко возрос авторитет племенной аристократии, которая часто устраивала государственные перево-



Послание хана Улуг Мухаммада. История татар. Т. 3 (цв. вклейка)

роты. Поэтому Улуг Мухаммад согласился стать ханом только после того, как беки принесли ему клятву в верности. Всё же предводители знатных татарских кланов не раз предавали Улуг Мухаммада на поле боя и устраивали заговоры в пользу других претендентов на престол. Однако хан, проявляя незаурядные способности политика и полководца, возвращал себе власть.

Таблица

Татарские государства XV–XVIII вв.

Составитель *Искандер Измайлов.* История татар. Т. 4. С. 808

Татарские государства	**Время существования**	**Столица**	**Правитель, династия**	**Правящие кланы**	**Деление улуса**	**Аристократия – податное сословие**
Улуг Улус (Большая Орда)	1440-е–1502	Сарай (совр. Волгоград)	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды	Кийат, Кыпчак, Алчин, Найман + Мангыт	Два крыла?	Татары – мусульмане
Сибирское (Тюменское) ханство	1420–1598	Чимги-Тура, Искер совр. Тюмень)	Хан, Джучиды: Шибаниды	Джалаир, Кунграт, Сиджеут, Найман	Два крыла	Татары – ясачные татары
Казанское ханство	1437/45–1556	Казань (совр. Казань)	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды, Шибаниды, Гиреиды	Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак	Четыре даруги + «Мангытское место»	Татары – мусульмане = ясачные татары (и/или посошная чюваша)
Касимовское царство (ханство)	1450-е – 1681	Царев городок, Хан-Кермен (совр. Касимов)	Хан (Царевич) Джучиды	Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак	Два крыла	Служилые татары – мусульмане

Астраханское ханство	1459/1502–1556	Хаджи-Тархан (совр. Астрахань)	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды	Хатай, Кунграт, Мангыт, Алчын	Два крыла	Татары – мусульмане
Казахское ханство	1469–1718	–	Хан, Джучиды: Урус-ханиды	Минг, Йуз, Кырк, Джалаир	Три жуза	Казаки – сарт
Узбекское ханство (Государство кочевых узбеков)	1469–1510	Ургенч (совр. Куня-Ургенч); Бухара (совр. Бухара)	Хан, Джучиды: Шибаниды	Минг (Мангыт), Кунграт, Джалаир, Алчин и др.	Два крыла (правое и левое место от хана)	Узбеки (Татары) – сарты, тазики (таджики)
Ногайская Орда	1480–1613	Сарайчик	Бий, Идегеиды	Мангыт	Два крыла	Татары (ногаи) – кочевые тюркско-татарские племена
Крымское ханство	1441–1783	Бахчисарай (совр. Бахчисарай)	Хан, Гиреи	Ширин, Аргын, Барын, Селджеут (Яшлав); позднее Ногаи	Две части – степная и прибрежная, четыре улуса	Татары, караимы – татары-мусульмане, греки и т.д.

В период его правления важнейшей проблемой оставалась борьба с потомками Идигея. Согласно сведениям «Кара таварих», из-за предательства бека Тегене войско Улуг Мухаммада потерпело поражение от хана Гаясаддина и бека Мансура, сына Идигея. А после смерти Гаясаддина и Мансура, когда к власти в Сарае пришел Кечек Мухаммад, Улуг Мухаммад попытался отвоевать свои владения. Но в этом противостоянии ни одной из сторон не удалось одержать верх, из-за чего беки решили поделить улусы: «река Идиль, Хаджи Тархан и Сарайчук достались Кечек Мухаммад хану, а Крым – Улуг Мухаммад хану»[24]. То есть земли Приуралья некоторое время находились под властью Гаясаддина и Кечек Мухаммада.

В 1436/1437 г., когда обессиленный Улуг Мухаммад вернулся в Крым, бек Хайдар восстал против него и возвел на ханское место Сеийд-Ахмада. Улуг Мухаммад был вынужден покинуть Крым и отправиться в Среднее Поволжье. То есть в результате междоусобных войн к концу 1430-х гг. окончательно распалась и западная часть Золотой Орды – Ак Орда, на территории которой вскоре образовались самостоятельные государства: Крымское, Казанское, Тюменское (Сибирское) ханства и Большая Орда (Улуг Улус).

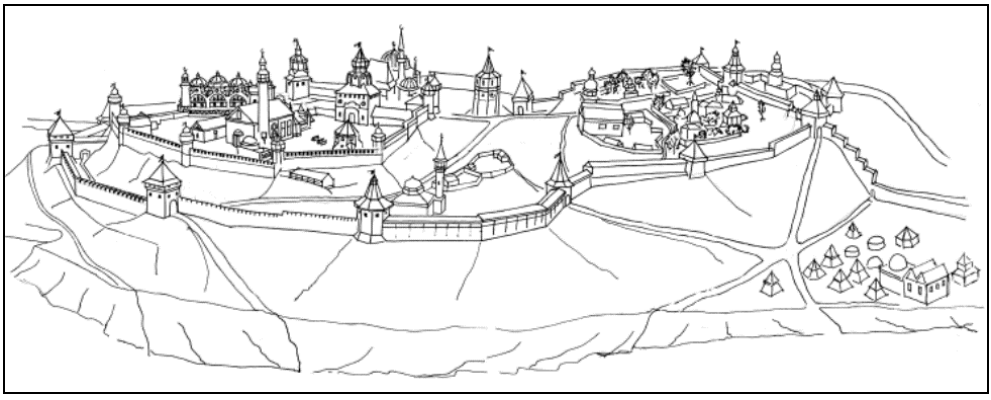
Таким образом, именно в золотоордынский период в бассейне реки Белой был сформирован Ак-идель улус, известный по русским летописям XV в., как «Беловоложская земля». В северной части Великой Венгрии было образовано ещё три улуса: Иштякский, Сылвенский и Башкирский. Во второй половине XIII–XIV в. под юрисдикцией Булгарского юрта находилось и Пермское Прикамье, обозначенное в мусульманских источниках как область Чулман, а в русских летописях – как «Камская земля». Все эти земли в середине XV в. вошли в состав Казанского ханства. Очевидно, что эти золотоордынские улусы и одноименные улусы Казанского ханства территориально совпадали, так как Казанское ханство продолжало традиции золотоордынской государственности, что выражалось и в использовании той же административно-правовой системы.

[24] Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань, 2017. С. 80.

§ 1.2. Приуральские улусы Казанского ханства

Превращение Казани в политический центр Среднего Поволжья и Приуралья по праву связывают с установлением здесь прямой власти золотоордынской династии Улуг-Мухаммадовичей. Однако в источниках нет однозначного ответа на вопрос, при каких обстоятельствах это произошло.

В основном историки следуют сообщениям русских летописей, которые говорят о том, что Улуг Мухаммад, потерпев поражение в междоусобной борьбе, покинул ордынские кочевья и появился у границ Руси в 1437/1438 г. Сторонники мнения, что Улуг Мухаммад был первым казанским ханом, опираются на известие «Казанской истории». При этом другие ученые, считая сообщение казанского летописца недостоверным и акцентируя внимание на том, что остальные русские летописи напрямую не связывают имя Улуг Мухаммада с Казанью, называют первым ханом его сына Махмуда (Махмутека), который начал свое самостоятельное правление в 1445 г.



Казанская крепость первой половины XVI века.
Реконструкция Н.Х. Халитова и А.Н. Хабибуллина

Сохранились дополнительные свидетельства о пребывании Улуг Мухаммада в Казанском юрте. В татарской летописи «Кара таварих» упоминается о том, что хан Улуг Мухаммад, лишившись золотоордынского престола, направился на север и «хитростью взял у Албай Алтун бая вилайат Казань и стал там ханом»[25]. Это сообщение под-

[25] Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань, 2017. С. 80.

тверждается и данными татарского историка Абдулгаффара Кырыми[26].

В то же время в русских летописях много говорится о походах Улуг Мухаммада на восточные и юго-восточные окраины Московского государства, что косвенно указывает на присутствие хана в Среднем Поволжье. При этом необходимо учитывать, что со времен Бату в Булгарском улусе располагалась летняя ставка золотоордынских ханов. Данное обстоятельство еще раз указывает на то, что Казанский юрт мог выступать новым центром государства Улуг Мухаммада, который, судя по всему, не терял надежду восстановить свою власть в Орде. Есть основания полагать, что к концу жизни он не только подчинил Великое княжество Московское, но и восстановил свою власть в западной части Великой Степи и Крыму. После смерти Улуг Мухаммада (предположительно, в конце 1445 г.) его старший сын Махмуд стал правителем Казанского ханства, а младшие сыновья – Касим и Якуб, не сумев удержаться в южных владениях своего отца, заняли Мещерский юрт, переданный им по договору с Василием II. В результате под власть Казани попала широкая полоса земель от Урала до Русского улуса.

Анализ начального этапа политической истории Казанского ханства показывает, что амбиции на господство в Орде в некоторой степени сохранялись и у преемников Улуг Мухаммада, которым удалось подчинить своей власти значительную часть северных улусов Золотой Орды. При хане Махмуде в орбиту политического влияния ханства были включены Вятская земля и Великая Пермь. Казань, возникшая как торговая фактория булгар для организации экономического взаимодействия с финно-угорским населением Поволжья, к середине XV в. стала крупным торгово-ремесленным центром, а ее купцы установили устойчивые торговые связи в Западном Приуралье. Впоследствии казанские ханы рассматривали вятские и пермские земли в качестве своих владений.

В то же время, после победы Москвы над Великим Новгородом в 1456 г., сфера влияния Василия II резко расширилась и вплотную приблизилась к Вятке и Великой Перми. Растущие расходы, связанные с «объединительной» политикой, не мог удовлетворить даже контроль над обширными новгородскими землями. В погоне за но-

[26] Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Казань, 2018. С. 84.

выми рынками пушнины Москва в 1458–1462 гг. организовала серию военных походов против Вятки, Великой Перми и стоявшего за ними Казанского ханства. В 1458 г. вятчане выдержали натиск великокняжеских сил, но нападение 1459 г. отразить не смогли и заключили мир на условиях Москвы. В 1461 г. Василий II быстро выдвинулся с войсками во Владимир для войны с Казанью. Причем в источниках ничего не сказано о причинах этого конфликта, отсутствуют свидетельства и о каких-либо враждебных действиях казанцев в период с 1447 по 1462 г. Симптоматично, что казанский хан, поторопившись решить этот конфликт за столом мирных переговоров, отправил во Владимир послов, которым удалось «взять мир»[27]. Но год спустя великокняжеские силы вторглись в пределы Казанского ханства и, пройдя по его территории, направились в Великую Пермь.

Однако в ходе казанско-московской войны 1467–1469 гг. ни вятчане, ни пермяки не поддержали Москву, а «за казанцов задалися». В следующей статье летописец, объясняя причины очередного похода великокняжеских сил на Великую Пермь, сообщает, что «пермяки за казанцев норовили, гостям казанским почести воздавали, людям торговым великого князя грубили»[28]. То есть, несмотря на все усилия Москвы, до начала 1470-х гг. Великая Пермь оставалась в фарватере казанской политики. Поэтому сразу после разгрома новгородцев на Шелоне Иван III начал готовиться к войне с Великой Пермью. В 1472 г. воевода В.Д. Пестрый «Пермскую землю взял и за великого князя привел»[29]. Но это не означало включение Великой Перми в состав Великого княжества Московского, так как еще до 1505 г. за этой территорией сохранялась вотчинная самостоятельность.

Под 1471 г. фиксируется конфликт казанцев с вятчанами, свидетельствующий о потере контроля Казани над Вяткой. В 1478 г. хан Ибрагим организовал поход на Вятскую землю, что вызвало незамедлительную военную реакцию Ивана III, отправившего воевод на Казань. Однако, исходя из противоречивых сведений летописцев, сложно говорить о результатах похода казанцев на Вятку, так же как и об исходе нападения москвичей на Казань.

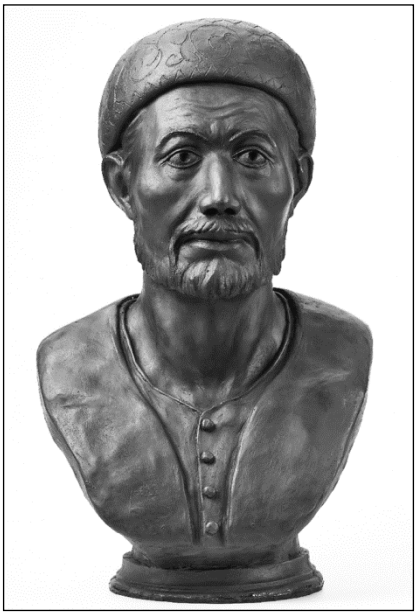
---

[27] ПСРЛ. Т. 25. С. 277; Т. 28. С. 116; Т. 11. М., 1965. С. 114.

[28] Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 241–270.

[29] ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 48.

В итоге можно лишь предположить, что в 1478 г., когда Иван III был занят борьбой с Великим Новгородом, казанцы попытались восстановить власть над Вяткой, следствием чего и стало военное столкновение с Москвой. Контроль над Вяткой перекрывал пути распространения московского влияния в Приуралье и, возможно, поэтому был важным пунктом политики хана Ибрагима.



Казанский хан Мухаммад-Амин. Реконструкция Т.С. Балуевой. 1995 г. История татар. Т. 4. С. 298

После его смерти в 1480-е гг. в Среднем Поволжье и Приуралье резко усилились позиции Ивана III. Во многом это произошло вследствие победы над Великим Новгородом в 1478 г. и благодаря успешной ордынской политике. Но более важным условием усиления Москвы представляется политическая борьба, разгоревшаяся в Казанском ханстве между наследниками Ибрагима. Иван III, уже имевший опыт участия в казанских междоусобицах, поддержал Мухаммад-Амина, который выступил против своего старшего единокровного брата Ильхама. В этом, как и в борьбе с Большой Ордой, важную роль сыграл крымский хан Менгли-Гирей, ходатайствовавший о московской военной помощи для своего пасынка Мухаммад-Амина[30].

Дело в том, что у крымского хана, претендовавшего на верховную власть в Улусе Джучи, после женитьбы на вдове казанского хана – Нур-Султан, появилась возможность упрочить свои позиции в Среднем Поволжье. При этом конкурентом Менгли-Гирея выступал шибанский хан Ибрагим (Ибак/Айбак), разгромивший хана Ахмада в 1481 г. В свою очередь Москва, создавая антилитовскую и антиор-

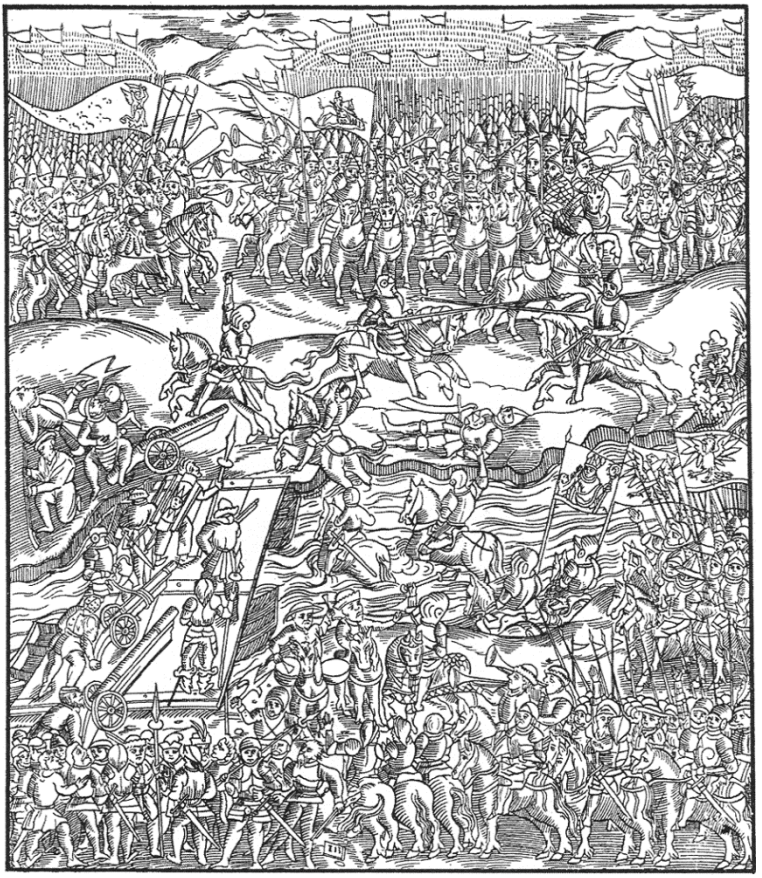
[30] См.: Сборник русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884. С. 59.

дынскую коалицию, склонилась к союзническим отношениям с Крымом, а казанский хан Ильхам сделал ставку на шибанского хана Ибрагима и ногайцев. В сложившейся обстановке в 1482 г. Иван III при поддержке Менгли-Гирея развернул борьбу против Ильхама. В результате длительной войны в 1487 г. Ильхам был пленен и ханство попало в орбиту русско-крымской политики. Таким образом, участвуя в борьбе за казанский престол, Москва выполнила союзнические обязательства перед Крымом и усилила свое влияние в Среднем Поволжье и Приуралье.

В 1470–1480-е гг. Иван III последовательно устанавливал контроль над важнейшими районами пушного промысла. После присоединения Новгородской земли настал черед Вятки и угорских княжеств. В 1483–1485 гг. им были подчинены вогульские правители, а в 1489 г. при поддержке казанского хана Мухаммад-Амина покорена обширная Вятская земля. Причем главным конкурентом Москвы в этом регионе оставался шибанский хан Ибрагим, опиравшийся на ногайцев. Поэтому не случайно тюменско-ногайское посольство прибыло в Москву сразу после подчинения Вятки: к мирным переговорам тюменского хана склонили небывалые военно-дипломатические успехи великого князя.

Впоследствии военный конфликт Казани с Шибанидами и ногайцами продолжился. В 1491 г. в грамоте, адресованной Менгли-Гирею, Мухаммад-Амин сообщал: «Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей, еже лет на меня войною приходят»[31]. В русских летописях под 1496, 1499 и 1500 гг. имеются известия о набегах на Казань шибанских ханов и ногайцев. Очевидно, что в 1480–1490-е гг. под воздействием всех перечисленных обстоятельств позиции Казанского ханства в Приуралье пошатнулись. Но уже в начале XVI в. ситуация изменилась.

[31] Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 277; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М., 1984. С. 50–51.



Бой литовцев с татарами. Миниатюра польской хроники.
XVI–XVII вв. История татар. Т. 4. С. 111

В 1502 г. под натиском Крымского ханства и его союзников пала Большая Орда. В 1503 г. Московское государство, победив Литву, завершило присоединение Черниговских, Смоленских и Новгород-Северских земель. Так, недавние союзники усилились настолько, что превратились в сильнейшие государства региона и начали конкурировать между собой. К тому же Иван III еще более решительно стал насаждать свою власть в Приуралье, что усилило опасения не только в Казанском ханстве, но и в других восточных юртах Золотой Орды.

Незадолго до конфликта с Мухаммад-Амином «князь велики Иван Васильевичь свел с Великия Перми вотчичя князя Матфия Михаиловичя, а на Великую Пермь послал наместника своего, князя Ва-

силья Андреивичя Ковра». Затем следует важное дополнение: «Сеи же бысть первыи от руских князеи»[32]. Таким образом, с этого момента данная территория потеряла вотчинную самостоятельность и попала под непосредственную великокняжескую юрисдикцию.

Далее летописец сообщает, что наместник «приехал в неделю цветную, а в понедельник на страстной недели рать пришла без вести из Тюмени, Кулук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми». В результате похода тюменцы «города не взяли, а землю Нижнюю изоивали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли. И князь Василеи Ковер на поле воде в погоню послал русаков в судех. И они догнали их в Сылве на перевозе, заднюю заставу, да и побили»[33].

Симптоматично, что после летописной статьи о нападении татар на Великую Пермь сразу следует рассказ о погроме русских купцов в Казани и нападении Мухаммад-Амина на Нижний Новгород[34]. Возможно, действия сибирских Шибанидов и казанцев были согласованы. Причем важную роль в этом сыграли ногайцы, поддерживавшие Шибанидов и участвовавшие в походе казанского хана на Нижний Новгород. Так, в 1505 г. Мухаммад-Амин развернул курс казанской внешней политики на 180 градусов.

Ответом Москвы стал большой поход на Казань, организованный новоявленным государем Василием III в 1506 г. По единодушному заверению летописцев, великокняжеские войска потерпели под Казанью тяжелое поражение, после чего начались сложные переговоры, затянувшиеся на многие годы.

Показательно, что в последующие десятилетия приуральская тема постепенно сходит со страниц русских летописей. Возможно, это было связано с неудачами Василия III в восточной политике. В то же время логично допустить, что союз Мухаммад-Амина с ногайцами позволил не только успешно противостоять Москве, но и восстановить влияние Казанского ханства в Приуралье.

Изучение приуральских улусов и границ Казанского ханства затруднено крайним дефицитом источников. Именно поэтому историки обходили вопрос о восточных границах и улусах Казанского ханства или описывали их схематично. Так, М.Г. Худяков отметил, что «на востоке Казанское ханство граничило с обширным Ногайским

[32] ПСРЛ. Т. 37. С. 99.

[33] Там же.

[34] Там же.

княжеством», которое включало в себя район Уфы, «за исключением Мензелинского уезда». При этом районы Сарапула и Елабуги входили в состав ханства[35]. Позднее историки расширяли границы Казанского ханства на восток. С.Х. Алишев считал, что к XVI в. ханство достигало Средней Камы[36]. А.Г. Бахтин схематично очертил восточную границу от Средней Вятки до Камы «выше устья Белой». То есть в состав ханства входили территории по рекам Ик и Белая «(до впадения в нее р. Уфы) и их притокам»[37].

Общей чертой всех перечисленных описаний является отсутствие ссылок на синхронные источники. Восточные пределы Казанского ханства историки представляли, опираясь на экстраполяцию сведений из поздних сочинений или на рассуждения иных исследователей. Впрочем, при описании других проблем истории Казанского ханства эти исследователи не скупились на цитаты из синхронных источников и, ссылаясь на них с точностью до страницы, продемонстрировали хорошее знание материала. Историографический парадокс заключается в том, что все эти и некоторые другие ученые, цитируя статьи официального московского летописания при описании московско-казанской войны 1467–1469 гг., не заметили в них важных известий, помогающих наметить географические и этносоциальные очертания приуральских улусов Казанского ханства.

В составе Московского летописного свода конца XV в. Сохранилась пространная статья «О первой Казани», т.е. «О войне с Казанью» 1467–1469 гг. Под 1469 г. находим описание войск казанского хана Ибрагима: «До полна собрался на них царь Казанскои Обреим со всею землею своею, с Камскою с Циплиньскою и с Костяцькою, и с Беловоложскою и Вотятъцкою и з Бакширьскою…»[38].

Необходимо учитывать, что перед нами известие, оставленное современниками событий. А.А. Шахматов, Я.С. Лурье, Б.М. Клосс и другие летописеведы сошлись во мнении, что в основе указанной летописи лежит свод 1479 г., у которого был более ранний протограф –

[35] Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 19.

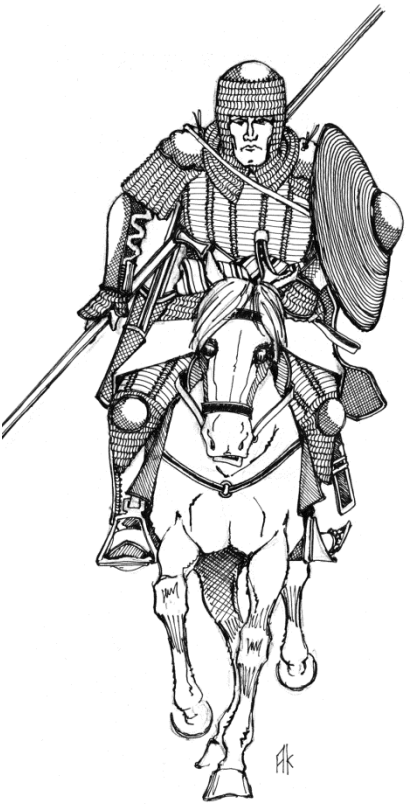
[36] Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. М., 1990. С. 37.

[37] Бахтин А.Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб., 2022. С. 111.

[38] ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 282.

великокняжеский свод 1472/ 1473 г.[39] Тот факт, что описываемые события произошли в 1467–1469 гг., а известие составлено в 1470-х гг., указывает на сравнительно высокую степень достоверности и точности сообщения.

Таким образом, в этом летописном фрагменте упоминаются шесть территориальных единиц, входивших в состав Казанского ханства. Причем все эти земли располагались к востоку от Казани. При идентификации «Циплиньской земли» важно учесть, что здесь, как и в случае с «Бакширьской землей», летописец поменял местами две согласные буквы, идущие после первого слога. То есть вместо «Бакширьской» необходимо читать «Башкирской», а вместо «Циплиньской» – «Цилпиньской», или, учитывая то, что при полууставном написании буква «в» почти не отличается от буквы «п» и они могли быть перепутаны, уместно читать «Цилвиньской», то есть Сылвенской. Таким образом, улусы, обозначенные по названию рек, логично соотнести с территорией, занимаемой бассейном Камы («Камская»), Сылвы («Циплиньская») и Белой («Беловоложская»). Другие три улуса, указанные по этносоциальной принадлежности, можно связать с территорией проживания остяков[40] («Костяцькая»), удмуртов («Вотятъцкая») и башкир («Бакширьская»).



Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в. Рис. А.В. Красникова. История татар. Т. 4. С. 703

[39] См.: Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 256–283; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV веков. М., 1976. С. 122–167; Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 149–152.

[40] В татарской традиции – иштәкләр.

Возникает вопрос: почему московский летописец упомянул лишь восточные земли ханства? Возможно, ответ следует искать в контекстном понимании фразы: «До полна собрался на них царь Казанскои Обреим со всею землею своею…». Эту весть в русский лагерь принес из Казани «полоняник Коломнятин» после разорения отрядами Ивана Руно казанского посада и до прихода основных великокняжеских сил. В данных условиях перечисление восточных, самых отдаленных земель ханства могло указывать на высокую степень мобилизации казанских войск. Вероятно, такое донесение должно было заставить воевод принять оперативные меры по консолидации сил. Важно, что здесь обозначена география Казанского ханства, простиравшегося до Уральских гор.

Кроме вышеуказанных этносоциальных групп в приуральской зоне Казанского ханства проживало значительное число татар. Особенно это касается Камской, Беловолжской и Сылвенской земель. О проживании татар в бассейне этих рек говорят и источники XVI–XVII вв. О сылвенских татарах сообщают грамота Ивана IV Строгановым от 1574 г., писцовая книга И. Яхонтова 1579 г., пермские и сибирские летописи, «Кунгурские писцовые книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова» 1623–1624 гг. и другие документы[41].

Вероятнее всего, Сылвенская земля (улус) Казанского ханства территориально соответствует Сылвенскому уезду, описанному И. Яхонтовым в 1579 г. Этот уезд включал весь бассейн Сылвы с лесами и озерами «вверх до Остяцких улусов»[42]. Как известно, на первых порах русские власти не вносили существенных изменений в административную и фискальную систему, унаследованную от ханского правления. В Писцовой книге И. Яхонтова, как и в летописной статье от 1469 г., Сылвенская земля соседствует с Остяцкими улусами (Костяцькой землей). В Писцовой книге М. Кайсарова находим важное уточнение границ этих улусов: «и всего от Сылвенского острожку до того Остяцково до Рожина улусу Сылвою рекою вверх 45 верст»[43]. Важно подчеркнуть, что при описании Сылвенского улуса М. Кайса-

[41] Описание сылвенских земель М. Кайсарова (1623–1624 гг.) // История татар Западного Приуралья. Том I. С. 420–421.

[42] Описание Сылвенского уезда из Писцовой книги И. Яхонтова 1579 года // История татар Западного Приуралья. Том I. С. 407.

[43] Описание сылвенских земель М. Кайсарова (1623–1624 гг.) // История татар Западного Приуралья. Том I. С. 420–421.

ров опирался на данные И. Яхонтова, т.е. эти замеры близки к ханскому периоду.

Отсюда примерная локализация следующей земли Казанского ханства – Остяцкого улуса (в татарской традиции – Иштәк улусы/йорты[44]), который, согласно И. Яхонтову, находился выше по реке Сылва, т.е. южнее Сылвенского улуса. А у М. Кайсарова эта земля фигурирует как «Остяцкий Рожин улус»[45], т.е. как территориальная единица, которая, очевидно, соответствует Иштякскому (Костяцькому) улусу Казанского ханства. Д.М. Исхаков соотнес территорию этого улуса с территорией Кунгурского уезда и Осинской дороги Уфимского уезда XVII в.[46] Это утверждение коррелируется с данными М. Кайсарова, т.е. Иштякский улус Казанского ханства занимал бассейн Средней Сылвы. А в верховьях рек Сылва, Чусовая и Уфа, по мнению Г.Х. Самигулова и П.А. Корчагина, начиналась область Тахчеи, которая являлась своеобразным транспортным коридором, соединявшим «Приуралье и Зауралье»[47]. Согласно жалованной грамоте Строгановым от 1574 г., «а и прежде сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи»[48]. В «Кара таварих» содержится известие, которое указывает на то, что Тахчеи могли быть вотчиной мангытов с золотоордынских времен. Задолго до образования Ногайской Орды, после гибели Едигея, его старшие сыновья «Кейгубад и Нуретдин сбежали в сторону Туры и направились в эль башкурт»[49]. Согласно этому сообщению «Кара таварих», «эль башкурт» находился возле Туры, которая на других страницах этого же источника значится как «вилайат Тура», т.е. Тюменское (Сибирское) ханство. Такая локализация Башкирского улуса согласуется и с

[44] К примеру, в тюрко-татарском сочинении XVI в. «Кара таварих» фигурирует «йурты Ишдекә» (См.: Утемиш-хаджи. Кара таварих. С. 158).

[45] Описание сылвенских земель М. Кайсарова (1623–1624 гг.) // История татар Западного Приуралья. Том I. С. 420–421.

[46] См.: Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 132, 164, 248.

[47] Корчагин П.А., Самигулов Г.Х. О Тахчее жалованной грамоты Якову и Григорию Строгановым от 30 мая 1574 года // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 693–713. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.693-713 EDN: VQUZYU

[48] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 339.

[49] Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань, 2017. С. 72.

данными других источников, к анализу которых мы обратимся позднее. Но здесь важно отметить, что возле Туры находились и Тахчеи, являвшиеся вотчиной мангытов (ногаев), присутствие которых в этом регионе отмечено с 1420-х гг. Следовательно, область Тахчеи не входила в состав Казанского ханства, по крайней мере, в поздний период его существования. Т.е., согласно этим данным, восточная граница ханства достигала верховьев Сылвы и Чусовой.

Под сылвенскими остяками/иштяками понимались определенные этнические или этносоциальные группы, которые к XVII в. имели тюркские имена. По мнению этнологов, это были угорские племена. По происхождению, возможно, они были родственными обским уграм, но тюркизировались еще в Средние века[50]. С середины XVII в. иштяки начинают фиксироваться в документах как «башкирцы» и «ясачные татары». Это было вызвано изменением их социального положения, поскольку известно, что в русских писцовых книгах и других документах этого периода «башкирцы», «ясачные татары», «ясачные чуваши» и другие категории – это, прежде всего, обозначение социального статуса населения, а не этнической принадлежности. Причем по документам XVII в. известны случаи, когда у одного человека было сразу два или даже три статуса[51]. Однако сложно говорить о соотношении этнического и социального в реалиях ханского времени. Очевидно лишь, что и тогда все было не столь однозначно.

Вопрос об этносоциальных номинациях имеет значение с точки зрения изучения локализации приуральских улусов Казанского ханства и его границ, поскольку в состав ханства к 1469 г. входила и Башкирская земля. Одни ученые считают, что наименование этого улуса произошло от названия исторической области «Баскардия» и не связано с этнонимией населения этого улуса. Другие исследователи полагают, что название этой земли происходит от доминирующего на этой территории этноса. В пользу первой точки зрения говорят сведения европейских путешественников XIII–XIV вв. о том, что «Баскардия» была опустошена в результате чингизидского завоевания[52]. О «башкирских улусах» без упоминания самих башкир со-

[50] См.: Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 132, 164, 248.

[51] См.: История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 239.

[52] Там же. С. 166.

общает и «Казанская история»[53]. Однако А.М. Курбский ясно указал на то, что одним из народов («языков») Казанского ханства были башкиры («башкирцы/башкирский язык»)[54]. В этническом или этносоциальном понимании башкиры («чимги башгырт») фигурируют и на страницах «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.)[55].

По мнению А.Г. Бахтина, башкирские племена проживали по рекам Кама, Ик и Белая «(до впадения в нее р. Уфы) и их притокам»[56]. В своих суждениях историк опирался на работы уфимских исследователей А.Н. Усманова и Р.Г. Кузеева. Однако мнение последних основано на данных «башкирских» родословных (шеджере), записанных преимущественно в XIX–XX вв., и противоречит сведениям синхронных источников[57].

Зачастую, доказывая это, историки прибегали к весьма своеобразной интерпретации источников.

К примеру, А.Н. Усманов сначала привел сообщение казанского летописца о владениях булгар до реки Белой и до Ногайской Орды, в котором нет ни слова о башкирах, а потом объяснил, что и в составе «башкир есть племена, названия которых восходят к булгарскому этническому миру», и «вплоть до середины XIX в. некоторые западные башкиры именовали себя булгарами». Другой его аргумент – сообщения А.М. Курбского о проживании башкир в верховьях Камы, из которого историк странным образом выводит, что основным районом расселения башкир было «устье и нижнее течение реки Белой, с ее

[53] См.: ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000. Стб. 186.

[54] См.: Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. С. 310–479.

[55] См.: Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 228–248.

[56] Бахтин А.Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб., 2022. С. 111.

[57] Подробнее об этом см.: Аксанов А.В. История средневековых башкир в этногенетическом дискурсе Р.Г. Кузеева // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13, № 3. С. 167–178.

притоками...»[58]. Как будет показано ниже, А.М. Курбский не упоминает ни реку Белую, ни ее притоки[59]!

Судя по всему, такой подход разделял и редактор монографии А.Н. Усманова Р.Г. Кузеев, на работы которого до сих пор опираются многие исследователи при изучении Южного Приуралья и сопредельных регионов. Он обратил внимание на то, что «сфера и характер политического влияния Казанского и Сибирского ханств в Башкирии остаются не вполне ясными». По его словам, «распространенные представления о том, что западная и северо-западная области Башкирии были подвластны Казанскому ханству, северо-восточная – Сибирскому, а южная и центральная – Ногайской орде, схематичны и нуждаются в уточнении». При этом Р.Г. Кузеев пытался уточнить историю отношений Казанского ханства с башкирами в основном за счет так называемых башкирских шеджере, показывающих, что «башкирская территория, которая находилась под постоянным или длительным протекторатом казанских ханов, была, однако, невелика». По заключению историка, «она ограничивалась средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р. Белой и прилегающими районами левобережья Камы»[60].

Однако данные шеджере о миграции «башкирских» племен к юго-западным районам Казанского ханства и рассказы о заключении договоренностей отдельных предводителей этих племен с казанскими ханами зачастую уникальны и не находят подтверждения в группе независимых источников. К примеру, Р.Г. Кузеев, ссылаясь на шеджере, пишет, что башкирский Кара-Табын-бий «переселился в долину р. Чулман, где стал служить казанскому хану Чуртмаку»[61]. При этом по источникам XV–XVI вв. ничего неизвестно о правлении казанского хана «Чуртмака» и ханском жаловании «Кара-Табын-бия».

Но основная проблема заключается не только, и даже не столько, в достоверности «башкирских» шеджере, а в том, что эти родословные были записаны преимущественно в XIX–XX вв., когда за племе-

---

[58] Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 50–51.

[59] Симптоматично, что автор крупнейшего монографического исследования по истории Казанского ханства А.Г. Бахтин, описывая башкир в составе Казанского ханства, опирался на работы А.Н. Усманова.

[60] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 482.

[61] Там же. С. 481.

нами усерган, бурджан, тамьян, табын и другими этническими группами Башкирии уже закрепилась башкирская идентификация. При этом исследователи не учитывали, что события, описанные в шеджере, восходят ко временам, когда процесс формирования башкирской общности был далек от завершения и многие из этих племен еще не вошли в нее. Источники, относящиеся к эпохе Казанского ханства, указывают на то, что племена юго-восточных тюркоязычных кочевников еще не назывались «башкирами», «башкирцами» или «башкортами».

Для наглядности приведем еще один пример из работы Р.Г. Кузеева. Согласно ему, данные шеджере о переселении племени ирэкте в конце XV – начале XVI в. «с долины р. Миасс на берега Камы *(Чулман)* или Ика» подтверждаются грамотой Сахиб-Гирея от 1523 г., так как в ней, как и в шеджере, фигурирует некий Шейх-Ахмед (по шеджере – Ахмат-Шайех-бий)[62]. Однако при внимательном изучении этих источников сразу же обнаруживаются контраргументы. Во-первых, кроме этого имени и единственного топонима – притока Камы, реки Ик, – рассказ шеджере с ярлыком Сахиб-Гирея ничего не связывает. К тому же имена, указанные в источниках, не тождественны, а слово «Ик», по замечанию В.В. Трепавлова, «вписано» в документ «другими чернилами и другой рукой»[63]. Во-вторых, ни в этой грамоте, ни в копии грамоты хана Ибрагима, сохранившейся в составе документов последней четверти XVII в., мы не находим наименований «башкорт», «башкирец» или «башкир». Следовательно, сведения башкирских шеджере, при условии их верификации источниками XV–XVI вв., можно использовать в исторических реконструкциях только с учетом того, что относительно изучаемого периода эти родословные в основном повествуют о золотоордынских тюрко-татарских племенах, еще не вошедших в башкирскую общность, но уже занимавших значительную часть территории современной Башкирии и сопредельных регионов и таким образом влившихся в состав таких позднеджучидских государств, как Казанское ханство, Ногайская Орда и Тюменское ханство (государство сибирских Шибанидов).

Впрочем, главная историографическая проблема даже не в том, что у закрепившегося представления о юго-восточном положении

[62] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. С. 319–320.

[63] История татар с древнейших времен. Т. IV. Казань, 2014. С. 919.

Башкирского улуса зыбкая доказательная база, а в том, что сохранились многочисленные аутентичные сведения, опровергающие это. Причем В.В. Трепавлов уже давно обратил внимание на известие Ногайских книг от 1578 г. о «башкирдах» и «остяках» на Каме и выдвинул гипотезу о существовании западной или северо-западной группы башкир, называемой иштяками[64]. Д.М. Исхаков обосновал, что «иштяки» и «башкиры» входили в состав Казанского ханства и в то же время выплачивали часть ясака в Ногайскую Орду[65]. Один из последователей Р.Г. Кузеева – И.А. Антонов, изучив сведения о средневековых башкирах, обратил внимание на то, что в работах Идриси (1154 г.), братьев Пицигано (1367 г.), на Каталонской карте мира (1375–1377 гг.) и в сочинении А.М. Курбского (1573 г.) башкиры обозначены по реке Кама, но посчитал эти известия ошибочными[66]. Однако, если сообщения источников X–XIV вв. еще как-то можно связать с территорией современной Башкирии (по косвенным данным Ибн Фадлана и Юлиана), то сведения, относящиеся к эпохе Казанского ханства, вполне определенно указывают на другой географический ареал.

Для начала рассмотрим сообщения, описывающие территорию современной Башкирии в XV–XVI вв. С. Герберштейн, дважды побывавший в Московском государстве (1517, 1526 гг.) и, по различным документам и сведениям очевидцев, изучивший Московию и остальную часть бывшего Улуса Джучи, писал, что Казанское ханство «с востока и юга» «ограничено пустынными степями», «за казанскими татарами, прежде всего, встречаем татар (но не башкир – *А.А.*), зовущихся ногаями», которые «живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской»[67].

---

[64] См.: Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 11.

[65] Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 150.

[66] См.: Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Уфа, 2012. С. 79.

[67] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 180.

Карта Московии С. Герберштейна

Автор «Казанской истории» так обозначил юго-восточные земли Казанского ханства, унаследованные им от «малых болгар»: «за Камою, промеж великия реки Волги и Белыя реки Воложки до великия Орды Нагайския». При этом в заключительной части «Истории» находим упоминание о «башкирских улусах», которые находились «за 700 верст за Казань»[68], причем под «за Казаньем» понимались земли, находившиеся к северо-востоку от Казани, тогда как территория нынешней Башкирии располагается в другой стороне. Следовательно, описания юго-восточных окраин Казанского ханства не содержат упоминаний о башкирах, а известие о «башкирских улусах» локализует их у северо-восточных границ ханства, что никак не увязывается с территорией современной Башкирии.

Согласно данным единственного «башкирского» шеджере, восходящего к этой эпохе (1564–1565 гг.), в Западном Приуралье кочевали только ногайцы и иштяки[69]. В Московском летописном своде конца XV в. описывается военный поход к реке Белой в 1468 г., но ничего не

[68] Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2001. С. 504.

[69] См.: Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 29.

говорится о столкновении с башкирами, упоминается лишь об «избиении» здесь «черемис» и «татар». Предводителем татарского отряда был княжеский сын «Тарханов» по имени «Тулазий»[70]. На основе этого сообщения некоторые исследователи делают вывод, что Тулазей был тарханом, а тарханами, якобы, были только башкиры. Хотя здесь совершенно четко обозначается, что Тулазий был воеводой татар. А тарханы – это привилегированная категория населения, освобожденная от уплаты податей, в эту социальную категорию могли входить представители совершенно разных этнических общностей. О том, что между тарханами и башкирами нельзя ставить знак равенства, свидетельствуют Духовная грамота Ивана IV от 1572 г. и ряд других документов, где тарханы упоминаются наряду с «башкирдами» как отдельная категория населения[71].

Таким образом, современники событий, описывая юго-восточные пределы Казанского ханства, не упомянули ни Башкирский улус, ни башкир.

В летописной статье о сборе войск хана Ибрагима «Башкирская земля» упоминается последней, что уже косвенно указывает на ее отдаленность и приграничное расположение. Как было показано в случаях с Сылвенским, Иштякским и Ак-идель улусами, после завоевания Казанского ханства долгое время русские власти не привносили существенных изменений в административно-территориальную систему улусов[72]. А известия о «Башкурской волости» в составе Тюменского уезда сохранились в воеводских отписках от 1600 г. Это говорит о том, что восточные пределы Башкирского улуса достигали верховьев Туры, Тагила, Исети и других рек Тюменского уезда. Но для того, чтобы более точно обозначить территорию этого улуса в эпоху Казанского ханства, необходимо рассмотреть как известия этого периода, так и более поздние сообщения.

Согласно М. Меховскому (1517 г.), «за Московией **на северо-востоке** (выделено нами – *А.А.*), на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Ива-

---

[70] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

[71] См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 439.

[72] Русское слово «волость» происходит от татарского слова «улус», первый звук которого обозначался арабской буквой «و», обычно заменяемой в русских переводных документах буквой «в».

ном, а именно Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела»[73]. Подобное сообщение находим у Альберта Кампензе (1523/1524 г.): «**К северо-востоку от Московии** (выделено нами – *А.А.*), за Вяткою и Устюгом, в расстоянии пяти сот Немецких миль, живут Печоране и Вогуличи», за ними «живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, Башкиры (Baschirdi) и Черемисы»[74].

Европейские известия о соседстве башкир с Пермью, Югрой, вогулами и черемисами согласуются с данными «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.), «Кара таварих» (XVI в.), Катиба Челеби (XVII в.) и Абдулгаффара Кырыми (XVIII в.), указывающими на близость «чимги башгырт»/«эль башкурт»/«башкирских татар»/ «башкурт» к вилайету Тура, т.е. к Тюменскому (Сибирскому) ханству[75].

А.М. Курбский, лично участвовавший в походе на Казань в 1552 г. и в военных экспедициях по покорению народов Казанского ханства, оставил более подробное описание башкир. В первом случае, характеризуя народонаселение ханства, он указал на то, что «башкирцы» «живут в лесах **в верховьях большой реки Камы** (выделено нами – *А.А.*)». Далее в рассказе о походе 1556–1557 гг. А.М. Курбский сообщил, что передние полки, преследуя казанцев, «гоняху за ними аже за Уржумъ и Метъ-реку, за лесы великие, и оттуду аже до башкирска языка, яже **по Каме-реке вверхъ ко Сибири протязается** (выделено нами – *А.А.*)»[76].

«Башкирцы» упоминаются и в связи с нападением на пермских купцов в верховьях Камы, что зафиксировано в Указной грамоте Ивана IV Строгановым от 1572 г. и летописной статье под 1572 г.[77] О проживании «башкирцев» в верховьях Камы свидетельствуют и Ногайские дела, согласно которым в 1578 г. «приходили (ногайские та-

---

[73] Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 117.

[74] Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 16, 27.

[75] Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань, 2017. С. 72; Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Вып. 5. Казань, 2018. С. 78, 89; Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 233, 237, 244.

[76] Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. С. 332, 337.

[77] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. С. 175; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 5, 11–12.

тары – *А.А.*)… в Казанский уезд в остяки **на верх Камы воевать… по реке по Каме** (выделено нами – *А.А.*) на башкирцы и на остяки Казанского уезда и людей убивать почали и грабить и башкирцы и остяки собрався иных побили, а трех-четырех живых взяли»[78]. А в статье Строгановской летописи под 1581 г. дана более конкретная локализация «башкирцов»: «он же злый (пелымский князь – *А.А.*) по неволи взя с собою **Сылвянских, и Косвинских, и Иренских, и Ивинских и Обвинских** (выделено нами – *А.А.*) Татар, и Остяков, и Вогуличь, и Вотяков и Башкирцов множество»[79]. То есть, как и в предыдущих источниках, речь идет о Средней Каме, а точнее, о ее притоках, располагавшихся к югу от Великой Перми.

Необходимо обратить внимание и на некоторые источники XVII–XVIII вв., которые повествуют о положении дел в более раннее время. В грамоте царя Михаила Федоровича от 1632 г. говорится о «старинных» владениях «башкирцев» в Пермском Прудуралье: «Вотчины за нами за башкирцы **старинные** (выделено нами – *А.А.*) в Уфимском уезде речка Мулин, да речка Юг, да речка Нытва, да речка Отчера со всеми угодьи»[80]. Аналогичная грамота была составлена и в канцелярии Петра I в 1701 г.[81]

Дополнительные географические ориентиры приведены в исследовании голландского политика и ученого Н. Витсена, неоднократно посещавшего Россию (впервые в 1664–1665 гг.). Согласно Н. Витсену, «**в прошлом столетии** (т.е. в XVI в. – *А.А.*)» «в области Перми башкиры и черемисы поклонялись идолам», при этом в другом разделе своей книги он уточняет, что «земли Перми, иначе называемая Пермь Великая, имеет соседями с юга башкир». Подробно описывая путь из Сибири, Н. Витсен обозначил еще один район, некогда занимаемый башкирами: «От этого озера (оз. Исеть – *А.А.*) до того места, где на-

[78] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 8. Л. 275, 285 об., 391.

[79] Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 5, 11–12.

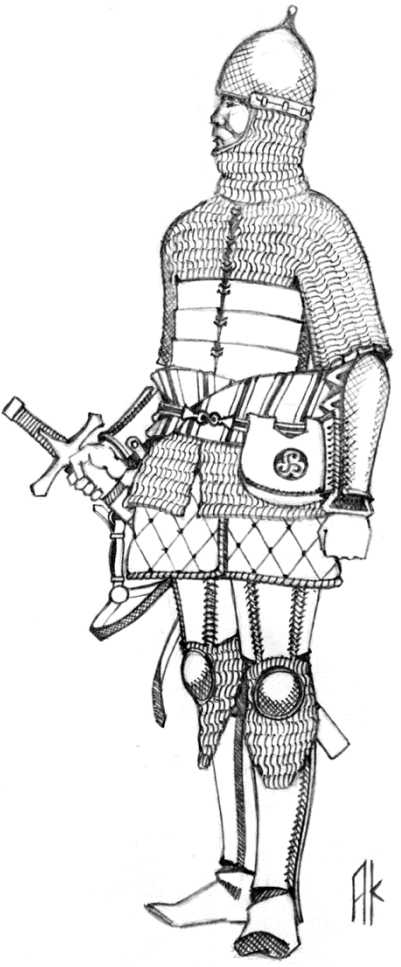
[80] Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 81–82.

[81] К истории Башкирскаго землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 82–83.

чинается река Чусовая, по каменным горам 6 миль пути... Эти земли раньше были заселены башкирскими племенами»[82].

Таким образом, с одной стороны, русские летописи, «Казанская история» и С. Герберштейн, описывая Икско-Бельское междуречье в XV–XVI вв., упоминают лишь татар и черемис, а с другой стороны, эти и другие источники указывают на то, что башкиры проживали на левобережье Средней Камы, точнее – на ее притоках, берущих начало на Среднем Урале. Так как основная часть этих источников без детализации указывает на левобережье Средней Камы или на территорию, соседствующую с Великой Пермью, проблематично точно определить границы Башкирского улуса Казанского ханства. Анализ источников дает немного конкретных географических ориентиров: это реки Косьва и Чусовая, озеро Исетское (верховья реки Исеть). То есть Башкирский улус Казанского ханства располагался на северо-востоке от Сылвенского улуса, на границе с Великой Пермью и Тюменским ханством.

При экстраполяции данных XVII–XIX вв. на средневековую историю башкир Р.Г. Кузеев не принял во внимание и масштабные миграционные процессы, произошедшие в Приуралье в период установления московской власти. В 1557 г., в результа-



Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в. Рис. А.В. Красникова. История татар. Т. 4. С. 694

[82] Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. II. Амстердам, 2010. С. 985, 1070.

те похода русских войск вдоль Казанского ханства, до верховьев Камы, часть башкир приняла русское подданство, а другая – мигрировала в Зауралье и впоследствии попала под власть хана Кучума и его потомков[83]. Однако в XVII в. калмыки начали вытеснять башкир и ногайцев из Южного Зауралья и Северного Прикаспия[84]. В этот период источниками фиксируется переход башкир под юрисдикцию уфимских воевод. Вместе с башкирами земли в Уфимском уезде получили и ногайские татары, записанные в ясачные книги как «ногайские башкирцы», а в последствии – просто «башкирцы». Часть кочевников переходила к оседлому образу жизни, другие – возвращались в кочевья при возникновении благоприятных условий, когда опасность со стороны калмыков уменьшалась.

Еще Г.Ф. Миллер, А.-З. Валиди Тоган и другие дореволюционные исследователи, приводя выдержки из документов воеводской канцелярии, писали о процессе вхождения башкир и ногаев под протекторат уфимских воевод в XVII в.[85] Поэтому весьма симптоматично, что Р.Г. Кузеев, представляя этно-родовой состав средневековых башкир на основе более поздних источников, не учитывал, что многие зафиксированные в них племена в средневековый период могли не входить в состав башкир. Особенно это касается гэрэ (герей), киргиз, табын, кыпчак, канлы и других племен, которые известны по родоплеменной номенклатуре татар, казахов, каракалпаков и других сопредельных тюркских народов Волго-Уралья и Средней Азии.

Возвращаясь к приуральским улусам периода Казанского ханства, необходимо отметить, что с запада к Башкирскому, Сылвенскому и Иштякскому улусам примыкала Камская земля – улус Чулман. О значительной доле татарского населения, наряду с «остяцким», проживавшего в «Камской земле», свидетельствуют и русские источники XVI – начала XVII в.[86] В период Казанского ханства улус Чулман («Камская земля») продолжал играть важную торгово-ремесленную роль в экономике. Как отмечалось выше, русские летописи XV–XVI вв. говорят об активности казанских купцов в землях Великой Перми и Сибири. Вероятнее всего, под «казанскими гостями» в этих известиях фигурируют именно татары улуса Чулман. Со-

[83] См.: История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 240, 259, 433.

[84] См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.; Л., 1937. С. 94, 95.

[85] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 95; Валиди Тоган А.-З. История башкир. Уфа, 2010. С. 45, 46.

[86] См.: История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 278–291.

гласно порядку торговли, установленному еще во времена Булгар, «купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера»[87].

На юго-западе от Иштякского (Остяцкого) улуса располагалась «Беловоложская земля». В «Памяти уфимскому толмачу Ф. Таганееву» от 1618 г. говорится о «татарах» «Аксиевы волости» Уфимского уезда. Д.М. Исхаков справедливо полагал, что название волости «происходит от тюркского названия р. Белой – Ак-идель»[88]. То есть вновь перед нами административная единица Российского царства, которая располагалась на месте улуса Казанского ханства – «Беловоложской земли», или Ак-идель улуса.

В статье от 1469 г. великокняжеский летописец называет Ак-идель улус «Беловоложской землей», что является официально устоявшимся наименованием области Улуса Джучи и потому указывает на продолжительную историю его существования. В этот период Ак-идель улус входил в состав Казанского ханства. При этом он, как и другие улусы ханства, был частью золотоордынского наследия, доставшегося потомкам Улуг Мухаммада. Уже с XIV в. здесь фиксируются эпиграфические памятники, идентичные памятникам Булгарского улуса, что подтверждает информацию о заселении Ак-идель улуса мусульманами из Среднего Поволжья[89]. В XVIII в. на берегах Белой и ее притоков были обнаружены не только мусульманские могилы, но и остатки каменных мечетей и укреплений, что засвидетельствовал академик П.С. Паллас[90].

Сохранились данные о том, что в 1505 г. на реке Уфе управлял наместник Казанского хана[91]. Все эти разрозненные сведения позволяют понять, что бассейн реки Белой входил в состав Казанского

---

[87] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 237–238.

[88] Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 120.

[89] Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960. С. 131.

[90] Из сочинения П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» // История татар Западного Приуралья. Т. I. С. 434–437.

[91] См.: Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915.

ханства. По мнению М.Г. Худякова, в этот период территория Закамья до реки Белой была населена татарами-мусульманами[92].

Данные о том, что на этой территории проживали уфимские татары, следуют и из более поздних источников, появившихся после присоединения Казанского ханства к Москве. Сохранились документы, свидетельствующие, что еще до прихода русских уфимские татары проживали на территориях Восточного Закамья и Западного Приуралья в качестве автохтонного населения. К примеру, историк Р.Р. Исхаков обнаружил документы, в которых уфимские татары указываются в качестве проводников, т.е. людей, хорошо знающих эту местность. Эти документы датируются концом XVI – началом XVII в. О том, что уфимские татары были местным населением, писал и А. Тоган Валиди[93].

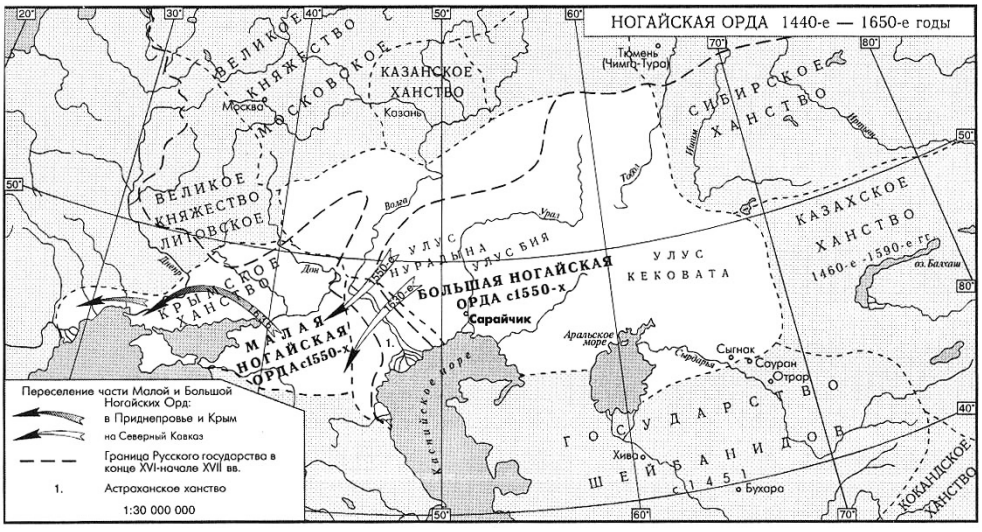
Процесс перехода уфимских татар в сословную группу «башкирцев» раскрывается в работах Р.Р. Исхакова, более подробно речь об этом пойдет в следующей главе. Стоит отметить, что в основном этот процесс был связан со сменой формы налогообложения, когда плативший один вид налога переставали его платить и начинали платить другой. Т.е. наименования «башкирцы», «бобыли», «ясачные татары», «тептери» и другие категории, зафиксированные в русских документах, указывали на социальный статус, а не на этническую принадлежность. Уфимские татары и ясачные татары становились «башкирцами», поскольку менялся их социальный статус, соответственно они облагались другими налогами. Имели место случаи, когда один и тот же человек мог числиться и как «башкирец», и как «ясачный татарин/чуваш». Это означало, что за данным человеком были закреплены две формы налогообложения и два вида землевладения соответственно. Поэтому если мы видим, что по документам XVII в. в Приуралье начинают фиксироваться «башкирцы», то это отнюдь не говорит об этнической принадлежности местного населения. Т.е. не остается сомнений в том, что татары со времен Золотой Орды и Казанского ханства проживали на территории Икско-Бельского междуречья и всего Приуралья.

[92] См.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 18.

[93] См.: Тоган Валиди А. История башкир. Уфа, 2010. С. 45.

Таким образом, можно очертить восточную границу Казанского ханства с севера на юг. От бассейна реки Косьва вдоль Уральских гор она шла к верховьям Чусовой, Сылвы и Уфы. Далее граница могла идти по водоразделу уральских рек, до верховьев Сакмары и Яика. Некоторые исследователи считают, что территория Ак-идель улуса, которая в период могущества Казанского ханства включала в себя весь бассейн реки Белой, к концу XV в. сократилась до устья реки Уфа, так как именно тогда летние кочевья Ногайской Орды стали достигать этих пределов. Однако предоставление кочевий к югу от устья Уфы Ногайской Орде вовсе не означало полную передачу этих земель.

На этих и других закамских территориях сохранялись обширные вотчины казанских татар. В спорных судебных делах XVII–XVIII вв. сохранились документы ханского периода, свидетельствующие о том, что некоторые жители центральной части Казанского ханства владели землями в Восточном Закамье вплоть до реки Сакмара. То есть документально зафиксировано, что даже после ослабления Казанского ханства бассейн Сакмары продолжал составлять его юго-восточную оконечность.



Ногайская Орда 1440-е – 1650-е годы.
Автор карты И.Л. Измайлов

Более подробно речь о закамских владениях казанских татар пойдет в следующей главе. Здесь же отметим, что вотчинники Казанского ханства использовали эти и другие приуральские земли в основном в качестве промысловых угодий. Мед и меха, добытые здесь, мурзы реализовывали на международной Казанской ярмарке. Тарханные ярлыки, освобождавшие от налогов и пошлин, существенно увеличивали доходы от промыслов и торговли. Ярлыки выдавались ханами за особые успехи в военной и государственной службе и являлись важным инструментом ханской политики. Важно подчеркнуть, что у юго-восточных пределов Казанского ханства располагались широкая лесостепная полоса, сосновые боры и липовые леса, которые подходили для активной промысловой деятельности, а обширные степные ополья – для выпаса скота. Т.е. в Южном Приуралье хозяйственная деятельность ногайских кочевников не мешала промыслам казанских вотчинников.

Таким образом, Ак-идель улус и все Закамье были контактной зоной, где наблюдался своеобразный симбиоз кочевнического и оседлого укладов жизни. С конца XV в. до второй трети XVII в. приуральские кочевья в значительной степени находились под контролем Ногайской Орды, что оставило глубокий след в истории и культуре народов Приуралья. Поэтому проблема их отношений с ногайскими татарами заслуживает отдельного внимания.

В последние годы среди исследователей распространилось мнение, что в рамках Ногайской Орды сформировалась отдельная народность ногайцы или ногаи. Однако необходимо уточнить, что к этническим ногаям относилось лишь политическое ядро Ногайской Орды – мангыты и родственные им племена. К середине XVI в. Ногайская Орда присоединила основную часть кочевий Улуса Джучи, на которых проживали золотоордынские татары. Не случайно сам термин «ногайцы/ногаи» встречается в основном в русских источниках, и зачастую в словосочетании «ногайские татары». Из контекста русских источников видно, что в XV–XVII вв. термин «ногаи» имел политическое и, порой, даже территориальное значение, а не этническое. Причем ногайские бии и мурзы в XVI–XVII вв. собственное население называли татарами[94]. В большинстве татарских источников этого пе-

[94] К примеру, в посланиях ногайских биев Исмаиля (1555 г.) и Уруса (1581 г.) слово «татары» использовано при описании собственного населения, а ногайский мурза Султанаш в послании от 1641 г. называл себя правителем татар («татарның патшасы») (См.: РГАДА. Ф. 127. Оп.1. Д. 1. Л. 80).

риода термин «ногаи» отсутствует, а правящий клан Ногайской Орды в них называется «мангытами». Даже в политическом плане Ногайская Орда не имела определенного юридического статуса в рамках политико-правовой системы, сложившейся в Улусе Джучи. Это была несистемная полития, зародившаяся в недрах второй «замятни», когда Идигей при поддержке Тамерлана обрел власть над значительной частью золотоордынских кочевников и выступил против хана Токтамыша и его сыновей.

Как говорилось выше, сыновья Идигея продолжили дело своего отца. Они сосредотачивали власть в своих руках, выбирая ханов-марионеток и занимая при них должности беклербеков. Потомки сына Идигея – Мансура, были беклербеками Большой Орды и Астраханского ханства. А потомки старшего сына Идигея – Нураддина, были беклербеками при Шибанидах Узбекского и Тюменского ханств. Именно внукам Нураддина – Мусе и Ямгурчи – в 1470-е гг. удалось создать фактически самостоятельное государство в междуречье рек Эмба и Яик, которое стало называться Ногайской Ордой (или Мангытским юртом). Муса лишь формально признавал над собой власть тюменского хана Ибрагима (Ибака), на деле он проводил независимую политику. Уже в 1480-е гг. кочевники Ногайской Орды вытеснили с левобережья Волги Большую Орду. Т.е. с этого времени ногаи усилили свое влияние в Южном Приуралье.

Тогда же изменилась политическая ситуация и в Казанском ханстве. После смерти казанского хана Ибрагима (около 1479 г.) разгорелась междоусобная война за казанский престол. Этот кризис был спровоцирован и глобальными политическими изменениями на постордынском пространстве, описанными нами выше. На долгие годы Казанское ханство стало яблоком раздора между крымско-московским союзом и шибанско-ногайским блоком. Походы московских войск с запада и удары Шибанидов и ногаев с востока в 1480–1490-е гг. сильно ослабили Казанское ханство. В этот период оно лишилось власти над Вяткой и Великой Пермью. Поэтому вполне возможно, что в 1480–1490-е гг. власть казанских ханов ослабла и в Приуралье. Согласно Ногайским посольским книгам XVI в., население восточных улусов Казанского ханства, наряду с налогами в Казань, платило ясак ногаям. Поэтому вполне возможно, что двойное налогообложение местного населения было введено в конце XV в., когда Казанское ханство переживало политический кризис. Однако не стоит исключать того, что дополнительные налоги ногаям с восточных

улусов стали взиматься лишь в 1530–1540-е гг. в качестве платы за военную помощь, оказанную казанскому хану Сафа-Гирею. Так или иначе, двойное налогообложение было компромиссным решением, которое позволяло сохранить власть ханства в Приуралье.

Завоевание Казанского ханства вызвало политический кризис в Ногайской Орде. Бий Юсуф, отец Сююмбике, пытался мобилизовать ногайских татар на помощь Казани, а его брат – мурза Исмаиль, занял промосковскую позицию. Так разгорелась междоусобная война, в результате которой в 1554 г. Юсуф погиб и к власти пришел Исмаиль. Эти события не только способствовали падению Казанского ханства, но и существенно ослабили Ногайскую Орду. Беда не приходит одна, и вслед за смутой Ногайскую Орду поразили масштабный голод и мор, после которых ногаи потеряли былое могущество. Орда настолько опустела, что ее кочевники практически перестали приходить для выпаса скота и промыслов в лесостепи Южного Приуралья. Однако мангыты продолжали посылать сборщиков ясака в Восточное Закамье. Строительство русской крепости в устье реки Уфы в 1586 г. и учреждение Уфимского уезда стали серьезными препятствиями для ногайских рейдов, и их власть над местным населением стала сходить на нет.

Ногайский бий Юсуф в боевом облачении. Середина XVI в. Реконструкция М.В. Горелика

Окончательное падение власти мангытов в Приуралье произошло в 1630-е гг., когда ослабленная Ногайская Орда была побеждена калмыками. Ногайские кочевники в основной своей массе были вытеснены калмыками на запад, часть ногайских татар вошла в состав сословной группы «башкирцев» Уфимского уезда. Таким образом, на территории Ак-идель улуса Казанского ханства возник Уфимский уезд, основу населения которого составили не только уфимские татары и переселенцы из Среднего Поволжья, но и татары Ногайской Орды.

Глава II.
ЗАПАДНОЕ ПРИУРАЛЬЕ В СОСТАВЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVI–XVII вв.)

Радик Исхаков

§ 2.1. Вхождение татарских улусов Приуралья в состав Московского государства (вторая половина XVI–XVII в.)

Интеграция Приуралья в состав Московского государства и признание местным населением русского подданства имели сложный, многовекторный характер и заняли довольно продолжительное время. Эти процессы были тесно связаны с расширением русской колонизации и военно-бюрократической инфраструктуры и его продвижением на восток. Нельзя согласиться с представленным в башкирской историографии взглядом на данное явление как на единовременный акт добровольного подчинения «башкирских племен и родов» власти Москвы, сопровождавшийся соглашением самодержца и его новых подданных. Так, в третьем томе коллективной монографии «История башкирского народа» читаем, что фактическое присоединение территории Приуралья к Московскому государству произошло в 1554–1557 гг. Переговоры об особых правах «башкирцев» с царским наместником в Казани сначала вели представители северо-западных племен, затем – юго-восточные и восточные племена башкир. В 1557 г. состоялось посольство в Москву, где завершились переговоры

с русскими властями, и башкиры получили жалованные грамоты от царя Ивана IV[1].

На чем основаны эти тезисы? Косвенные сведения об этом содержатся в башкирских шеджере (родословных). В них, в частности, отмечается, что башкирам от царя Ивана IV были дарованы грамоты на вотчины, а в «башкирские жилища» посылались «переписчики» для установления норм ясачной повинности и описания земли[2]. Но эти данные не находят подтверждения в русских источниках рассматриваемой эпохи. Необходимо учитывать, что башкирские шеджере – специфические источники, составленные преимущественно в XIX – начале XX в. на основе народных преданий и фольклора. Как и в других источниках, сконструированных на основе народной исторической памяти, в шеджере фиксируются «хронологические нало-

«Смотр служилых людей». Худ. С.В. Иванов

[1] История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т.3. Уфа, 2011. С.44–58.

[2] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1988. С.29.

жения» событий разных эпох. В связи с этим при анализе содержащейся в них информации требуется критический подход. Сложно допустить, что еще до строительства Уфимской крепости и появления в крае царской администрации было возможно проведение такой операции, как описание земель на огромной территории Приуралья. В данном случае факты, приводимые в шеджере, могут относиться к более позднему времени.

Одним из немногих документальных свидетельств, подтверждающее правовые отношения между московскими властями и населением Приуралья в период правления Ивана IV, является Никоновская летопись, согласно которой весной 1557 г. казанский воевода Шуйский сообщил в Москву о том, что жители Казанского ханства окончательно признали власть русского царя и что к нему в Казань «башкирцы пришли, добив челом и ясак поплатили»[3].

На основе данного сообщения нельзя сделать однозначного вывода о том, кем были эти «башкирцы», кого они представляли и какой ясак заплатили. Факт оплаты ясака действительно свидетельствует о том, что данная группа ясачного населения вошла в подданство московского царя. Сама эта процедура, наряду с выплатой ясака, должна была сопровождаться принесением шерти, т.е. есть присяги, новому правителю. При этом в приведенном отрывке из летописи не говорится о каких-то переговорах и поездке башкирского посольства в Москву.

Кто же были эти «башкирцы»? Как отмечалось выше, в состав Казанского ханства входили Беловоложская и Башкирская земля (улусы), локализовавшиеся на территории Приуралья. Факт подданства народов этого региона казанским ханам сохранился и в народной памяти. Как писал Р.Г. Кузеев, у жителей башкирских поземельных волостей были зафиксированы предания о том, что их предки в период Казанского ханства платили ясак в Казань. Именно выплата «казанского» ясака являлась одним из ключевых маркеров определения границ влияния данного государства. Исходя из этого показателя можно сделать вывод, что в период своего могущества Казанское ханство контролировало территорию практически до среднего хребта гор Южного Урала. На севере граница проходила по рекам

[3] ПСРЛ. Т.XIII. Половина 1-ая. СПб., 1904. С.282.

Сылва и Ирень[4]. Как в Закамье, так и в Приуралье фиксируются территории «двойного подчинения», где наряду с казанцами ясак собирали представители Ногайской Орды и Сибирского ханства. После падения Казани Иван IV, став «Царем Казанским», приобрел статус правопреемника казанских ханов-чингизидов, законного правителя для всех жителей бывшего Казанского ханства, в том числе и для части ясачного населения, обозначавшегося в русских источниках как «башкирцы». Взятие Казани, как фактор легитимизации права русского царя на земли ханства, нашло отражение в фольклоре народов Приуралья. Так, в шеджере жителей Юрматынской волости отмечалось: «В год мыши, на второй день октября русские взяли город Казань. После этого Белый бий (т.е. русский князь. – *Р.И.*) стал падишахом (т.е. царем. – *Р.И.*)»[5].

Само обозначение «башкирец» в русских источниках имело эндонимическое содержание – Московское государство, выделяя ясачное население Приуралья, маркировало его по географическому принципу. Часть территории Приуралья, вошедшая в конце XVI в. в состав Уфимского уезда, с периода раннего средневековья была известна как земля «бастарков», заволжских мадьяр («баскарды/паскатиры»). Несмотря на то, что в период монгольского нашествия местное угорское население было переселено или подверглось культурно-языковой аккультурации, данная историко-культурная область продолжала именоваться Баскардией/Башгард/Башкирией. В русских источниках Башкирская земля (улус Казанского ханства) начинает фиксироваться в летописях XV в. Упоминание «Башгирдии» отмечается и в русских источниках XVI в.[6] Соответственно, и местное ясачное население вне зависимости от этнокультурной принадлежности, согласно сложившейся традиции, маркировалось как «башкирцы».

Данная традиция сохранялась и после учреждения Уфимского уезда (конец XVI в.). Как справедливо отмечает Г.Х. Самигулов, в рамках практически каждого уезда Приуралья и Западной Сибири «существовало унифицированное обозначение ясачного населения… Так ясачное население Уфимского уезда называлось “башкиры”, а служи-

[4] Самигулов Г.Х. Южное Зауралье (первая треть XV – конец XIX века) // История Южного Урала: в 8 т. Т.6. Челябинск, 2019. С.64.

[5] Башкирские шежере / сост. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1960. С.44.

[6] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С.12.

лое – “тарханы”. Ясачные люди Верхотурского уезда назывались вогулами вне зависимости от того, на каком языке они разговаривали и какую религию исповедовали. А в Тобольском и Тюменских уездах были ясачные, служилые и захребетные татары»[7]. В условиях обозначения ясачного населения в зависимости от принятой в данном уезде традиции, имели место примеры, когда представители одного этнокультурного сообщества могли быть разделены на «башкирцев», «татар» и «вогул». Так, представители племени терсяк, проживавшие на территории Тюменского уезда, назывались татарами, в Уфимском уезде их называли «башкирцами», в Верхнетурском уезде – вогулами[8]. Схожая ситуация отмечалась и на территории Среднего Поволжья, в Казанском и Свияжском уездах, где представители ясачного населения из числа татар и чувашей, а также, отчасти, южных удмуртов в русских документах фиксировались как «ясашная»/«казанская» «чюваша/чуваша».

В приказе московских времен. Худ. С.В. Иванов. 1908 г.

[7] Самигулов Г.Х. Южное Зауралье (первая треть XV – конец XIX века) // История Южного Урала: в 8 т. Т.6. Челябинск, 2019. С.64.

[8] Там же. С.74.

Обозначение ясачных людей могло меняться в случае их переезда на территорию других уездов. Так, если по каким-то причинам «башкирец» выезжал на жительство за пределы Уфимского уезда, он переставал фиксироваться как представитель данной социальной группы. Например, «башкирец» Мамсяк Елкачин с сыном Кузаем, имевшие в Дуванейской волости «Елкичинскую вотчину», перейдя на территорию Кунгурского уезда и поселившись в Карьевской четверти, там уже именовались «ясачными татарами»[9]. Такую же картину можно наблюдать с «башкирцами», выезжавшими в Казанский уезд. Здесь они обозначались как ясашная/ казанская чуваша. Приведем один пример. 21 июля 1622 г. великому князю Михаилу Федоровичу бил челом «казанской чувашенин» деревни *Берсет* Зюрейской дороги (село Берсут, совр. Мамадышский р-н РТ) Тогайко Беляков. В своей челобитной он писал, что проживает в Казанском уезде и службу служит с «казанской чувашой». При этом в Уфимском уезде в Юрминской волости (Казанская дорога) у него имелась вотчина «от деда и от прадеда, потому что я родом [баш]кирец и с той государя вотчины даю… кунной ясак на Уфу с юрминскими башкирцами»[10].

Возвращаясь к событиям, связанным с покорением народов Казанского ханства, отметим, что взятие Казани еще не означало окончание войны. Для подчинения местного населения, согласно Никоновской летописи, «сам государь послал по всем улусам (бывшего Казанского ханства. – *Р.И.*) черным людем ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю, не боясь ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, яко же и прежним Казанским царем»[11]. Но попытки «замирения» и сбора ясака привели к крупномасштабным выступлениям, приобретшим характер полноценных военных действий – к «Казанской войне», в которой, наряду с татарами, приняли участие марийцы, чуваши и удмурты.

Хотя основным районом, в котором шли активные боевые действия, было Предкамье – «Горная сторона» и «Арская земля», Казанская война оказала сильное влияние и на жителей Закамья и При-

[9] Габдуллин И.Р. К вопросу об этносословной структуре тюркского населения Уфимского уезда и губернии в XVII–XIX вв. // Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань, 2010. С.18.

[10] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.3.

[11] ПСРЛ. Т.XIII. Половина 1-ая. СПб., 1904. С.221.

уралья. Результатом подавления выступлений народов Среднего Поволжья стали хозяйственно-экономическое разорение региона и значительные людские потери. Иллюстрацией этих событий являются писцовые книги второй половины XVI – начала XVII в., в которых в Предкамье фиксируется большое количество запустелых деревень и пашен – пустошей и пустопорожних земель. Естественным результатом военных акций и принудительной христианизации стало усиление миграции из Предкамья в бывшие восточные улусы Казанского ханства, которые не были затронуты войной. «Вскоре по завоевании Казани, – отмечал дореволюционный историк В.Н. Витевский, – многие из казанских татар и других инородцев, обитавших в пределах нынешней Казанской губернии, удалились в Башкирию и поселились в окрестностях нынешней Уфы, особенно в лесах и по берегам рек»[12].

В условиях военных действий ни о каком контроле над территорией Казанского края не могло быть и речи. Лишь в 1557 г. русские власти смогли озаботиться проблемой полноценного обложения местного населения ясаком и перераспределения бывших ханских земель. Для подчинения жителей Закамья и Приуралья был совершен демонстративный военный рейд до верховьев Камы. Именно с этими событиями было связано упоминание летописца о выплате ясака населением восточного улуса Казанского ханства. Эти действия с большой натяжкой могут считаться добровольным актом принятия местным населением московского подданства. На наш взгляд, это было вынужденным шагом, связанным с кардинальным изменением военно-политической ситуации в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI в.

По всей видимости, на страницах Никоновской летописи нашел отражение факт принятия русского подданства весьма ограниченной группой жителей, плативших ясак в Казань. Подчинение и обложение ясаком всего населения Приуралья растянулись на довольно продолжительный отрезок времени. Наибольшие сложности у русской администрации возникли в восточной части будущего Уфимского уезда (Сибирская дорога). С восстановлением в 1563 г. династии Шибанидов на троне Сибирского ханства группы табынцев, терсяк, сынрянцев, бикатинцев подтвердили свое подданство Чингизидам и

[12] Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т.II. Казань, 1897. С.370.

Черемисы. Акварель. 1869 г.

начали платить ясак хану Кучуму[13]. Лишь после окончательного поражения Шибанидов во второй половине XVII в. последние группы этих племен, проживавшие в Зауралье, признали власть московского царя.

Вплоть до 1580-х гг. зона военного и политического контроля Москвы в Приуралье имела весьма ограниченный характер. У русских властей был небольшой набор механизмов для закрепления на данной территории и подчинения себе местного населения. Основной проблемой было отсутствие свободных военных сил, занятых в изнурительной Ливонской войне, а также опорных пунктов для продвижения и контроля на новой территории. Весьма символично в этом отношении делегирование некоторых функций государства купцам Строгановым, контролировавшим значительную территорию в районе верховьев Камы и Чусовой. По жалованной грамоте 1572 г. Я.А. Строганову разрешалось «ходить войною на Черемис и Башкирцев и приводить их под высокую руку царскую»[14].

Контролировать население Приуралья и собирать с него ясак из Казани было крайне сложно. Казанская администрация, занятая подчинением народов Среднего Поволжья и закреплением в Западном Закамье, фактически не имела возможностей серьезно заниматься освоением и интеграцией Приуралья. В 1671 г. в Свияжском уезде вспыхнуло восстание мари, вошедшее в историю как «Вторая Черемисская война» (1571–1574 гг.). Несмотря на поражение повстанцев, полностью подчинить народы Среднего Поволжья не удалось. В 1581 г. восстание приобрело еще более широкие масштабы. В «Третьей Черемисской войне» (1581–1585 гг.), наряду с марийцами, актив-

[13] Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. С.83.

[14] Шамшурина И.В. История рода Строгановых в работах Ф.А. Волегова // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб.1. Свердловск, 1974. С.63.

ное участие приняли и другие народы региона – татары, удмурты, чуваши, а также ногаи. Для подавления выступления из Центральной России были привлечены существенные военные силы под руководством князя И.Мстиславского[15]. В данной ситуации контроль над бывшими восточными улусами Казанского ханства во многом имел символический характер. Он сводился к отправке верных московскому государству служилых татар для сбора ясака.

Московское государство имело весьма ограниченные возможности в продвижении в Приуралье и со стороны Верхнего Прикамья, где были крупные русские торговые и военные центры, контролировавшие «пушной путь» в Сибирь. По всей видимости, единственным крупным успехом чердынских воевод стало приведение в русское подданство и обложение ясаком жителей северной части будущей Осинской дороги Уфимского уезда. В «Шежере племени Гайна» говорится о зимнем походе Урак бия в Чердынь, где он преклонил голову перед «падишахом», согласившись платить ясак по одной кунице с каждого дома[16].

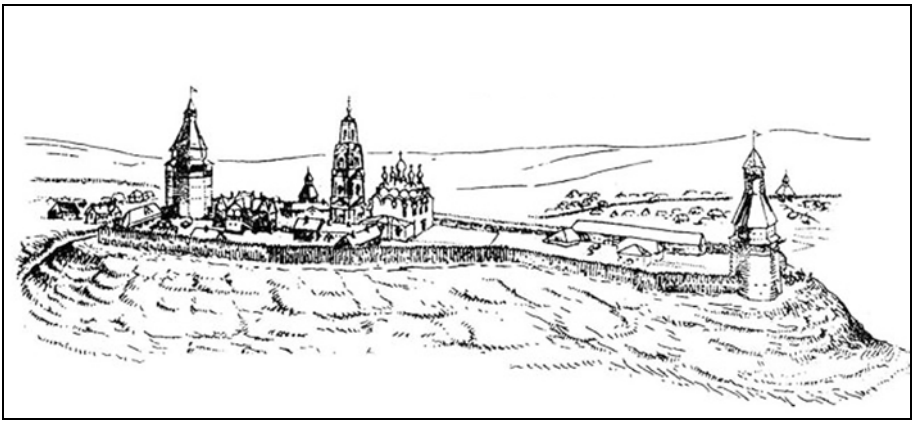
Началом планомерной государственной колонизации и подчинения народов Западного Приуралья можно считать строительство в 1586 г. Уфимской крепости. Наиболее ранним источником по истории Уфы является «Отводная книга по Уфе», введенная в научный оборот Н.Ф. Демидовой в 1971 г. Книга включает в себя коллекцию документов об отводе земель по Уфе с начала 1590-х гг. до 1624 г. Согласно этому источнику, первые пожалования земель для жителей города произошли в 1591 г.[17] Таким образом, Уфа была заселена не ранее конца 1580-х – начала 1590-х гг. В это время население города практически полностью состояло из городовых служилых людей. Верхний слой горожан включал детей боярских (5 человек), также здесь были представлены служилые татары, служилые новокрещены, ворóтники (служилые люди, обслуживавшие городские ворота) и стрельцы. Все-

[15] Боровиков С.В. Третья Черемисская война 1581–1585 годов // Актуальные вопросы военной истории. Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. Киров, 2013. С.19–22.

[16] Долотказина С.Х. Шежере башкир племени гайна о присоединении к Русскому государству // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа, 1986. С.58.

[17] Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.244–255.

го в конце XVI в. гарнизон Уфы составлял около 350 человек[18]. Кроме городского населения, в начале 1590-х гг. в окрестностях Уфы фиксируется наличие служилых уфимских татар, проживавших в слободе на реке Урюзя (современная территория г. Уфа).



Уфимская крепость. XVII в. Реконструкция

Служилым людям были отведены поместья в окрестностях Уфимской крепости, опоясывавшие ее нешироким кольцом. По данным Н.Ф. Демидовой, в 1591–1594 гг. было испомощено 193 уфимских служилых человека, им было отведено около 1800 десятин пашни в трех полях и 1500 десятин сенных покосов[19].

Со времени строительства Уфимской крепости начинает оформляться новая административно-территориальная единица – Уфимский уезд во главе с уфимским воеводой, подчинявшимся Казанскому воеводскому управлению. Уфимская администрация (уфимский воевода, служащие уфимской приказной избы) имела широкую автономию в принятии решений на территории уезда. Местное население подчинялось и было подсудно только воеводе. Основным объектом управления уфимского воеводы было местное ясачное и служилое население, а главной задачей – сбор ясака, распределение натураль-

[18] Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629) / сост. Н.Ф. Демидова // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.261.

[19] Демидова Н.Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964. С.268.

ных повинностей, обеспечение военного контроля над подвластной территорией.

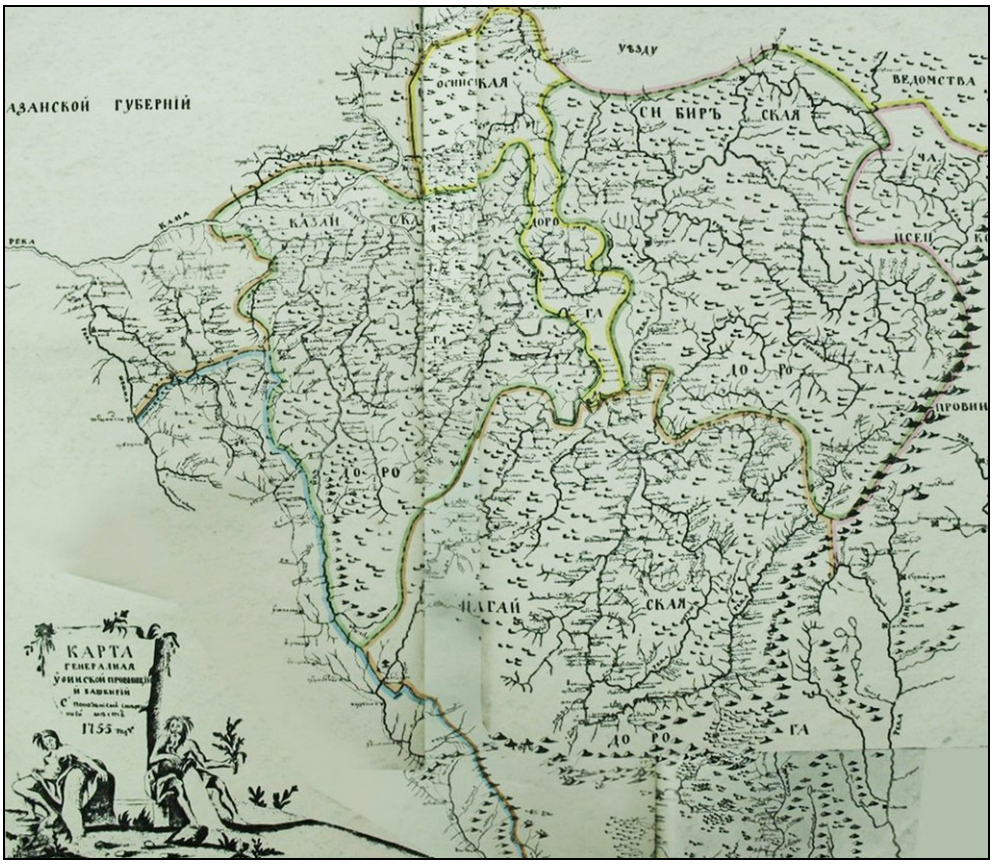
Длительное время территория Уфимского уезда не имела четко очерченных границ, что вызывало споры в «пограничных» районах между жителями соседних уездов. Это было напрямую связано и с продвижением Русского государства на восток, освоением новых территорий и включением в подданство новых групп населения. Если на западе естественной границей выступал Казанский уезд, то на востоке – территория кочевий Кучумовичей, т.е. бывшего Сибирского ханства. С образованием в 1598 г. Верхнетурского уезда в его состав отошла часть территории Уфимского уезда по рекам Уфа и Чусовая[20]. К концу XVI в., наряду с Уфой, в одноименном уезде возникли другие административные центры – сёла Оса, Каракулино.

В основу системы управления и административного деления Уфимского уезда, как, впрочем, и соседних владений, ранее входивших в состав тюрко-татарских государств (Казанского, Свияжского, Тобольского, Тюменского уездов), были положены традиции, заложенные здесь в золотоордынскую эпоху. В XVII в. Уфимский уезд делился на четыре дороги (Казанская, Осинская, Ногайская, Сибирская). Дороги (даруги) являлись относительно самостоятельными областями тюрко-татарских ханств. Не вызывает сомнения связь административных областей (даруг) с главными транспортными трактами государства. Неслучайно понятие «дорога» в XVI–XVIII вв. имело как транспортно-географический, так и административно-управленческий смысл. Административные даруги формировались путем объединения селений, расположенных вблизи важнейших торговых артерий региона. Все тракты начинались в уездном центре и шли в разные световые направления государства, поэтому неудивительно, что административные даруги напоминали треугольники, касающиеся одним своим острием города. Это приводит к выводу, что территория даруг формировалась государственной властью, исходя из направления сухопутных трактов[21].

---

[20] Самигулов Г.Х. Указ. соч. С.69–70.

[21] Галлям Р.Ф. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования: материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». 5 февраля 2002 г. Казань, 2002. С.293.



Деление Уфимской провинции на даруги.
Ландкарты Оренбургской губернии Красильникова, 1755 г.

Если согласиться с данным утверждением, то можно сделать вывод о том, что царской бюрократией конструировалась определенная модель управления местным населением, учитывавшая опыт тюркотатарских государств позднего средневековья. Выделение территории дорог также было связано с ранее заложенными традициями фискальной политики Казанского и Сибирского ханств, а также Ногайской Орды. В зависимости от того, в чьем подчинении находилось местное население до вхождения в состав Московского царства, у него были сложившиеся обязательства по выплате ясака, что учитывалось уфимской администрацией при включении местного населения в состав той или иной дороги.

Время возникновения дорог в Уфимском уезде – вопрос дискуссионный, он требует дальнейшей научной разработки с привлечением комплекса разноплановых источников. Появление данной административно-территориальной единицы, по мнению Б.А. Азнабаева, было связано с мероприятиями казанского дворянина С.Т. Аристова и подьячего Б.Юрьева по фискальному учету ясачного и служилого населения Уфимского уезда в 1631–1632 гг. В целях эффективного контроля над значительно численно возросшим ясачным населением С.Т. Аристов, с учетом опыта соседнего Казанского уезда, предложил выделить в составе Уфимского уезда четыре дороги[22]. Таким образом, создание дорог в Уфимском уезде имело целью облегчить фискальный учет населения и сбор ясака, т.е. дороги были созданы как податные округа.

В результате планомерного расширения контроля над территорией Приуралья в первой половине XVII в. происходит стабилизация границ Уфимского уезда. Параллельно идет процесс подчинения местного населения уфимской администрации, включавший принесение шерти московскому царю, уплату ясака и занесение плательщиков в специальные ясачные окладные книги. Соответственно, за ясачными людьми закреплялись определенные участки земли, с которых они должны были вносить в казну ясак.

Одним из основных показателей признания русского подданства была выплата ясака. Если исходить из этого ключевого показателя, можно сделать вывод, что интеграция ясачных людей в состав Московского государства не была завершена к началу XVII в. В это время отмечалось сохранение «двойного» подчинения части ясачников Уфимского уезда. В грамоте 1643 г. указывается, что «ногайские мурзы ... от Уфы кочевали днищах в трех и в четырех и менши по Деме и по Уршаку рекам», и при царях Федоре Ивановиче, Борисе Годунове и Василии Шуйском ногаи «Уфинсково уезду з башкирцев имали ясак лисицами и куницами и бобрами и всякою рухлядью»[23].

В 1607 г. в Уфимском уезде было проведено описание ясачных земель, сопровождавшееся уточнением ясачных окладов. Тем не менее, далеко не всё ясачное население региона было записано в оклад-

[22] Азнабаев Б.А. К вопросу об административно-территориальном делении Уфимского уезда в XVII в. // Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы: сборник документов. Уфа, 2015. С.31.

[23] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.373. Л.1–2.

ные книги. К 1629 г. в разрядных списках по Уфимскому уезду числилось 888 дворов, плативших ясак. Для увеличения ясака и приведения местного населения «под царскую руку» в 1631 г. в Уфу был направлен казанский дворянин С.Т. Аристов, имевший большой опыт в сфере оценки и размежевания ясачных земель в Казанском уезде. Ему удалось переписать и внести в ясачные книги 2217 дворов ясачных людей. Таким образом, число лиц, записанных и обложенных ясаком, т.е. фактически вошедших в подданство московского царя, выросло в 2,5 раза[24]. Мероприятия, осуществленные С.Т. Аристовым, сыграли не менее значимую роль в плане инкорпорации населения Приуралья в социально-политическое поле Русского государства, чем события 1557 г. Это получило отражение и в народной памяти. По всей видимости, именно эти события были зафиксированы в башкирских шеджере, хотя и были перенесены на более раннее время.

Впрочем, успешное проведение С.Т. Аристовым «переписи» не означало окончательное включение ясачного населения Уфимского уезда в систему фискального обложения Русского государства. Уфимский воевода, опираясь на города-крепости, продолжал контролировать ограниченную территорию. Военный контингент данных опорных пунктов был достаточен лишь для обозначения русского военно-политического присутствия и сбора ясака в «мирное» время. В случае вторжения кочевников (калмыков, сибирских татар) или волнений среди местного населения этих сил едва хватало для обороны самих крепостей.

Отдаленная от митрополии Уфа имела существенные сложности в транспортном сообщении с Казанью и Москвой, которое полностью нарушалось в годы «бунтов» и вторжений кочевников. Между Уфой и русскими городами Поволжья и Центральной России отсутствовала система почтовой и курьерской службы. Вплоть до XVIII в. в Уфимском уезде не было ямских станций, а почтовое сообщение полностью зависело от ясачных «башкирцев» и бобылей, на которых была наложена подводная повинность[25].

Уфа и другие города-крепости Уфимского уезда представляли из себя небольшие «островки» в бушующем тюрко-финно-угорском «море». Поэтому уфимские воеводы были вынуждены довольно ак-

[24] Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа, 2016. С.53.

[25] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.954. Л.7.

куратно проводить курс по фискальному учету и ясачному обложению местного населения. Тем не менее, постепенное усиление административного контроля и русского присутствия в Приуралье и Зауралье не могло не вызывать сопротивления местного населения и открытых выступлений против московского господства.

Такие выступления в XVII в., закрепившиеся в историографии под названием «башкирских восстаний», имели весьма широкую географию и охватывали разные группы ясачного и служилого населения Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири. При этом роль «башкирцев» в организации и в самом ходе движений не всегда была ключевой. В связи с этим название «башкирские восстания» имеет условный характер, на что справедливо указывают современные исследователи[26].

Главной консолидирующей силой антимосковских выступлений народов Приуралья в XVII в. были представители династии Шибанидов (наследники сибирского хана Кучума), а основной их идеей – восстановление в Приуралье татарского юрта. Первое крупное выступление произошло в 1633–1635 гг. Его возглавили внуки хана Кучума – царевичи Аблай и Тевкель, стремившиеся для восстановления своего влияния в Приуралье использовать недовольство ясачного населения в этом регионе. В 1633 г. «Кучюмовы ж внучата, а с ним государевы изменники тарские и уфимские татаровя приходили в Уфимский уезд и громили Алыбаевы юрты… и ходили воевать в Уфимский уезд не по одно время»[27]. В ставку кучумовичей переходит и часть недовольных московской политикой «башкирцев». В 1635 г. Аблай при поддержке калмыков осадил Уфу и разрушил слободу уфимских татар, оставшихся верными русской администрации. Не сумев взять город, Аблай отступил в верховья реки Уфы, где ему нанес поражение отряд стрелецкого головы Федора Каловского. Но военные действия продолжались, они перекинулись на территорию Зауралья. В 1636 г. в грамоте тюменскому воеводе И.Львову сообщалось, что «колматцкие люди и Кучюмовы внучата и наши изменники тарские и уфим-

[26] Васьков Д.А. Потомки Кучума в XVII в. и их роль в организации антирусских выступлений на Южном Урале и в Западной Сибири // Актуальные вопросы философии, истории и политологии: материалы международной заочной научно-практической конференции. Ч.I (10 марта 2011 г.). Новосибирск, 2011. С.115.

[27] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937. С.448.

Хан Кучум. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2000 г.

ские татарове хотят походить на Тюмень и под Тару и под слободы войною многими людьми»[28].

Выступление народов Приуралья и появление в регионе калмыков привели к осознанию московской администрацией необходимости укрепления военной инфраструктуры как для усиления своих позиций в регионе, так и для форсирования процесса хозяйственно-экономического освоения, без чего было невозможно рассчитывать на прочную интеграцию данной территории в социальную «ткань» Русского государства. Для этого в 1650-х гг. начинает реализовываться проект по строительству Закамской засечной линии (черты).

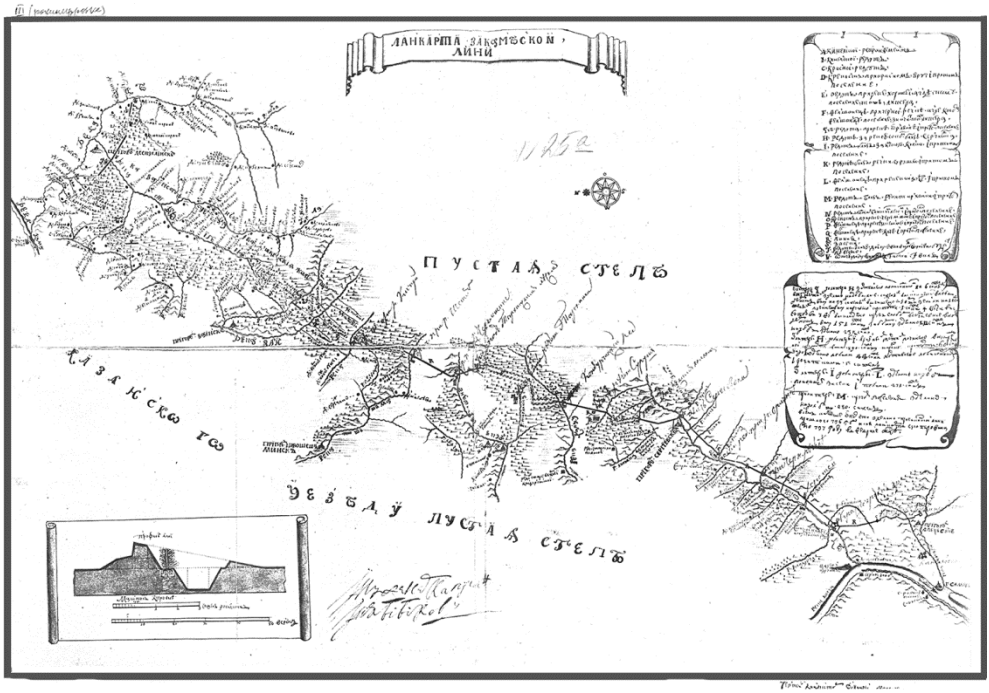
Возведение этого сложного фортификационного сооружения осуществлялось под руководством князя Н.И. Одоевского, назначенного в 1651 г. воеводой в Казань. По его приказу служилые люди Степан Змеев и Григорий Львов, изучив местность, составили чертежи и план строительства укреплений. Эти документы были отправлены на утверждение в Москву, в Приказ Казанского дворца. Строительные работы начались в 1652 г. и завершились осенью 1656 г. В результате была построена сложная сеть укреплений, включавшая в себя остроги, защищенные тыном, а также города-крепости, окруженные стенами, рвами и надолбами. Между укреплениями протянулись многокилометровые террасные валы, вдоль которых были выкопаны рвы, в лесах устраивали засеки. В некоторых местах в оборонительную линию включались валы, возведенные здесь еще во времена Волжской Булгарии[29].

---

[28] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937. С.435.

[29] Ермаков В.В. Строительство и заселение Закамской оборонительной черты // Восточное Закамье в XVII веке: сборник документов и материалов / сост.: В.В. Ермаков, Ю.Н. Иванов. Казань, 2006. С.33.

Для работ по возведению Закамской черты привлекли ясачное население Казанского уезда. По мере построения черты сюда переселялось земледельческое население «на вечное житье». Свое начало Закамская линия брала от Волги, где была возведена крепость Белый Яр, затем тянулась к реке Ерыклы, притоку Большого Черемшана, где был поставлен острог Ерыклинский. Далее от Ерыклинского острога она проходила к реке Тия, до Тиинского острога, к рекам Большой и Малый Черемшан, реке Шешма. Здесь был построен Шешминский острог (Новошешминск). От Шешминского острога черта тянулась к реке Кичуй, к Кичуйскому острогу, и дальше к реке Зай и Заинской крепости. Продолжалась на реке Мензеля возле Мензелинской крепости и завершалась на реке Ик[30].



Ландкарта Закамской линии. 1734 г.

[30] Ивонин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Императорского русского общества на 1851 год. Ч.1. Кн.1. СПб., 1851. С.58–77.

Наиболее важной в военном отношении крепостью на Закамской черте являлся Мензелинск. Он был построен немного выше старого Мензелинского острога, возведенного в 1584–1586 гг. для сбора ясака и защиты населения Закамья от набегов кочевников. Выгодное географическое положение способствовало превращению его в важный центр колонизации Приуралья.

Хотя основная часть черты проходила по территории Закамья, ее строительство имело большое значение для укрепления московского господства в Приуралье. Уфа получила относительно безопасный путь для сообщения с Казанью и Москвой, был значительно усилен и военный потенциал в регионе – к 1653 г. на Закамской черте несли службу казаки и стрельцы, всего 1271 человек. Также сюда была переведена представители смоленской и полоцкой шляхты – 252 человека[31]. Именно со строительством Закамской черты начался процесс массовой государственной и вольной колонизации Восточного Закамья и Западного Приуралья.

Наряду со строительством крепостей для предотвращения сопротивления и окончательного подчинения жителей Приуралья внедряется институт аманатства (заложничества). В начале 1660-х гг. уфимский воевода П.Ф. Волконский повелел с каждой дороги собрать по 12 аманатов, а также 2 аманата с «Ицких волостей». В качестве аманатов выбирались «лучшие люди»[32]. Первоначально заложников направили в Мензелинск, а затем в Казань. Но в 1664 г. они были переведены в Уфу. Институт аманатства сохранялся вплоть до 1740-х гг. Периодически происходила ротация аманатов. Аманатство, как форма подчинения завоеванных народов, было заимствовано Русским государством из ордынской традиции. Оно преследовало те же цели – подчинить и удерживать в покорности местное население, не допускать восстаний.

Результатом усиления русского военного присутствия и внедрения института аманатства стали рост числа открытых выступлений населения Приуралья и Зауралья. На начальном этапе основным эпицентром движения было Северо-Восточное Приуралье, где у кучумо-

---

[31] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1988. С.50.

[32] Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1961. Т.68. С.232–233.

вичей традиционно была сильная поддержка. Наряду с ясачным населением Приуралья активное участие в движении приняли татары Волго-Вятского края. 16 сентября 1663 г. верхнотурский воевода Иван Камынин доносил: «А завоевались де уфинские и сылвенские и казанские и вятцкие и уржумские татаровя…, а подговаривает де татар воевать Сары-Мергенко… и все у них по сговору с крымским царем, а в Сибирь де у них татар отряжено воевать двадцать тысяч бойцов»[33]. В Уфимском уезде повстанцы захватили село Архангельское, осадили Уфу, в Закамье – разрушили Челнинский острог и осадили Мензелинск. Они совершали стремительные рейды вглубь территории Казанского уезда, нанося поражение русским отрядам.

Для сохранения прочного контроля над Приуральем в разгар развернувшегося на огромной территории антимосковского восстания царское руководство начинает планомерное усиление военного присутствия в регионе. В наказе 1664 г. уфимскому воеводе Ф.И. Сомову предписывалось увеличить численность служилых людей Уфимского уезда в 4 раза. Для усиления Уфимского гарнизона в 1664 г. из полка боярина Ф.Ф. Волконского в Уфу на «вечное житье» был послан отряд московских стрельцов в 500 человек. В этом же году для усиления Соловаренного городка было предписано сформировать две стрелецкие сотни, содержание которых было возложено на местных солепромышленников[34].

На месте разрушенного села Архангельское в 1667 г. была возведена крепость Бирск, вскоре ставшая вторым по значению после Уфы военным центром Уфимского уезда. Наряду с поселенными в ее окрестностях служилыми татарами с 1671 г. крепость должно было оборонять постоянное стрелецкое войско в 200 человек[35].

В рамках повышения московского военного потенциала в регионе была изменена структура служилого сословия Уфимского уезда. Для ведения маневренных военных действий была увеличена численность конных подразделений за счет роста числа конных стрельцов, перевода на службу по Уфе служилых татар и мещеряков, дворян и польской шляхты. В результате был сформирован полный штат конного полка. Это позволило использовать силы гарнизонов рус-

[33] Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. Т.4. СПб., 1851. С.289.

[34] Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2022. С.44.

[35] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.671.

ских крепостей не только для обороны, но и для активных военных действий в лесостепной зоне Приуралья. Всего с 1664 по 1682 г. численность служилого населения Уфимского уезда увеличилась с 400 до 1615 человек, а конного войска – в 5 раз[36].

Кроме того, для подавления движения из Астрахани был направлен думный дворянин Замятня Левонтьев во главе большого войска, состоявшего из служилых иноземцев, драгун, стрельцов, дворян и детей боярских[37]. Наряду с русскими войсками против восставших выступили калмыки, стремившиеся использовать данное движение в своих целях. Оказавшиеся между двух огней повстанцы были вынуждены пойти на переговоры с русскими властями и прекратить военные действия[38].

Тем не менее, сопротивление народов Приуралья отмечалось и в последующие десятилетия. Так, в 1669 г. повстанцы осадили Заинск, в 1670 г. напали на Самару, в 1682 г. осадили Уфу. Как и ранее, в военных действиях принимали участие разные группы ясачного и служилого населения Волго-Уральского региона. В конце июня 1682 г. Уфа находилась «в осаде от мордвы, черемис и башкирцев», восставшие «многое время к Уфе приступают, а тех де воинских людей 30 тысяч, а казанские пригороды (имеются в виду крепости Закамской черты. – *Р.И.*) повоевали 7 пригородов»[39]. Главной целью восставших было уничтожение в Закамье и Приуралье важнейших крепостей, посредством которых русские власти осуществляли расширение своего контроля над данной территорией.

В северном Предкамье ясачные люди Уфимского уезда осадили Кунгур, строгановские остроги на реке Сылва[40], в Зауралье – Катайский и Колчеданские остроги[41]. Восстание было поддержано кучумовичами (султаном Хасаном) и калмыками Аюка-тайши, которые зашли на территорию Уфимского уезда. Только в 1683 г., после мобили-

---

[36] Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2022. С.46.

[37] Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 годов // Исторические записки. Т.24. М., 1947. С.103.

[38] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн.VI. Т.11–12. М., 1991. С.561.

[39] Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993. С.112.

[40] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч.1. М., 1956. С.206.

[41] Акманов И.Г. Указ. соч. С.118–119.

зации значительного военного контингента и признания Аюкатайшой русского подданства, восстание пошло на спад и окончательно завершилось к 1684 г.

Благодаря планомерному расширению военного присутствия, строительству сети крепостей к концу XVII в. Приуралье превращается хотя и в неспокойную, но внутреннюю окраину Московского царства. К 1699 г. численность служилого населения Уфимского уезда составляла 11120 человек, т.е. она увеличилась более чем в 20 раз по сравнению с 1630 г. (в 1638 г. насчитывалось 416 уфимских служилых людей)[42].

Конные русские ратники в тегиляях и шапках железных. XVII в. (Историческое описание одежды и вооружения российских войск, под ред. Висковатова А.В., Часть 1. СПб.: Воен. тип., 1841–1862. Илл. 92)

Таким образом, присоединение Приуралья к Русскому государству и признание местным населением подданства московского царя заняли продолжительное время и напрямую коррелировались с расширением военного присутствия Москвы, а также усилением русской колонизации региона. Этот процесс сопровождался сопротивлением местных жителей, периодически перераставшим в открытые военные действия. Ясачное население Уфимского уезда стремилось сохранить статус-кво – положение, сложившееся еще при татарских правителях. С этим был связан проект реставрации татарского юрта в Приуралье, ставший идеологической основой антимосковских движений в регионе в XVII в. во главе с наследниками сибирского хана Кучума.

[42] Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2022. С.51.

§ 2.2. Формирование социальных групп татар Приуралья

Ясачное население и поземельные волости в XVII – начале XVIII в.

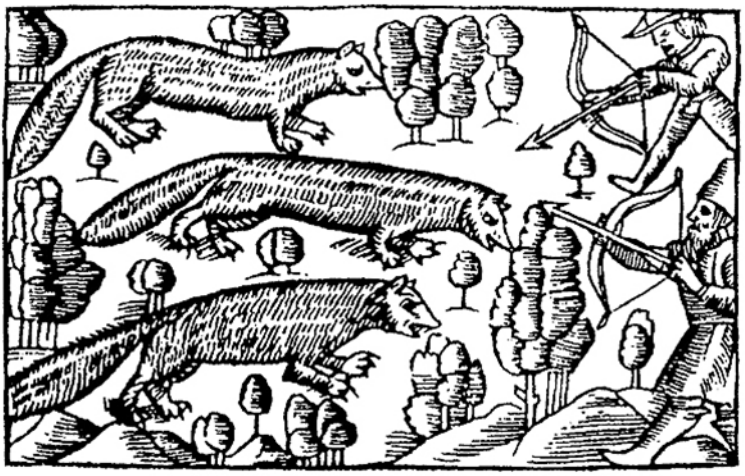
В результате присоединения Приуралья и образования Уфимского уезда в фонд государственных земель вошло 366,8 тыс. кв. км, в том числе все земли ясачного населения[43]. Данный правовой статус был подтвержден в ст. 43 гл. XVI «О поместных землях» Соборного уложения 1649 г. Они являлись собственностью царя, их запрещалось покупать, менять, брать в аренду[44]. Самодержец был полноправным собственником этих земель, при необходимости он мог отчуждать и передавать их другим владельцам.

В русскоязычных источниках земли ясачных и оброчных людей Уфимского уезда обозначались как вотчины. В данном случае имелись в виду государственные вотчины, т.е. вотчины государя, передававшиеся в пользование за уплату ясака или оброка. Данные земли считались наследственными владениями ясачных и служилых людей (вотчинников). Первоначально вотчинное землевладение в Уфимском уезде имело промысловый характер, т.е. вотчины включали в себя в первую очередь промысловые земли: охотничьи угодья на дикого зверя, бортные ухожья, рыбные ловли, бобровые гоны. Именно добыча «мягкой рухляди» (мехов) была главным фактором и «двигателем» русской колонизации восточных окраин. В условиях резкого похолодания (температурного минимума Малого ледникового периода), пик которого пришелся на XVII в., резко возросли спрос и цены на меха, которые стали главным экспортным товаром Московского государства на европейских и азиатских рынках. Если из Сибири вывозили шкурки соболей, то главным объектом промысловой деятельности в Приуралье становится куница. Не случайно на гербе уездного центра был изображен этот зверь, символизировавший одно из главных достояний Уфимского уезда. Весьма значимым экс-

[43] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1988. С.27.

[44] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т.1. №1. С.80.

портным товаром являлись и продукты бортного промысла – дикий мед и воск, имевшие стабильный спрос на международных торговых рынках.



Охота на пушного зверя на Руси. Из книги Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus. Antverpiae, 1558 г.

При крайне низкой плотности населения в Приуралье в начальный период интеграции региона в состав Московского государства сложившаяся здесь еще в период Золотой Орды и тюрко-татарских государств система вотчинного землевладения, позволявшая экономически освоить значительную территорию относительно немногочисленной группой населения, стала наиболее эффективной формой хозяйственно-экономической деятельности. Данная система землевладения позволяла государству, без существенных усилий на администрирование, получать значительные поступления в казну. Но специфика этой формы хозяйствования, имевшей безусловные преимущества на начальной стадии колонизации, в дальнейшем должна была привести к ее кризису. Дело в том, что для ее развития требовалась большая территория, значительная часть которой не использовалась владельцами вотчин, но была необходима для сохранения промысловой инфраструктуры. С ростом земледельческого освоения региона неминуемо должно было произойти разрушение этой формы хозяйствования, а также истощение природных ресурсов и, как следствие, изменение форм землевладения. По этим причинам к концу XVII в. вотчинное землевладение практически полностью исчезает на

территории Волго-Вятского региона. В Приуралье данная форма сохраняется, но в значительно измененном виде.

Декларируя курс на сохранение прежней системы взаимоотношений между государством и подданными, московские власти фактически легитимизировали сложившуюся к этому времени систему землевладения, передав огромные территории в пользование местному ясачному населению. Такая прагматичная политика была связана с ограниченными механизмами, которыми располагало Московское государство на начальном этапе интеграции данного региона. Факт уплаты ясака был достаточным основанием для правового закрепления земельного владения. Выдача особых документов – грамот и памятей, осуществлялась, как правило, при необходимости, в случае возникавших споров или желания самих ясачных людей подтвердить свои права на владение землями. В первые десятилетия после «казанского взятия» (1560–1570-е гг.) новые власти не увеличивали нормы ясачного обложения, сохраняя их прежний размер как при «казанском царе» – с каждого «лука» (то есть двора) собирали по 1 лисице или полкуницы[45]. В дальнейшем размер оклада неуклонно рос. Согласно писцовому описанию С. Аристова 1631–1632 гг., средний размер ясачного оклада в Западном Приуралье составлял более 2 куниц со двора. Также собирался отдельный медвяной ясак с бортных ухожьев. Общий же оклад равнялся 1508 руб. 86,5 коп.[46]

Закрепление земель в собственность длительное время осуществлялось явочным порядком. Не имея возможностей для полноценного размежевания земель, московские власти выделяли во владение государственные вотчины с учетом мнения самих ясачников[47]. По этой же причине земли отводились «без меры», то есть границы владений должны были устанавливать сами ясачные люди в соответствии со сложившимися традициями и наследственными правами.

Как уже отмечалось выше с образованием Уфимского уезда его обложенное окладным ясаком население начинает маркироваться как «башкирцы». Процесс формирования «башкирцев» как особой страты тяглого населения можно проследить на основе документов начала XVII в. В связи с тем, что в это время сословные группы недав-

[45] Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. М., 1961. С.214.

[46] Там же. С.215.

[47] РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.2817. Л.42.

но образованного Уфимского уезда еще только оформлялись, в актовых материалах и документах писцового делопроизводства при обозначении социальных групп наблюдаются определенная путаница и реликты «домосковского» периода. В документах конца XVI в. ясачное население зауральских районов (табынцы, представители айского союза, салжауты и катайцы) еще продолжало фиксироваться как татары (в источниках «тотары»)[48]. Это было связано с тем, что представители данных объединений были тесно «вплетены» в ордынскую клановую систему и в период существования тюрко-татарских ханств считались «туменами» татарских правителей Сибирского ханства, т.е. были военными подразделениями Шибанидов из рода Чингиз-хана и Тайбугидов из клана буркут[49]. В дальнейшем, с признанием московского подданства и началом выплаты ясака, они интегрируются в состав ясачных людей Уфимского уезда. Так, по образному выражению А-З. Валиди-Тогана, происходит их «обашкиривание»[50]. Тем не менее, вплоть до 1630 г. на данной территории, на реке Уфа еще фиксируются вотчины ясачных людей, именовавшихся «ясашной тотарой»[51].

Схожие процессы отмечаются в западных пределах Уфимского уезда, на территории бывшего Казанского ханства. С окончанием первого этапа военных действий по покорению народов Казанского ханства, в 1560–1570-х гг., начинается процесс раздачи ханских земель во владение служилых и ясачных людей, а также русских монастырей и помещиков. Нуждаясь в увеличении дохода с новых земель, казанские воеводы начинают передавать на оброк «охочим людям» неосвоенные угодья в Икско-Бельском междуречье. В связи со сложной военно-политической обстановкой на приграничной территории, слабой динамикой русской колонизации владельцами оброчных вотчин в последней трети XVI – начале XVII в., как правило, становились ясачные люди из числа нерусских народов, хорошо знавшие данный регион. Первоначально такие угодья использовались сезонно, «наездами». Но в дальнейшем они обживались, и здесь формировались новые поселения. Хотя эти земли считались государственны-

[48] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. М.-Л., 1936. С.150.

[49] История башкир / Ахметзаки Валиди Тоган; [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И.Тоган] (перевод с турецкого). Уфа, 2010. С.40.

[50] Там же. С.55.

[51] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.50.

ми вотчинами, на деле они закреплялись за оброчниками в качестве наследственных владений, могли быть проданы или переданы другим лицам.

Оброчные вотчины на территории будущего Уфимского уезда начинают фиксироваться в документах 1560-х гг. В 1562 г. «чуваше»[52] (ясачным татарам) Чигиренке Козякову, Бахтеярке Девлезерову, Саттамышке Митноманову, Яушке Козякову в Казани на оброк были даны бортные ухожья, бобровые и куничьи ловли вверх по рекам Кама и Иш (Иж): «и им теми вотчинами владеть по тому ж, как владели отцы их, а оброку велено им платить по осьми батман меду, по осьми куниц да денег по пяти рублев по дватцати по три алтына по четыре деньги»[53]. В списке с оброчной грамоты 1575/1576 г. было записано, что дьяк Афанасий Битяговский отдал на оброк Кукею Боскосеву вотчины, бортные ухожья против Белой Воложки (р.Белой), по Бириде речке, да по Килмесов речке, да около Озята озера, да около Кименчика городища новокрещена Саввы Обтякова[54]. 15 сентября 1580 г. был отдан «на оброк чюваше Шихдербышу Миткоманову да Тевкелю Тохтамышеву да Бектемиру Еналееву из той их деревни бортный ухожий на Каме реке по обе стороны Камы реки, да за Камой рекой по Ику реке на обе стороны»[55]. Ясачный татарин д. *Кугарчин* Ногайской дороги Казанского уезда (совр. Рыбно-Слободский р-н РТ) Алатай Какасов, владевший оброчными вотчинами на р. Ик, Усень, Агир, Кудаш, Белебей, в начале XVII в. продал их ясачным татарам д. *Сардык* (совр. д. Большой Сардык Кукморского р-на РТ) и *Балянгар* Арской дороги Казанского уезда Альдергушу Явгостееву и Юлгушу

[52] Если на территории Приуралья в Уфимском уезде все ясачное население обозначалось как «башкирцы» и «бобыли» вне зависимости от этнического происхождения, то в Среднем Поволжье, в Казанском и Свияжском уездах представители ясачного населения из числа нерусских народов (татары и чуваши, а также, отчасти, южных удмуртов) вплоть до конца XVII в. в русских документах фиксировались как «ясашная»/«казанская» «чюваша/чуваша». Здесь и далее под ясачной/казанской чувашей записаны ясачные татары.

[53] Шакиров Р.К. Спорные земли в низовьях Ижа. Краеведческий очерк. Казань, 2009. С.18.

[54] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1337. Л.1.

[55] Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798) / Сост.: И.М. Гвоздикова (руководитель группы), Б.А. Азнабаев, И.И. Буляков, И.М. Васильев, Н.С. Корепанов, В.С. Тольц. Уфа, 2012. С.16.

Ямашеву. Сын Альдергуша Явгостеева Мамет Альдергушев при содействии кугарчинцев 21 февраля 1626 г. получил оберегательную грамоту на эту вотчину[56]. Потомки Алатая Какасова, Тлевлейка Досаев и Ишметка Истяков, продолжая жить в д. *Кугарчин* и числиться ясачными татарами (чювашой) Казанского уезда, в то же время считались и ясачными «башкирцами» Кыр-Иланской волости, имели на ее территории вотчину, на которую 29 октября 1676 г. уфимским воеводой Петром Тимофеевичем Кондыревым была выдана владенная память[57]. Согласно купчей, составленной в Казани 15 марта 1627 г., «чювашенин» Зюрейской дороги д. *Темки Метески* (совр. д. Тямти Метески, Тюлячинский р-н РТ) Айбач Терибердеев передал находившуюся за ним в Уфимском уезде вотчину – «бобровые гоны и рыбные ловли за Камою рекою по Ике реке по обе стороны и с полями со всяким ходячим зверем» – «чювашенину» Зюрейской дороги д. *Нысы* (совр. Тюлячинский р-н РТ) Иткине Янчюрину за плату в пять рублей[58]. 2 августа 1620 г. казанским воеводой князем Б.М. Лыковым-Оболенским новокрещену Кирилке Васильеву была выдана оброчная вотчинная грамота на бортные ухожья «за Камою рекою по речке по Таныпе»[59], за что он должен был вносить в государеву казну «Тюменского за батман меду и пошлин по дватцати по шести алтын по полуторы деньги»[60]. Та вотчина была «в пусте исстари, не владеет ею никто»[61].

16 ноября 1629 г. ясачный татарин д. *Берсут* (совр. Мамадышский р-н РТ) Максим (Максум) Урсеков получил в Уфе оберегательную за печатью воеводы Ивана Григорьевича Желябужского грамоту на свою вотчину в верховьях р.Ик, за которую вносил «казанский ясак» (оброк) один рубль[62]. В медвяных книгах 1629/1630 г. за «чювашенином» д. *Нижний Сунь* (совр. Мамадышский р-н РТ) Зюрейской дороги Бектемиром Асангозиным были записаны бортные ухожья за Камой рекой по речке Моктауш с платежом оброка в 20 куниц[63]. В ка-

---

[56] Хусаинов С.А. Размышления над ярлыком Сахип-Гирея // Туган җир. 2019. №4. С.92.

[57] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.769.

[58] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.302. Л.2–3.

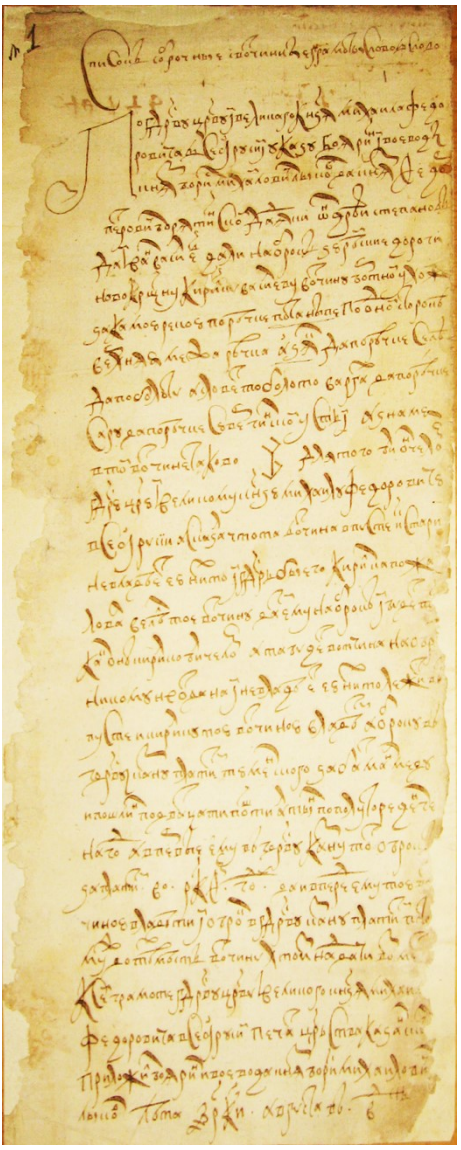
[59] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.1.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.321. Л.2.

[63] Государственный архив РТ (ГА РТ). Ф.1240. Оп.1. Д.516. Л.1.



Оброчная вотчинная грамота новокрещену К. Васильеву на вотчину за р. Камой по р. Танып (список) 2 августа. 1620 г.

занских приходных оброчных книгах за 1632/1633 г. на «чюваше» д. *Кугурчин* Ногайские дороги Казанского уезда Уразлычке Скинчееве (в других документах он фигурирует как Уразгильдейко Кичеев) были записаны: 1) бобровые гоны по р. Ик и ее притокам, ранее числившиеся «тарханными вотчинами», то есть промысловыми угодьями, не облагавшимися ясаком и оброком. Изменение статуса этих владений произошло в 1599/1600 г., когда по решению первого уфимского воеводы Михаила Александровича Нагого была составлена отступная запись, по которой тархан Катик Кулчурин отказывался от данной вотчины и она перешла во владение У. Скинчееву[64]; 2) бобровые ловли на р.Бузулук и Самаре; 3) «выморочная» вотчина по р.Ик, переданная ему после смерти прежнего владельца – «чювашенина» Чолпана Черемышева[65].

Оброчные владения жаловались и представителям татарского служилого сословия. 11 апреля 1597 г. служилому новокрещену князю Якову Васильеву сыну Асанову казанским воеводой князем

[64] Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798) / Сост.: И.М. Гвоздикова (руководитель группы), Б.А. Азнабаев, И.И. Буляков, И.М. Васильев, Н.С. Корепанов, В.С. Тольц. Уфа, 2012. С.17–18.

[65] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.93. Л.3.

И.М. Воротынским была выдана ввозная грамота на «бортной ухожей и бобровые гоны и рыбные ловли за Камою рекою по Волге реке, на Нагайской стороне, по Самарской дороге»[66]. В 1605/1606 г. служилому татарину *д.Менгер* Алатской дороги Казанского уезда (совр. Атнинский р-н РТ) Янбахте Янгозину казанским воеводой С.А. Волошским была предоставлена ввозная грамота, «вводившая» его во владение его наследственными землями – бортными ухожьями и озерами «до Зия и до Сусары»[67]. В 1613 г. служилому татарину д. *Кугарчин* Ногайской дороги Казанского уезда Булату Монашеву были жалованы «бобровые гоны» на огромном участке по р. Кинель «с устья до вершины» (совр. Оренбургская и Самарская обл.). В 1618 г. брат предыдущего, Килей Монашев, получил «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою рекою по Кинель речке». Известно, что к 1690-х гг. у служившего «по Казани» сына Сулеймана Монашева Юсупа поместье находилось в д. *Челны* Зюрейской дороги Казанского уезда. Оброчная вотчина же его располагалась «за Камою рекою по Кинеле реке по обе стороны до вершины». В 1690/1691 г. на эти же земли по р.Кинель была дана грамота служилому татарину Ишейке Тохтарову, чей дед являлся двоюродным братом Килея Монашева[68]. По грамоте 1628 г., служилому татарину Москову Хозяшеву перешла во владение «старинная вотчина», «бортные ухожья», которые располагались по всей территории Закамья. Ранее эти угодья были жалованы его отцу, Хозяшу Сюндюкову, за его верную службу московским государям. Между реками Большой и Малый Черемшан находилась вотчина – «бортный ухожей с текучим зверем», принадлежавшая «исстари» татарским князьям Яушевым[69].

---

[66] Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Д.1303/8. Л.775.

[67] Мустафина Д.А. Служилые татары через призму земельной тяжбы с монастырем // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С.235.

[68] Габдуллин И.Р. К вопросу об этносословной структуре тюркского населения Уфимского уезда и губернии в XVII–XIX вв. // Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань, 2010. С. 31.

[69] Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань, 2007. С.63.

Татарские всадники. Гравюра 1731 г.

Не вызывает сомнения, что часть вотчин, закрепленных за ясачными и служилыми татарами в период вхождения Волго-Уралья в состав Московского государства, принадлежала их предкам еще со времен Казанского ханства. Об этом свидетельствуют часто встречающиеся в источниках формулировки о прежнем статусе земель – принадлежавшие «исстари», «отцам и дедам» просителей и проч., а также сохранившиеся акты ханского периода и многочисленные документы спорных дел. Пожалование этих вотчин можно рассматривать как форму правовой легитимации московскими государями наследственных прав на земли, установленных еще при казанских ханах. При земельных спорах воеводскими канцеляриями признавалась юридическая сила актов, выданных правителями Казанского ханства, предъявление таких документов было весомым аргументом для закрепления прав собственности на оброчные вотчины[70].

Среди ясачных татар, получивших права на оброчные угодья, были и представители бывшего военно-служилого сословия, потерявшие свои права и привилегии вследствие участия в военном сопротивлении во время взятия Казани и Казанской войны. В Казанском ханстве они имели ленные владения на территории Предкамья,

[70] Мустафина Д.А. Служилые татары через призму земельной тяжбы с монастырем // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С.235.

где находились их родовые селения, а в Икско-Бельском междуречье – жалованные наследственные вотчины, располагавшиеся на ханских землях и использовавшиеся ими как промысловые угодья для получения пушнины и меда. Потерявшие свои феодальные права после вхождения Казанского края в состав Московского государства, они начинают фиксироваться документами как ясачные татары (чюваша), при этом жители деревень Предкамья сохраняют контроль над своими вотчинными угодьями в Закамье и Западном Приуралье.

Пожалование промысловых угодий и сбор с них оброка на территории Икско-Бельского междуречья осуществлялись казанской воеводской канцелярией (приказной избой). Это право она сохранила и после образования Уфимского уезда. При жаловании оброчными вотчинами казанские воеводы часто игнорировали административные границы соседних уездов, закрепляя промысловые владения в пределах как Казанского, так и Уфимского уезда. В то же время права казанских воевод на жалование земель и сбор с них оброка в Уфимском уезде распространялись исключительно на территорию Икско-Бельского междуречья. Возможно, причиной такого положения был прежний статус данных земель. В период заката могущества Казанского ханства р. Белая выступала естественной границей ханских владений. При этом необходимо подчеркнуть, что указанные границы не совпадали с пределами военно-политического господства Казанского ханства, то есть с территорией его протектората. В документах Приказа Казанского дворца первой трети XVII в. отмечалась, что «ясачных людей башкирские вотчины» начинались от р. Белая Волошка (р.Белая) и тянулись вверх по р. Каме на семьсот верст вплоть до Строгановских слобод[71]. О том, что границы казанских оброчных владений проходили по крупнейшей речной артерии Приуралья (р. Белой), могут свидетельствовать и встречающиеся в исторических источниках данной эпохи географические маркеры «казанские воды» и «уфимские воды».

Итак, во второй половине XVI – начале XVII в. в Икско-Бельском междуречье начинает формироваться система оброчного землевладения. Владельцами оброчных вотчин были представители служилого и ясачного сословия, часть из них владели этими землями по праву наследования, установленного правителями Казанского ханства. С образованием Уфимского уезда происходит постепенный, но неук-

[71] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д.379. Л.2.

лонный процесс перевода указанных лиц в состав «башкирцев» путем записи в окладной ясак, т.е. перехода их под фискальную юрисдикцию уфимского воеводы. Соглашаясь с мнением башкирского историка У.Рахматуллина, считавшего, что Байлярская, Булярская и Енейская поземельные волости «башкирцев» Казанской дороги Уфимского уезда сложились преимущественно на основе общин владельцев оброчных угодий – ясачных татар и марийцев[72], мы относим к последним (т.е. сложившимся на основе общин владельцев оброчных угодий – ясачных татар и марийцев) также Сарайли-Минскую (в рассматриваемый период входила в состав Байлярской волости), частично Иланскую и Гирейскую волости.

Изменение социального статуса оброчников было связано с курсом на социальную и фискальную унификацию жителей Уфимского уезда. Конечным результатом этой политики должны были стать обложение уфимским ясаком всех социальных групп тяглого населения региона. Фиксация башкирского статуса части владельцев оброчных вотчин отмечается уже в документах начала XVII в. В последующие десятилетия процесс записи оброчников в «башкирцы» усиливается и приобретает массовый характер.

Став «башкирцами», оброчники приобретали права и несли все повинности представителей данной социальной группы Уфимского уезда. В качестве правоустанавливающих признавались документы, выданные в Казани на оброчные владения. Например, получивший «башкирское имя» в 1678 г. житель д. *Байляр* Арычка Токтамышев в 1694 г. в качестве доказательства наличия права владения вотчиной по р.Каме Байлярской волости предъявил выпись из памяти, данной его предку, ясачному татарину Шихдербышу Миткоманову, 15 сентября 1581 г. (см. выше). Другой случай предъявления «башкирцами», потомками Ш. Миткоманова, правоустанавливающих документов на вотчину относится к 1766 г. Тогда в Уфе рассматривалось дело о спорных землях Байлярской и Кыр-Иланской волостей. Примечательно, что обе стороны, споривше о «башкирских вотчинах» по р. Ик, Ишей Заитов и Усман Бардыбаев, были потомками ясачных татар и предъявляли в качестве доказательства своих прав собственности документ, связанный с оброчными землями их предков, – грамоту

[72] Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII–XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX в. Уфа, 1981. С.7.

1631/1632 г., выданную Карымке Шихдербышеву и Урсалке Тогаеву, которые «были природные Казанского уезда Зюрейской дороги деревни Балтасевой есашные чуваши и ту землю имели они на оброке»[73]. Схожий казус случился в 1700 г., когда для доказательства своих вотчинных прав «башкирцы» Гирейской волости Казанской дороги Опас Тютеев с «товарыщи» предоставили «справленный» список оброчной грамоты их предка, ясачного татарина Кукея Боскосеева, 1574/1575 г. на оброчные промысловые земли[74].

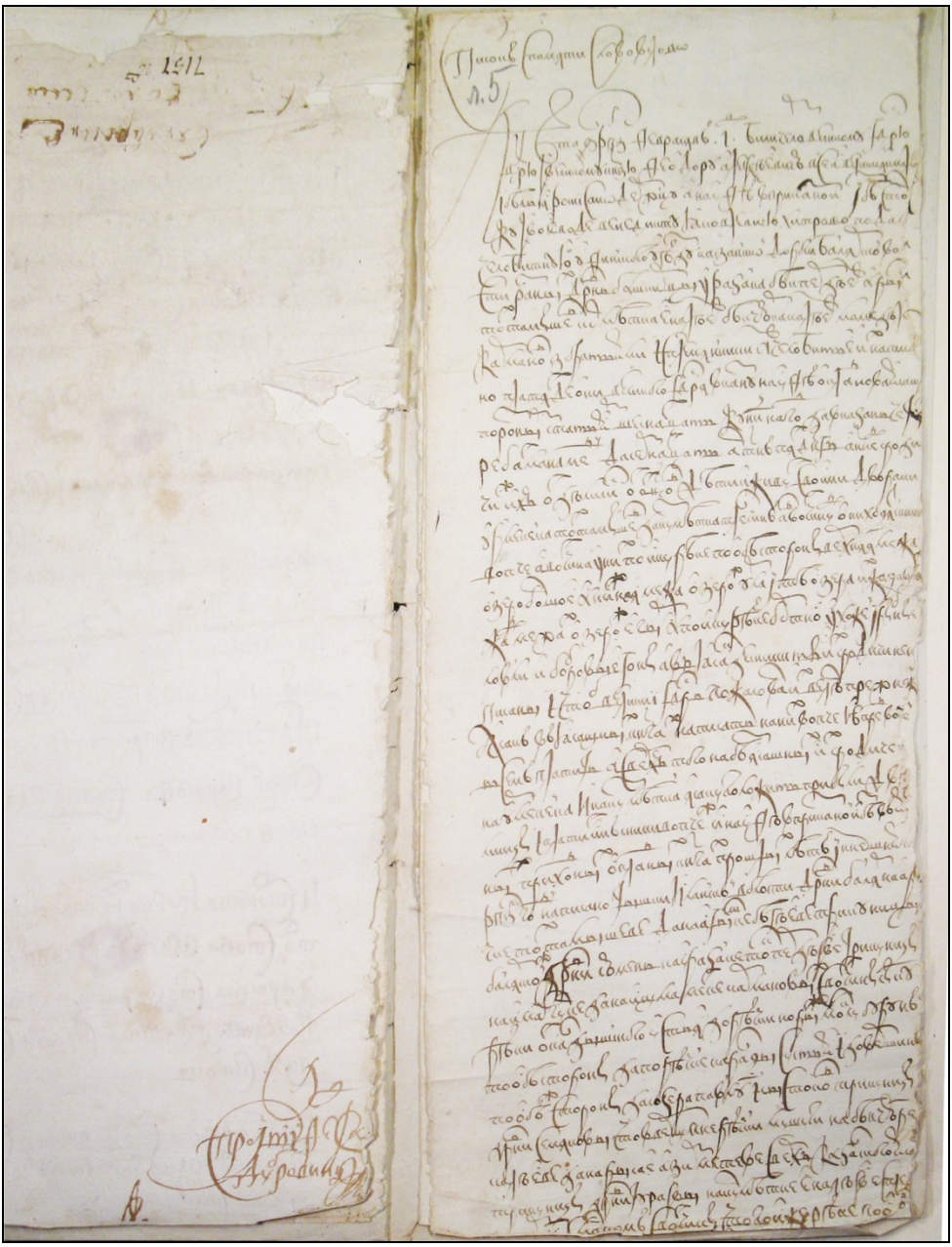
Некоторые потомки оброчников становились руководителями башкирских поземельных волостей. Внук ясачного татарина д. *Нижний Сунь* (совр. Мамадышский р-н РТ) Бектемира Асангозина, пожалованного в 1630 г. оброчными угодьями по р. Моктауш, Москов Давлеткулов, был старшиной Кыр-Иланской волости. Старшинами данной волости были и его сын (Абдикей Москов) и внук (Тимербай Абдикеев). На землях потомков Москова Давлеткулова в Кыр-Иланской волости сформировалась отдельная Москова тюба (тат.–*төбәк* – край, регион; административное подразделение внутри поземельной волости). Отдельную тюбу в составе указанной поземельной волости создали и оброчники д. *Тынламас*[75]. Одним из влиятельных родов Елдякской волости Казанской дороги в XVIII в. были потомки Бурая. Согласно данным М.М. Акчурина и И.А. Амирова представители этого рода – ясачные татары д. *Аккозино* Арской дороги Казанского уезда, переселились на территорию Елдякской волости в конце XVII в. В ходе судебных споров им удалось доказать свои права на оброчные вотчины на р.Танып, пожалованные в 1620 г. новокрещену К. Васильеву (Бурай был его родным братом)[76]. На территории этой вотчины была основана д. *Бураево* и сформировалась Бураевская тюба Ельдякской волости (совр. Бураевский р-н РБ). Из рода Бурая происходил старшина Елдякской волости Ахмер Асанов, дважды

[73] ГА РТ. Ф.974. Оп.1. Д. 6. Л.72 об.

[74] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1337.

[75] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.59.

[76] Акчурин М.М., Амиров И.А. О казанском ясаке в Ельдякской волости на примере вотчинных владений Бурая Ергозина и его родственников // Приуральские татары: аспекты этнокультурной и социально-экономической истории (XVII–XXI вв.). Сборник статей / Автор предисловия Р.Ф. Масагутов, под общей и научной редакцией Р.Р. Аминова. Казань, 2024. С.8–66.



Фрагмент документа о переводе ясачных татар, владельцев оброчных вотчин в состав «башкирцев» (РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.745. Л.1)

удостоенный аудиенции у российских самодержцев. Старшинами вышеозначенной волости были сын и внуки А. Асанова – Исмаил Ахмеров, Абдулвахит и Абдуллатиф Исмаиловы. На основе оброчных вотчин жителей д. *Мушуги*, а также других селений татар-вотчинников в бассейне р.Мушуга Казанской дороги образовалась Мушугинская волость, которая в дальнейшем вошла в состав Булярской волости на правах тюбы[77].

Таким образом, в состав «башкирцев» входили разные этнокультурные компоненты, объединенные принадлежностью к социальной страте ясачных людей Уфимского уезда, владевших угодьями на вотчинном праве[78]. Хотя вотчины передавались по наследству, они не всегда являлись родовыми владениями «башкирцев», заявлявших на них свои права. Так, за счет кочевий ногаев в два раза увеличились владения юрматынцев, минцев и табынцев в Центральном и Восточном Приуралье[79]. Вследствие получения «выморочных» и свободных земель, а также угодий участников антимосковских восстаний существенно менялись и границы вотчин в Западном Приуралье, что порождало многочисленные земельные тяжбы, зафиксированные в архивных материалах.

При интеграции «башкирцев» в социально-правовое поле Московского государства и обложении их ясаком царская администрация использовала сложившуюся к этому времени систему поземельных волостей (тат. *улус* – область, территория). Именно волость выступала основным объектом фискального учета, посредством которого осуществлялся сбор ясака и контроль над общинниками. Уфимская приказная изба в приходных ясачных книгах фиксировала общее количество ясака, которое должно было поступить от волости, и имена лиц, которые отвечали перед государством за его выплату[80]. Государство не вмешивалось в вопросы раскладки ясака внутри волости,

---

[77] Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань, 2023. С.40–41.

[78] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф.364. Картон 6. Д.1. Л.24.

[79] Демидова Н.Ф. Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964. С.261.

[80] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038. Л.5–7 об.

Конный башкирец. Рисунок 1809 г.

не определяло границы вотчин «рядовых» «башкирцев», – все это являлось прерогативой членов данного территориально-административного образования, благодаря чему значительно снижались издержки на осуществление фискального учета.

Данная система имела и существенные недостатки. Местные власти не имели точных сведений о том, за какие вотчины вносили ясак отдельные общинники[81]. Специфика такого учета не позволяла установить не только размеры отдельной вотчины (повытья), но и точные границы поземельной волости. Это порождало многочисленные споры длившиеся десятилетиями. При рассмотрении таких дел воеводская канцелярия, не имевшая точных задокументированных данных о границах вотчин, была вынуждена прибегать к длительной процедуре «сысков» и «дозоров», в основе которых лежали массовые опросы жителей волости и их соседей.

[81] Цит. по: Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. М., 1961. С.216.

Поземельные волости первоначально имели в своей основе родовые общины. Ко времени вхождения Приуралья в состав Московского государства в такой архаичной форме волости сохранились у полукочевых родоплеменных групп ясачных людей в Восточном и Южном Приуралье, а также в Зауралье. В Западном Приуралье, где проживало оседлое татарское население, имевшее иной уровень социальной организации общества, волости представляли из себя сложную соседскую общину. Признавая отсутствие единой родоплеменной структуры жителей поземельных волостей этого региона и традиции написания здесь родовой истории в форме шеджере, башкирский этнолог Р.Г. Кузеев объяснял это тем, «что в Западной Башкирии уже в XVII–XVIII вв. патриархально-родовые традиции в связи с быстрым развитием феодальных отношений канули в прошлое»[82]. С данной точкой зрения можно согласиться, сделав поправку на характерный для советской историографии «классовый подход» в освещении этносоциальной истории. Действительно, характер социальных отношений внутри таких административно-территориальных объединений был идентичен с общинным устройством других земледельческих сообществ Волго-Уральского региона.

Природно-климатические условия лесостепной зоны Западного Приуралья препятствовали широкому распространению здесь кочевого и отгонного скотоводства. Широкие лесные массивы, резко континентальный климат с жарким, засушливым летом и холодной зимой с большим снежным покровом, не позволявший содержать скот на подножном корму, являлись естественными неблагоприятными факторами для хозяйственного освоения региона кочевниками. В то же время наличие большого количества водных массивов и высокое плодородие почв способствовали развитию здесь промыслового и сельского хозяйства. В документах конца XVI–XVII вв. отсутствуют данные о сохранении у местного населения каких-либо реликтов полукочевого образа жизни, фиксирующегося у «башкирцев» Юго-Восточного Приуралья, которые летом уходили на летние кочевья *(йайляу/джайляуу)*, а зимой возвращались в свои застроенные деревянными избами аулы. Напротив, формы хозяйственной деятельности, связанные с промысловым хозяйством и земледелием, отмечаются как в актовых, так и делопроизводственных материалах данного времени. Границей между оседлым и кочевым населением в За-

[82] Башкирские шежере / сост. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1960. С.15.

падном Приуралье выступали долины р.Дема, Уршак и нижнее течение р.Белой. Области южнее этого района еще со времен Золотой Орды входили в зону сезонных маршрутов летних кочевий (летовок) степняков. Такой характер они сохраняли вплоть до 1630-х гг., когда ногаи окончательно откочевали в Нижнее Поволжье.

Как отмечалось выше, «башкирцы» в поземельных волостях Западного Приуралья объединялись не на основе единого родоплеменного происхождения, а по принципу принадлежности к территориально-административной единице. Неслучайно в документальных материалах XVII в., относящихся к Казанской и Осинской дороге Уфимского уезда, практически не встречается челобитных от представителей того или иного рода или племенного образования, имеются лишь индивидуальные или коллективные прошения представителей одной или нескольких социальных корпораций («товарыщи»). Совершенно справедливы выводы одного из наиболее авторитетных советских исследователей истории народов Приуралья А.П. Чулошникова, указавшего, что «ближайшее наблюдение даже над немногими имеющимися в нашем распоряжении документами правового характера заставляют сразу же отказаться от прежнего представления, что в основе этого общества лежала родовая община. Волость и подразделение ее тюба, или аймак, еще в XVII веке не представляли в Башкирии собрание одних родственников, но в них вливались и чужеродные элементы, часто люди небашкирского происхождения и совместное владение землею “братью” все чаще заменялось владением “с товарищи”»[83].

К середине XVII в. поземельные волости рассматриваемого региона объединяли в своем составе представителей не только разных родов, но и этнокультурных сообществ. Встречаются примеры, когда членами таких волостей, наряду с татарами, становились осевшие здесь и получившие «башкирское имя» «ногаетины» (ногаи), калмыки, черемисы, вотяки, мордва, тобольские татары, «трухменцы» (туркмены), бухарцы-тезик и др.[84] В составе общин «башкирцев» оказывались представители разных народностей и разных конфессий[85]. Поземельные волости являлись сложными социальными институтами, которые могли возникать в результате отделения от других об-

[83] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.1. М.-Л., 1936. С.7.

[84] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.577.

[85] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.109; Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2022. С.12–13.

щин-волостей. Под влиянием внешних и внутренних факторов, а также деятельности государственных структур они могли также исчезать или объединятся с другими[86]. Распространенной практикой был переход членов одной волости в состав другой[87].

Первые упоминания поземельных волостей Западного Приуралья в русскоязычных документах датируются началом XVII в. Наиболее ценными и информативными источниками, раскрывающими особенности формирования данных общин, являются сохранившиеся выписи из ясачных книг – основных документов фискального учета ясачного населения Уфимского уезда. На основе этих данных можно сделать вывод, что старейшими административно-территориальными объединениями будущей Казанской дороги были Гирейская, Канлинская, Юрминская, Елдякская волости. К середине XVII в. из состава Гирейской и Иланской волостей начинают выделяться земли владельцев оброчных вотчин, на основе которых были сформированы Енейская, Булярская, Байлярская, Тышкы-Иланская поземельные волости. В это же время из состава Канлинской выделяются Дуванейская и Шамшадинская волости.

Елдякцы. Фото нач. XX в.

К периоду вхождения в состав Московского государства ясачные люди данного региона занимались преимущественно промыслами, связанными с бортным пчеловодством, охотой и рыболовством, а также хлебопашеством и стойловым животноводством. Благодаря наличию большого количества водных и лесных массивов, а также слабой заселенности региона промысловая деятельность являлась наиболее экономически целесообраз-

[86] ОР РНБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.8.

[87] Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. М., 1961. С.217.

ной формой хозяйствования. Для местного населения именно продукты таких промыслов, в первую очередь мед и пушнина (меха куницы, бобра и лисицы), были наиболее значимыми товарами, позволявшими им как выплачивать натуральный ясак, так и получать доход от его свободной продажи. Хлебопашество и животноводство развивались в ограниченных рамках для обеспечения собственного потребления. Неслучайно сами «башкирцы» подчеркивали, что они живут и платят ясак не с «земли», а с «леса и воды»[88].

Благодаря такой хозяйственно-экономической деятельности Московское государство получало наиболее ценимые экспортные товары. Как явствует из документов воеводской канцелярии, в XVII в. уфимская администрация всячески стремилась сохранить и преумножить поток пушнины и меда, поступавшего в казну в результате увеличения численности ясачных вотчин и включения в состав «башкирцев» «сходцев»-бобылей[89]. В возникавших земельных спорах при опасности разрушения инфраструктуры промысловых угодий (вырубки бортных деревьев, разрушении бобровых гонов, запруживании рек дамбами для мельниц, расчистки леса и проч.) местные власти вставали на сторону вотчинников, выдавая им оберегательные грамоты. Это было продиктовано тем, что долгое время именно промысловые угодья «башкирцев» приносили наибольший доход и являлись основой экономической состоятельности Уфимского уезда. Понимая это, «башкирцы» в своих прошениях активно использовали данный аргумент в отстаивании неприкосновенности границ своих вотчин, заявляя, что их нарушение приведет к разрушению устоявшихся форм хозяйственного использования земель и, как следствие, невозможности выплаты ими ясака в прежнем объеме.

Исходя из материалов фискального учета, можно утверждать, что вплоть до второй половины XVII в. численность «башкирцев» в позе мельных волостях Западного Приуралья была относительно небольшой. По окладным ясачным книгам 1622/1623 гг., в Минской волости Ногайской дороги числилось 28 «ясачных человека» (в документе они еще не обозначены как «башкирцы»), плативших 175 куниц и 2 бобра, в том числе староста Консар Коземанов и тархан Бахта Бисубин[90]. Норма ясачного обложения в данной волости не сильно

[88] РГАДА. Ф.1147. Оп.1. Д.111. Л.50.
[89] РГАДА. Ф.1773. Оп.1. Д.306. Л.1.
[90] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.435. Л.6.

менялась на протяжении XVII в. и составляла в 1692/1693 г. 180 куниц и 2 бобра[91]. К 1632 г. Уранская волость Осинской дороги состояла из 10 дворов (домохозяйств) во главе со старостой Ильбахтою Танатаровым, плативших ясак в 177 куниц[92]. В середине XVII в. «башкирцы» Канлинской и Дуванейской волостей совместно платили «уфимского ясака» в «107 куниц да по 2 лисицы на год». Из них 27 дворов канлинцев вносили в казну 56 куниц и лисицу, дуванейцы – 51 куницу и лисицу. Исходя из соотношения нормы ясака и дворов Канлинской волости, И.Р. Габдуллин предположил, что у дуванейцев в это время насчитывалось 25 дворов[93].

В конце XVI – первой половине XVII в. общины-волости могли состоять всего из одной или нескольких деревень, которые, как правило, располагались вблизи крупных рек. Например, в 1660-х гг. все жители Канлинской волости проживали в одноименной деревне (в источниках указана как д. *Кальны*)[94]. По названию этих населенных пунктов получала свое наименование и поземельная волость (д. *Байляр* – Байлярская волость, д. *Буляр* – Булярская волость, д. *Старый Киргиз* – Киргизская волость, д. *Канлы* – Канлинская волость и др.).

Положение, при котором немногочисленная группа ясачного населения концентрировала в своих руках колоссальные земельные владения в Западном Приуралье, могло сохраняться только на начальной стадии интеграции региона, когда у Русского государства не было достаточных ресурсов, в первую очередь людских, для экономического освоения этого богатого региона. Существенные изменения в положении ясачного населения отмечаются во второй трети XVII в. С 1620-х гг. наряду с «башкирцами» в поземельных волостях начинает фиксироваться новая страта в составе ясачных людей Уфимского уезда – ясачные бобыли. Если на территории центральных областей Московского государства бобыли переписывались в облегченное тягло, а в дальнейшем пополняли сословие крестьян, то в Приуралье они облагались бобыльским ясаком, а затем переводились на окладной ясак, т.е. становились «башкирцами».

Ясачные бобыли формировались из числа «сходцев» из других регионов, в первую очередь из Казанского и Свияжского уездов. Ос-

---

[91] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1195. Л.5.

[92] ОР РГБ. Ф.364. Картон 6. Д.1. Л.18.

[93] Габдуллин И.Р. Из истории Чекмагушевского района Республики Башкортостан. Часть 1. Уфа, 2012. С.39.

[94] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.980. Л.5.

новными мотивами массового переезда жителей Среднего Поволжья в Приуралье были наличие здесь больших фондов неосвоенных плодородных земель, значительно меньшие административный контроль и налоговая нагрузка. Заинтересованные в росте ясачного населения, местные власти стимулировали «гулящих людей» заселять приуральские земли и записываться здесь в бобыльский ясак. В резолюции от 16 октября 1626 г. на челобитной «черемисина»[95] Казанского уезда Акбасайки Битемирева о записи его в бобыльский ясак уфимский воевода И.И. Чичерин указал: «и иных к себе гулящих людей в государев ясак чувашу и черемису и мордву призывати… а государев ясак бобылей к себе в сосоди называти у которово призовет и тех людей приводити в город и записывати их в книги»[96].

Приобретение статуса вотчинника сопровождалось несколькими этапами закрепления за бобылями земельных наделов в Уфимском уезде. Переезжая в Приуралье, ясачные люди поселялись или на пустопорожних землях, или во владениях поземельных волостей. В последнем случае заселение происходило, как правило, по устному соглашению (припуску) между бобылями и «башкирцами» или «самовольством», «без дозволения». Поселившись на земле, они фактически не имели законных прав на нее. Как государство, так и местные жители, в том числе и осевшие здесь ранее бобыли, могли их выселить[97].

Тем не менее, возможность законно закрепить за собой земли у бобылей была. Для этого они должны были легализовать свое положение в пределах Уфимского уезда и начать платить бобыльский ясак. Перед записью в бобыльский ясак переселенцам предоставлялись налоговые льготы на несколько лет, пока они не обустроятся на новом месте и не «встанут на ноги»[98]. Кроме того, государство содействовало в поисках необходимой для уплаты ясака земли и передаче ее во владение поселенцам. Именно предоставление им сельскохозяйственных наделов было главным условием для бобылей при записи в ясак, о чем они недвусмысленно заявляли в своих челобитных[99]. Как и в отношении «башкирцев», факт выплаты ясака стано-

[95] Наряду с марийцами в составе социальной группы черемис в документах XVI–XVII в. фиксируются и верховые чуваши.

[96] РГАДА. Ф.1773. Оп.1. Д.306. Л.1.

[97] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.20.

[98] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.20.

[99] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.478. Л.1.

вился основанием для признания за бобылями права на наделы. При неблагоприятных обстоятельствах (бездетная старость, болезнь или увечье) бобыля, его ясак мог быть снят и передан безъясачному человеку. При этом вместе с ясаком бобыль должен был сдать и свое повытье, т.е. надел, с которого он нес тягло[100]. Земля могла достаться бобылю и вследствие передачи ему оставшихся «впусте» наделов, ранее закрепленных за «сходцами» или «башкирцами»[101].

Несмотря на налоговые льготы и право получить земли в наследственную собственность, далеко не все «гулящие люди» стремились закрепляться на новом месте и записываться в ясак. Для записи в тягло безъясачных людей, живших в Уфимском уезде в 1674 г. воевода П.Т. Кондырев отправил «посыльщиков»[102]. Результатом данных государственных мероприятий было существенное увеличение бобыльского ясака. Его общий размер стал превышать окладной, что говорит о повышения значения роли бобылей в социально-экономической жизни Уфимского уезда. К 1720 г. общий окладной ясачный сбор составлял 1508 руб. 86,5 коп., а бобыльский – 5217 руб. 63,5 коп. (т.е. 75,5% от общих ясачных сборов по уезду)[103]. Кроме ясака, на бобылей были наложены различные денежные сборы и натуральные повинности[104].

Думный дьяк. Художник Иван Билибин

Следующим этапом в закреплении земель за бобылями была запись их в окладной ясак и приписывание в

[100] РГАДА. Ф.1773. Оп.1. Д.306. Л.2.

[101] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.478. Л.1–1 об.

[102] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.28.

[103] Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. М., 1961. С.214.

[104] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.28.

состав вотчинников. Первая, зафиксированная в источниках, массовая «волна» записи ясачных бобылей в число «башкирцев» отмечалась в 1631–1632 гг. В результате переписи С.Аристова число дворов, обложенных ясаком, в Уфимском уезде увеличилось более чем в два раза. Такое резкое увеличение числа ясачных людей, наряду с другими причинами, можно объяснить переходом на окладной ясак укоренившихся в Приуралье бобылей. Так, в Уранской волости наряду с 10 «старыми» дворами «башкирцев» было «вновь сыскано» 31 «прибылых дворов», которые «жили за старыми башкирцы». Они были обложены окладным ясаком в 3 куницы. В результате образовалось 30 дворов «новоприбылых» «башкирцев». Вскоре обе группы составили прошение, в котором били челом, «чтоб им старый и новоприбылый ясак платить им всем вместе, всею Уранской волостью» и чтобы «им в старых и новых ясаках поверстаться промеж собою, всякому по своим пожиткам»[105]. Просьба была удовлетворена. Как следствие, основную часть вотчинников Уранской волости к 1640-м гг. стали составлять «новые» «башкирцы» – ясачные татары и «черемисы»-мусульмане, переселенцы из Казанского уезда. В 1633/1634 г. ясачные «башкирцы» Тышкий Ланские (Тышки-Иланской) волости Акпердейко Челтаков и Девлеткелдиев сдали свою вотчину по рекам Сунь, Шалтак, Шаран безъясачным бобылям деревни *Сунь* Теушу Тогачеву и Чомбулату Бекбулатову. Передав свою вотчину, «башкирцы» просили отставить их от окладного ясака в размере 12 куниц на Уфу, и оброка в 2 батмана меда и 1 куницы на Казань, который должны были впредь выплачивать «новые башкирцы»[106].

Усиление инкорпорации бобылей в состав вотчинников совпало с цепью внутри- и внешнеполитических событий, приведших к существенным социально-экономическим последствиям. В 1660-х гг. разворачивается крупнейшее антимосковское выступление народов Волго-Уралья, центром которого становится Западное Приуралье. Это привело к изменениям как в демографическом, так и социально-экономическом положении местного ясачного населения. Первым наиболее заметным результатом «первой башкирской шатости» и «калмыцкого разорения» стало значительное сокращение численности ясачных «башкирцев». Часть из них погибла в ходе вооруженных выступлений, другая была вынуждена покинуть родные края. Для

[105] ОР РГБ. Ф.364. Картон 6. Д.1. Л.18.
[106] РГАДА. Ф.1773. Оп.1. Д.20. Л.1.

иллюстрации приведем ситуацию, сложившуюся в Канлинской поземельной волости. Во время выступлений 1662–1664 гг. 20 из 27 дворов канлинцев участвовали в восстании. После поражения повстанцев их вотчины запустели, а 20 дворов (77 человек) находились в «измене» и под сыском[107]. В результате число «башкирцев» Канлинской волости сократилось более чем в три раза. Схожая ситуация наблюдалась и в других поземельных волостях региона. В наиболее тяжелом положении оказались вотчинники Елдякской волости, которые были вынуждены покинуть пределы Уфимского уезда и переселиться на р.Яик. Лишь в 1670/1671 гг., «обратившись от измены», они вернулись на свои земли на р.Белой[108]. В ходе восстания пострадали не только его участники, но и ясачные люди, сохранившие верность московскому царю[109]. Спасаясь от военных действий, многие ясачные люди Казанской и Осинской дороги покидали родные места и уходили в более спокойные восточные районы Приуралья[110].

Другим, не менее значимым, последствием продолжительного военного противостояния стал экономический упадок хозяйства «башкирцев». Многие угодья запустели, пашни не возделывались. Существенный урон был нанесен промысловым угодьям, в связи с чем вотчинники жаловались, что им добыть ясак стало негде[111]. Наряду с годами «лихолетья», которые были связаны с восстаниями и вторжением калмыков, существенное влияние на нарушение прежнего характера социально-экономической жизни оказал рост миграции, в результате которой происходило непрерывное увеличение численности земледельческого населения региона. Так, в Уранской поземельной волости, в которой в середине 1630-х гг. насчитывалось 10 «старых» и 30 «новых» дворов «башкирцев», проживавших в нескольких деревнях, во второй трети XVII в. образовалось до 40 новых селений, основанных выходцами из Казанского уезда – ясачными татарами, марийцами и удмуртами[112]. В это же время на территории Булярской, Елдякской, Киргизской, Шамшадинской волостей образо-

[107] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.980. Л.5.

[108] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.643. Л.4.

[109] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.575. Л.3; Д.577. Л.3; Д.1152. Л.15.

[110] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152.

[111] Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798) / сост.: И.М. Гвоздикова (руководитель группы), Б.А. Азнабаев, И.И. Буляков, И.М. Васильев, Н.С. Корепанов, В.С. Тольц. Уфа, 2012. С.35.

[112] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.980. Л.2.

валось 24 деревни бобылей[113], Байлярской и Сарайли-Минской – 60 селений[114].

В результате происходит постепенное сокращение промысловых угодий и их истощение. В 1640/1641 г. в поданной в уфимскую съезжую избу челобитной вотчинники Енейской волости Янбахта Кудахтин, Магозячка Байбахтин «с товарыщи» жаловались, «что в их вотчину приезжают из Казани русские люди и чуваши, и черемисы, и вотяки, и в той вотчине в озерах и в истоках рыбу ловят и борти выдирают и насильство де им всякое чинят… и им де от тех приезжих людей жити стало невозможно, и государева де ясаку добыть негде»[115]. На такие челобитные уфимские власти отвечали выдачей оберегательных грамот, подтверждавших незыблемость их прав на промысловые владения[116].

Тем не менее, остановить процесс заселения бобылями земель волостей было практически невозможно. Малочисленные общины «башкирцев», которые не могли за исключением промысловых угодий хозяйственно использовать и контролировать обширные владения, фактически не имели возможности остановить поток переселенцев, относившихся к незанятым землям как к «дикопорожжим». Здесь имела значение и двойственная позиция государства. Относясь патерналистски к земельным правам «башкирцев» на те вотчины, с которых они вносили окладной ясак, оно де-факто не признавало за ними прав собственности на те владения, которые ими не использовались, передавая их на ясак бобылям, государственным и дворцовым крестьянам. Так, на просьбу татар-вотчинников д. *Мушуга* Мурзакая Юкачева «с товарыщи» о выдворении с их земель незаконно поселившихся здесь «сходцев» уфимский воевода Е.П. Зыбин ответил отказом, сославшись на царский указ от 20 ноября 1680 г.[117] Государство было заинтересовано в максимальном хозяйственно-экономическом освоении малозаселенных районов Приуралья и увеличении ясака, что было отмечено в решении уфимского воеводы: «отказать, для того что те бобыли в тех деревнях живут исстари лет по семидесят и по пятидесят и по сороку и по тритцати, а в казну великого гос-

[113] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1340. Л.2–6.

[114] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.109.

[115] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.11.

[116] Там же.

[117] Цит. по: Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань, 2023. С.264.

ударя платят бобылской ясак и всякие подати по вся годы без доимки, а в вотчине ево Мурзакайкове никаково разорения не чинят»[118]. Понимая, что выдворение «укоренившихся» бобылей неминуемо приведет к снижению поступлений в казну и будет способствовать росту социального напряжения в регионе, местные власти отказывались признавать за «башкирцами» и оброчниками вотчинные права на неиспользуемые земли. Этот подход сохранился и в XVIII в., когда такие владения были отнесены к «коронным» землям.

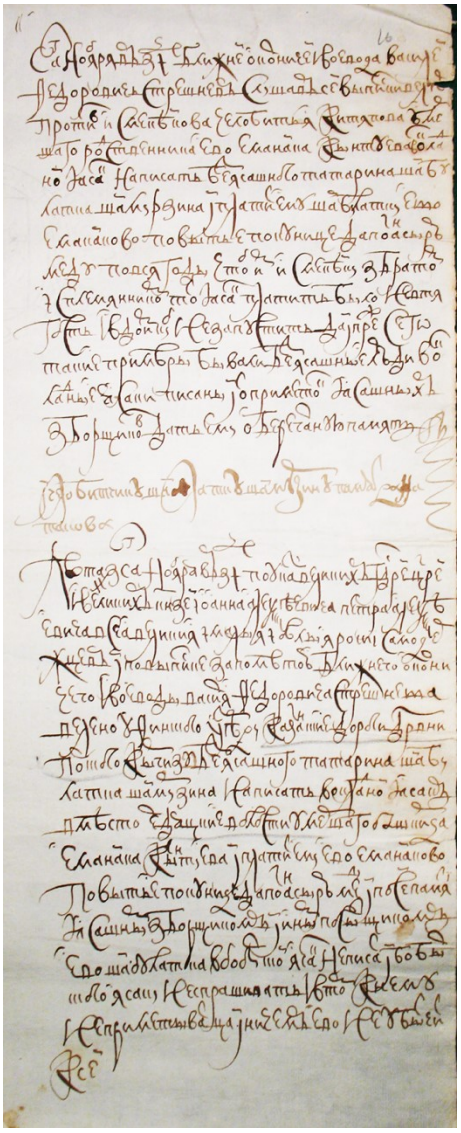
Рост заселения территории Приуралья земледельческим населением вел к изменению природно-экологической среды обитания и как следствие трансформации хозяйственного уклада жизни владельцев вотчин. «А ныне де та их вотчина, – жаловались уранцы в своей челобитной 1687/1688 г., – запустела, лес вырублен и скотом потолочен, а по которым де речкам промышляли они на зверовье бобров и по тем речкам построены мельницы и им де того ясаку опричь той вотчины взять стало негде»[119]. Описываемые процессы с разной динамикой отмечаются на всей территории Уфимского уезда[120]. О серьезном кризисе, в котором находилось сообщество ясачных «башкирцев» рассматриваемого региона, могут свидетельствовать многочисленные челобитные второй половины XVII в. о снижении размера ясака. Свою просьбу они мотивировали двумя основными причинами, о которых мы писали выше: 1) резким сокращением численности «башкирцев», выплачивавших ясак; 2) разорением и разрушением хозяйственной инфраструктуры.

Государство в лице уфимской воеводской канцелярии довольно сдержанно относилось к таким просьбам, понимая, что положительное решение по таким делам приведет к сокращению поступлений в казну. В учет бралось и то, что ясак собирался не с сократившихся ясачных дворов, а с вотчинных угодий. Нами выявлено всего два случая сокращения и снятия ясака с вотчинников рассматриваемого региона. В 1673/1674 г. по челобитью «башкирцев» Канлинской волости и «розыску» уфимского воеводы П.Т. Кондырева жителям д. *Кальны* Якшинбету Акчину «с товарыщи» 7 дворам было велено «для их малолюдства в казну великого государя ясак платить с убав-

[118] Цит. по: Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Том 1. Булярская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань, 2023. С.270.

[119] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.980. Л.2.

[120] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.11.



Фрагмент документа о массовой записи ясачных татар в состав «башкирцев» Елдякской волости (РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.16)

кою по двадцать куниц»[121]. В связи с невозможностью выплаты ясака и накоплением долгов перед казной с «башкирцев» Шамшадинской волости в марте 1691 г. были сняты ясачные недоимки[122].

Понимая, что в новых реалиях разоренные и обезлюдевшие поземельные волости не в состоянии выплачивать ясак в прежнем объеме, уфимская администрация идет на: 1) увеличение численности вотчинников за счет включения в окладной ясак бобылей; 2) регламентацию и узаконение института припуска, то есть передачу вотчинных земель в долгосрочное или «вечное» пользование представителям небашкирских сословий Уфимского уезда с обязательством уплаты с этих владений окладного ясака. Обе эти формы фактически вели к существенному перераспределению земельных ресурсов внутри волостей и интеграции в состав «башкирцев» представителей бобыльского сословия, но при этом имели заметные отличия.

Наиболее массовый характер перевод бобылей на окладной ясак отмечается в поземельных волос-

[121] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.980. Л.8–9.
[122] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.14–15.

тях, испытывавших серьезные социально-экономические трудности. Так, «башкирцы» Елдякской волости, вернувшись в 1670/1671 г. на свои земли по берегам р.Белой, были не в состоянии не только выплачивать ясак, но и прокормиться. В связи с тяжелым положением они неоднократно обращались в Уфу с просьбой о передаче части своих вотчин проживавшим здесь бобылям, которые должны были взять на себя выплату существенной части ясака волости. С конца 1686 по 1693 г. в окладной ясак для помощи «башкирцам» этой волости было записано 9 дворов ясачных и безъясачных бобылей из татар д. *Полский Киргиз, Маткауское устье, Елдяк* Казанской и Сибирской дорог[123]. К сожалению, в связи с плохой сохранностью документов уфимской воеводской канцелярии не представляется возможным оценить общее количество «новоприбылых башкирцев» данной волости. Однозначно можно сказать, что их численность была значительной и приведенные данные не были единичными случаями, о чем красноречиво свидетельствуют встречающиеся в документах мотивировки, как то: «и преж сего такие примеры были безъясашные люди, в окладные ясаки писаны».

Случаи записи в окладной ясак бобылей для помощи вотчинникам встречаются и в других поземельных волостях. В челобитной жителя Минской волости Ногайской дороги Уразайки Булашева от 12 апреля 1695 г. утверждалось, что в его вотчинах в десяти верстах от г. Уфы поселились многими деревнями русские люди и ясачные татары, «ево вотчину въезжают всякие люди, лубья дерут и лес рубят и те лубья и лес гоняют рекою и где у него были бобровые гоны. И от той лесной гоньбы зверь вышел, и та ево вотчина запустела, платят нам, великим государям, ясак спуста»[124]. В связи со сложным положением Уразайка Булашев просил снять с него недоимки по ясаку в 6 куниц[125]. Отказав в этой просьбе, уфимское руководство все же решает помочь «башкирцу» в выплате ясака. Для этого в окладной ясак в повытье его сына Асана был записан бобыль д. *Теникешевы* Янбулатка Акбулатов. Кроме оплаты оклада на бывшего бобыля был наложен ясак в 1 куницу в прибыль. Также решением уфимского воеводы В.Ф. Стрешнева было велено ясачным бобылям д. *Укарлины* Иликею Укарлину, д. *Старого Каргина* Кинзибаку Тураеву и безъясачным та-

[123] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.643. Л.4; Д.858. Л.2, 6; Д.1152. Л.16, 20, 30.
[124] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1195. Л.3.
[125] Там же. Л.4.

тарам д. *Теникешевы* Тлешке Тинбахтину, Тенчичку и Узбячке Бурашевым платить с Уразаем за его вотчину окладной ясак с прибылью в 1 куницу. В результате ясак с повытья Уразайки Булашева был переложен на «новых башкирцев», а за счет дополнительного ясака «в прибыль» общая выплата с него увеличилась до 12 куниц[126].

1 июня 1679 г. по выписке за пометой стольника и воеводы В.Я. Хитрово по челобитью «башкирца» Гирейской волости Торогози Бескеева было велено «за ево Торогозину службу, что он в ызмене не был и за побитых детей ево и сродичей и для ево старости в ясак помогать вскормленику ево Байтушку Тойлину и платить ему Байтушку ясак ево Торойгозин, повытье шесть куниц, да батман меду с ним Торойгозею вместе, по вся годы»[127]. 25 июня 1685 г. предписано Ички-Иланской волости «з башкирцом с Сюлеманком Бояновым платить окладной ясак безъясашному татарину Тойбулатку Урмасеву. И о том ему память дана»[128]. 4 января 1688 г. «татаром» д. *Енабердина* и *Камаева* Казанской дороги Байкачке Ишмякову и Утячке Андрюшеву было велено платить окладной ясак «в прибыль вопче по две куницы на год»[129]. 22 мая 1688 г. были переведены на окладной ясак, с обязательством вносить в прибыль по кунице в год, безъясачные татары д. *Кубады* Казанской дороги Мряска Чолпанов и Килмечка Утешев. Данный ясак они должны были выплачивать вместе с записанным ранее в «башкирцы» родственником Илгилдем Баушевым[130]. 11 июня 1690 г. бобыль д. *Каракул* Пулатка Акметев был записан в ясачные окладные книги. Он обязывался платить ясак Киргизской волости «з башкирцом с Елгилдейком Тойгилдиным», а его бобыльский ясак был переписан на Ишмячку Торбаева[131]. В 1677/1678 г. с бобыльского в окладной ясак были записаны ясачные татары д. *Кыркалны* Дуванейской волости Чебайка и Баймурска Байгозины «с родичи в подмогу»[132]. В 1689/1690 г. в окладной тептярский ясак были переведены безъясачные татары Уразайка Тынбаев, Кулумбетко Уразаев «в помочь» «башкирцу» д. *Кулюшли* Дуванейской волости[133]. 19 июня

[126] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1195. Л.7.
[127] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.15.
[128] Там же. Л.25.
[129] Там же. Л.35.
[130] Там же. Л.39.
[131] Там же. Л.32.
[132] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.858. Л.1.
[133] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1363. Л.3.

1691 г. на ясачного татарина, бобыля д. *Иняк* Осинской дороги Яшпахтку Сейтякова, был наложен окладной ясак в размере 13 куниц и батман меду, который он должен был выплачивать с вотчинником Дуванейской волости Рыскеем Бокаевым. Его бобыльский ясак был переложен на жителя д. *Иштугановы* Ижболдку Актуганова. В связи с тем, что такой большой ясак Я. Сейтякову было платить «невмочь», ему в помощь 9 декабря 1693 г. в окладной ясак был записан его брат Исенбай Сейтяков, а его бобыльский ясак был переложен на жителя д. *Шигамаловы* безъясачного бобыля Василейку Азманова[134]. В 1694/1695 г. на тептярский окладной ясак были переведены безъясачные татары д. *Янтудины* Шамшадинской волости Апелейко и Токайко Илмурзины. Им было велено платить в казну 4 куницы вместе с их родным братом Иликейкой Илмурзиным, который к этому времени уже был записан в окладной ясак[135]. В 1694/1695 г. бобылю д. *Сабаевы* Казанской дороги было разрешено платить окладной ясак в помощь «башкирцу» д. *Кыркалны* Кальнинской волости Ирмячке Урметьеву «с товарыщи» в их повытье по 8 куниц, а его бобыльский ясак в 2 куницы был переписан на безъясачного татарина д. *Сабаевы* Мурзайку Крымбаева[136]. Бобылю д. *Псеево* Казанской дороги Псейке Турачеву было разрешено платить окладной ясак вместе с жителями д. *Рысаевы* с Тимкою, Янбулаткою и Бекмамбетом Рыковыми по 3 куницы, да в прибыль 1 куница[137]. В 1698 г. в окладной ясак с обязательством вносить в казну в прибыль 1 куницу записан ясачный татарин Ишимбетко Тлешев[138]. В 1688/1689 г. «башкирец» Уранской волости Осинской дороги Москов Бахтубаев в связи со старостью передал свою вотчину по Шагариной речке ясачным татарам, бобылям этой волости Миштячке Кинесеву с «товарыщи», с обязательством последних выплачивать за него окладной ясак[139]. 30 декабря 1690 г. по выписке за пометой стольника и воеводы И.А. Толстого было велено Ногайской дороги деревни *Юряктав* татарину Бимейку Иштуганову платить окладной ясак «против башкирцов» по лисице на год. 21 ноября 1692 г. воевода В.Ф. Стрешнев предписал «татаром» д. *Елим* Ногайской дороги Кинзягулке Дулатову, Кадырке Тоишеву,

[134] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.44 об., 45.
[135] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1167. Л.7–10.
[136] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1167. Л.6.
[137] Там же.
[138] Там же. Л.12.
[139] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1034.

Мамекейке Маметеву, Урсайке Батыреву платить окладной ясак по лисице на год[140]. 15 ноября 1693 г. на окладной ясак был переведен житель этой же деревни Исенгулка Дулатов[141]. 26 сентября 1693 г. бобылю д. *Сахаевы* Ногайской дороги Иликею Миликееву была выдана оберегательная память о переводе его с родственниками, жителями д. *Бешеул Сарсазы* Акпердком Тингуатовым и Ештуганом Чюриным, на окладной ясак в размере 1 куницы, а ранее плативший им бобыльский ясак был переписан на безъясачного бобыля д. *Юрмаш* Менекея Байкеева[142]. Аналогичное решение было принято в 1698 г. в отношении горных татар (выходцев с Горной стороны Свияжского уезда) Чалдыбая Ивашкиня «с товарыщи». К сумме их прежнего бобыльского ясака в размере 26 алтын и 4 деньги была прибавлена 1 куница в прибыль[143]. 3 декабря 1693 г. безъясачные татары д. *Бешаул* Ногайской дороги Утемышка Уразимбетев и Кинзюгулка Кинзибаев были записаны в тептярский окладной ясак Курпеч-Табынской волости[144].

Как можно увидеть из вышеприведенных примеров, главным мотивом записи ясачных и безъясачных татар-бобылей в окладной ясак была помощь несостоятельным вотчинникам в несении тягла, за что они получали в вотчинное владение часть принадлежавших последним повытий. По этой же причине, с целью не повышать ясачные недоимки с поземельных волостей, происходит передача бобылям «выморочных» вотчин, а также владений «воровских башкирце» (то есть участников антимосковских восстаний). Например, в 1694/1695 г. в окладной ясак в повытье умершего «башкирца» Досая Янгуразова были записаны ясачные татары д. *Какракуль* Рысайко Чуденев и Кадралейка Акметов. В решении уфимского воеводы Д.Н. Головина подчеркивалось, что «и прежде сего такие примеры бывали, бобыли в окладные ясаки вместо умерших башкирцов писаны»[145].

Распространенной формой записи в окладной ясак и приобретения статуса вотчинников было формальное «усыновление» «башкирцем» бобыля. В некоторых случаях при этом составлялось соглашение, в котором оговаривались права и обязанности сторон. Как

[140] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.6.
[141] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.7.
[142] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.1.
[143] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1168.
[144] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.38–40.
[145] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1110. Л.6.

правило, пасынок, приобретая посредством акта усыновления право собственности на повытье, обязывался выплачивать с него окладной ясак, а при старости и болезни содержать приемного отца. Став представителем башкирского сословия, ясачный человек мог включить в окладной ясак и своих ближайших родственников. В указной грамоте из Приказа Казанского дворца от 14 сентября 1695 г. уфимскому воеводе Д.Н. Головину предписывалось переписать в «девтерской» (тептярский) окладной ясак «башкирца» д. *Якшебановой* (*Якшиивановой*) Байчерки Илинбетева сына Минина, который «стал стар и увечен», на Салтанбайку Доскаева, принятого им «вместо сына». Наряду с С. Доскаевым в окладной ясак был записан и его брат[146]. Многочисленные случаи «усыновлений» и записи в окладной ясак представителей небашкирского сословия отмечаются и в документах начала XVIII в.[147]

Процесс записи бобылей в «башкирцы» имел весьма высокую динамику и затронул практически все поземельные волости Казанской и соседних дорог. Он напрямую коррелировался с социально-экономическим положением местного населения – наибольшее количество «новоприбылых башкирцев» отмечается в волостях, испытывавших трудности в выплате ясака, с небольшим количеством дворов и значительными по размерам вотчинными владениями. Записавшись в окладной ясак, вчерашние бобыли получали все права членов башкирского сословия. Они исключались из бобыльского ясака, т.е. переставали считаться бобылями. В оберегательных памятях, выдававшихся таким лицам, особо оговаривалось, чтобы «ясашным зборщикам и иным посылщикам… бобылского ясаку и податей бобылских не спрашивать и в том… не приметыватца и не убытчить»[148].

Интеграция в состав вотчинников отмечается и среди каринских татар (потомков арских князей погоста Карино Хлыновского уезда Вятской земли), поселившихся в нижнем течении р.Иж. В документах середины – второй половины XVII в. они фиксируются как представители разных сословных групп Уфимского уезда – бобылей, служилых татар и «башкирцев». Интересно, что, в отличие от других территориальных групп региона, в источниках рассматриваемого времени подчеркивается их происхождение, например: «каринские ясачные бобыли», «каринские башкирцы», т.е. бобыли и «башкирцы» из ка-

146 РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1198. Л.1.

147 Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. М.-Л., 1949. С.141, 192, 271.

148 РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.4.

ринских татар[149]. В состав вотчинников интегрировались каринские татары не только бобыльского сословия, но и из служилых людей. В 1678 г. Кулмету (Кулмамету) Еналееву князю Сейтякову было предписано платить окладной ясак с «башкирцами» Байлярской волости по четыре куницы. В то же время он как служилый татарин продолжал нести станичную службу, выезжая на окологородние ближние и дальние караулы[150]. В 1703 г. было предписано «Уфимского уезда Казанской дороги деревни Варзи служилых татар Юсупа Уразакова с детьми, Курмишка Танатарова с братом Сулейманом, Муксина Манашева от службы для их скудости и безмочества отставить и написать в окладной тептерский ясак Байлярской волости за башкирцы»[151].

Примеры перевода служилых татар в «башкирцы» отмечаются и по другим поземельным волостям Уфимского уезда. В указной грамоте из Приказа Казанского дворца от 28 февраля 1675 г. зафиксировано, что отец и дед «башкирца» Ланской (Иланской) волости Уразайки Нагаева были «служилые татаровя», имевшие денежный оклад в 8 рублей. В своей челобитной он просил поверстать его на службу с окладом отца и деда, то есть вернуть прежний статус служилого татарина[152].

Как видно из приведенных примеров, наряду с полноценным окладным ясаком на «новых башкирцев» накладывался окладной тептерский /тептярский/ девтярской ясак. По мнению ряда исследователей[153], бобыли, платившие этот ясак, в дальнейшем стали называться тептярями и сформировали новую сословную группу региона. Эта гипотеза строится на том основании, что оба слова имеют общую лексическую основу и восходят к персидскому слову дэфтер – тетрадь (реестр для записи ясака). Однако при внимательном изучении исторических источников возникают сомнения в состоятельности данной точки зрения, поскольку: 1) в документах говорится, что тептярский ясак является окладным и платят его «башкирцы»; 2) наряду

---

149 РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 271.

150 РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1192. Л.7.

151 Цит. по: Шакиров Р.К., Акчурин М.М. Переселение каринских татар в Восточное Предкамье // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Вып.1. Казань, 2021. С.335.

152 РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.676. Л.2.

153 Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С.160–162.

с бобылями, переводившимися на окладной ясак, тептярский ясак платили «природные башкирцы», в силу разных жизненных причин не имевшие возможности выплачивать полный оклад; 3) в источниках в качестве синонима выражения «тептярский ясак» встречается словосочетание «девтерский ясак»; 4) лица, записанные в тептярский ясак, и их потомки отсутствуют в материалах первых трех государственных переписей (ревизий) Уфимского уезда первой половины XVIII в.[154] В указах о проведении этих ревизий специально было оговорено, что перепись в Приуралье не распространяется на «башкирцев» и уфимских татар[155]. В то же время ясачные татары-бобыли, обложенные подушным окладом, были переписаны. В материалах III государственной ревизии (1761–1764 гг.) многие из этих татар уже фиксируются как «тептяри», а бывшие бобыли, ранее платившие тептярский ясак, как представители башкирского сословия в ревизских сказках не значатся[156]. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что тептярский ясак являлся облегченным окладным ясаком, позволявшим его плательщику получить статус вотчинника.

Второй формой закрепления ясачных вотчин за бобылями являлось заключение договора о передаче «башкирцами» части своих владений за уплату ими окладного ясака или несение натуральных повинностей[157]. Институт припуска, получивший распространение еще в начале XVII в. и первоначально имевший характер негласного устного или письменного (на татарском языке) соглашения между вотчинниками и бобылями, с 1640-х гг. начинает регламентироваться уфимской администрацией и приобретает правовой статус. С этого времени в ясачных книгах наряду с общим окладом волости, а также именами волостных старост и «лутших людей» (наиболее крупных вотчинников и тарханов) начинают фиксироваться припущенники, помогавшие выплачивать окладной ясак[158]. При передаче части ясачных вотчин в наследственное (в документах «вечное») владение заключался договор (площадная запись), составлявшийся подьячими в присутствии свидетелей, который заверялся в Уфимской съезжей избе и заносился в окладные ясачные книги.

---

[154] См.: РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.178, 2450, 3790, 3791, 3792. Ч.1.
[155] ПСЗ-1. Т.5. №3287. С.618; Т.11. №8835. С.962.
[156] РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3801.
[157] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.12–13.
[158] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1037. Л.3; Д.1038. Л.6.

Бобыли получали вотчинные земли не только за помощь в выплате окладного ясака, но и за исполнение натуральных повинностей, налагавшихся на «башкирцев» государством. Так, в частности, образовалась деревня *Якшиванова* Казанской дороги. За обязательство нести обременительную почтовую гоньбу и поставлять подводы (конные повозки) горные татары по соглашению с «башкирцами» получили в наследственное владение вотчинные наделы, на территории которых и была основана их деревня. Часть этих земель была отдана якшиванцами на оброк (в долгосрочную аренду) горным татарам Ногашу Байбахтину с «товарыщи», за что они должны были выплачивать ежегодно по 1 рублю со двора. На этой земле образовалась деревня *Чертанлы*[159].

Приведенные примеры показывают, что данная форма закрепления земель в наследственное владение фактически являлась легализованной формой возмездной передачи вотчинных владений, продажа которых была ограничена русским законодательством. Заключив такое соглашение, припущенники становились полновластными владельцами вотчинных земель, могли их сдавать на оброк, передавать по наследству ближайшим родственникам, полноценно использовать их. Как владельцы земель, с которых платился окладной ясак, бобыли могли интегрироваться в состав башкирского сословия. Так, сын ясачного татарина Салтаная Исакова, получившего по припускному договору от 2 июня 1701 г. во владение повытье «башкирца» Булярской волости И. Карманова, Баик Салтанаев в записных книгах г. Уфы 1727 г. значится как «башкирец» Булярской волости[160]. Но, если записанные в окладной ясак бобыли, став вотчинниками, непременно приобретали и «башкирское имя», то припущенники могли сохранить прежний сословный статус. В частности, служилые татары не могли по своему желанию, без дозволения государственных структур перейти в тягло, то есть стать ясачными людьми. Поэтому большинство представителей татарского служилого сословия, сохраняя свое прежнее социальное положение, приобретали вотчинные земли на правах припущенников. Также далеко не все бобыли, получив наиболее значимую привилегию башкирского сословия – право

[159] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1294. Л.1–4.

[160] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. М.-Л., 1949. С.10.

на владение вотчинными землями, – стремились перейти из бобыльского в более обременительный окладной ясак[161].

К чему привели описываемые процессы? Пожалуй, наиболее важным следствием стало изменение демографической ситуации в поземельных волостях. Шел быстрый рост численности вотчинников за счет записи в окладной ясак и припуска бобылей, а также перевода оброчников в состав вотчинников, в результате чего численность «новоприбылых башкирцев» и припущенников, имевших вотчины в наследственном владении, стала в несколько раз превышать количество «исконных башкирцев». Так, если к 1630-м гг. в Уранской волости насчитывалось 10 дворов «башкирцев», то через столетие, по переписи кунгурского бургомистра Юхнева 1725–1726 гг., здесь было записано 800 дворов (2400 чел.); в Дуванейской волости, состоявшей в середине XVII в. из 25 дворов «башкирцев», в начале XVIII в. проживало 2010 чел. в 670 дворах[162].

Такие глобальные демографические изменения не могли не повлиять на этнокультурную ситуацию внутри поземельных волостей. В связи с тем, что как «старые», так и «новые» «башкирцы» были носителями тюрко-татарской культурно-языковой традиции, именно татарская этнокультурная среда стала доминирующей, а ее ключевые маркеры: единый язык общения (средний диалект татарского языка) и письменной культуры (старотатарская письменная традиция на основе арабской графической системы), праздничная обрядность и конфессиональная принадлежность (ислам) стали определяющими в этнокультурной идентичности местного населения. При этом, как и для большинства сообществ позднего средневековья, у жителей поземельных волостей могло параллельно существовать несколько идентичностей, конструировавшихся на основе социальной принадлежности («башкирцы», служилые татары, тарханы), территории происхождения и проживания (башкирцы (*башкорт*), казанские люди (*казанче*), мещеряки (*мишәр*)) и конфессиональной принадлежности (мусульмане). Хотя данный процесс не был завершен в XVII в., ключевые этносоциальные факторы, определившие его, сформировались в рассматриваемое время.

Другим важным следствием стало изменение структуры хозяйственной деятельности вотчинников Западного Приуралья. Все боль-

[161] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.23.

[162] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. М.-Л., 1949. С.485.

шее значение в их жизни начинает играть хлебопашество, а промыслы постепенно отходят на второй план. Это было связано с целым комплексом причин, в той или иной степени связанных с существенным демографическим сдвигом, происходившим в регионе. Как уже отмечалось, быстрый рост земледельческого населения, занимавшегося исключительно хлебопашеством и стойловым животноводством, привел к постепенному разрушению сложившейся экосистемы промысловых угодий. «Башкирцы» с их экстенсивной, присваивающей формой натурального хозяйства оказались неспособны быстро адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям жизни. Общинам «башкирцев» все сложнее было выплачивать наложенный на них окладной ясак и сохранять устойчивую хозяйственно-экономическую систему жизнедеятельности поземельных волостей. В данных условиях вотчинники были вынуждены идти на передачу своего наиболее важного «актива» – земельных владений – бобылям, которые готовы были взять на себя основную тяжесть по несению их государственного тягла. Казалось бы, «сходцам», переехавшим на новые земли, не имев-

«Татарский двор». Рисунок К.Ф. Гуна, 1862 г.
(Из фондов Русского музея). История татар. Т. 6 (цв. вклейка)

шим здесь развитого хозяйства, было намного сложнее адаптироваться и платить высокий окладной ясак, нежели «природным башкирцам». Тем не менее, они, при условии передачи в собственность вотчинных земель, соглашались, записавшись в «башкирцы», не только нести наравне с другими вотчинниками тягло и натуральные повинности, но и вносить в казну дополнительный ясак «в прибыль», а став припущенниками, бра-ли на себя наряду с выплатой ясака и обязанность по содержанию хозяйства вотчин. Дело было в том, что в новых реалиях форма их хозяйственной деятельности, предусматривавшая интенсивное развитие земледелия, была более адаптивной и экономически выгодной, нежели эксплуатация постепенно истощающихся промысловых угодий.

В результате интеграции бобылей в состав «башкирцев» и их припуска, хлебопашество становится основной формой хозяйственного использования вотчинных земель поземельных волостей Западного Приуралья. Наряду с социально-экономическими причинами данная незаметная для современников «революция» была связана с ростом семейных контактов, быстро размывавших границы между «старыми» и «новыми» «башкирцами». Наглядные следы этой хозяйственной трансформации можно увидеть в спорных делах. В конце XVII в. объектом судебных разбирательств между вотчинниками Западного Приуралья все чаще выступают не промысловые, а земледельческие угодья – пашни, сенные покосы, луга. С этим же можно связать перевод жителей некоторых поземельных волостей с натурального куньего ясака, который они уже не могли добывать, на денежный. Так, в 1690 г. «башкирцы», имевшие вотчины на р. Деме, начали платить в казну по 30 алтын 2 деньги, из расчета по 80 денег за куницу[163]. К началу XVIII в., по данным И.К. Кирилова, натуральный ясак был окончательно заменен на денежный из расчета, что куница стоит 40 коп., лисица – 75 коп., бобр – 1 руб. 50 коп., батман меда – 1 руб.[164]

Несмотря на высокую динамику включения бобылей в состав вотчинников, полностью интегрировать все возрастающий поток переселенцев в состав «башкирцев» было практически невозможно. Своего пика переселенческое движение в Западное Приуралье дости-

[163] ОР РГБ. Ф.364. Картон 6. Д.1. Л.15.

[164] Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2022. С.48.

гает в начале XVIII в. По подсчетам дореволюционного исследователя Н.А. Фирсова, только за 4 года, с 1710 по 1714 гг., с территории Казанской губернии на восток переселилось 35 тыс. дворов ясачных людей[165]. Основная их часть были из ясачных татар, о чем красноречиво свидетельствуют данные статистики. По подсчетам С.М. Васильева, вследствие переселения в Приуралье численность татарского населения Казанской губернии в первой половине XVIII в. сократилось с 75 тыс. до 45 тыс. чел.[166] С уменьшением количества незаселенных земель, в последней трети XVII – начале XVIII в. «новые» бобыли все чаще были вынуждены заключать с вотчинниками соглашения на временную аренду (оброк), что не давало им прав наследственной собственности на эти наделы. Важную роль в развитии данной формы землевладения сыграла позиция уфимской администрации, которая, в ответ на коллективное обращение «башкирцев» четырех дорог Уфимского уезда с жалобой на многочисленные захваты «гулящими людьми» их вотчинных владений, в 1694 г. ввела ограничение на вольное («без приема») поселение на землях волостей безъясачных людей[167].

Конец XVII – начало XVIII в. стали определенным рубежом не только в процессе закрепления наследственных земель за бобылями, но и их интеграции в состав «башкирцев». Общины вотчинников уже не могли безболезненно «переварить» и интегрировать в свой состав все возрастающий поток переселенцев. Когда в 1721 г. полковник И.Г. Головкин попросил «башкирцев» Кипчакской волости вернуть всех «сходцев», бежавших из других регионов, кипчакцы согласились выдать лишь тех, кто поселился у них за последние 14 лет, так как со «старыми» бобылями, которые проживали здесь до этого времени, они «посвоились», т.е. породнились[168]. К массовой записи в «башкирцы» «новых» бобылей не было готово и уфимское руководство, взявшее в первой половине XVIII в. курс на формирование новой сословной группы из числа припущенников – тептярей.

---

[165] Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С.15.

[166] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С.84.

[167] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.11–12.

[168] Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVII в.: монография. Уфа, 2016. С.143.

Если рост колонизации и кризис промыслового хозяйствования в Западном Приуралье привели к переориентации вотчинников на занятие преимущественно хлебопашеством, то в Восточном Приуралье и Зауралье данное явление способствовало повышению роли кочевого и отгонного скотоводства[169]. Границы между представителями двух хозяйственных укладов – земледельческого и скотоводческого совпадали и с границами между двумя формирующимися тюркскими этнокультурными сообществами – татарами и башкирами. Здесь имел значение и разный состав переселявшихся сюда групп населения, интегрировавшихся в состав сообщества ясачных «башкирцев». Если на северо-западе это было исключительно земледельческое население, то на юго-востоке оседали жители нижневолжских, приволжских, казахских и заподносибирских степей – ногаи, калмыки, кочевые татары, казахи, каракалпаки, туркмены и др., формировавшие внутри волостей свои этнотерриториальные подразделения (тюбы и аймаки). Как следствие, у представителей «башкирского» сословия Уфимского уезда происходит усиление различий в хозяйственной культуре и быте. Результаты этого процесса описал в середине XIX в. в своем докладе командующий Башкирско-мещерякским войском генерал-лейтенант Н.В. Балкашин: «Башкирцы, проживающие в северо-западной части Оренбургской губернии, в южной части Вятской и юго-западной окраине Пермской… (т.е. в Западном Приуралье – *Р.И.*), обратились к земледелию; живут они в хорошо устроенных селениях и не уступают русским крестьянам ни в обработке полей, ни в количестве посева; хлебопашество не только удовлетворяет собственной их потребности, но и служит главным источником к покрытию всех остальных хозяйственных расходов… Напротив того, владевшие огромными пространствами земель, ограничиваемые с юга и востока рекою Уралом…, а также владельцы обширных дач, расположенных к юго-западу от этого пространства, в губерниях Оренбургской и Самарской и к востоку от Уральского хребта, в губерниях Оренбургской и Пермской (Восточное Приуралье и Южный Урал – *Р.И.*), до сих пор еще не приобрели охоты к труду и если сеют хлеб, то единственно потому, что это от них требуется. Богатые землями, эти башкирцы не только не богаче своих однородцев, пользующихся ограниченным количеством поземельных угодий, но несравненно беднее их, резко отличаются от них как по степени зажиточности и

[169] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.5.

устройству домашнего быта, так и по образу жизни, занятиям и даже правам»[170].

Таким образом, ключевым актором демографических и социально-экономических изменений, происходивших в XVII в. в Западном Приуралье, было оседлое земледельческое население, активно переселявшееся и осваивавшее данный регион. Этот демографический сдвиг сильно повлиял как на этнокультурную ситуацию внутри поземельных волостей, так и на хозяйственный уклад жизни местного ясачного населения.

Служилые татары и тарханы

Тарханы

В составе служилых людей Уфимского уезда в XVII в. фиксируются две социальные страты тюрко-татарского происхождения – служилые татары и тарханы. Несмотря на то, что они были представителями одного сословия и являлись наследниками ордынской военно-политической системы, их правовое положение, а также формы землевладения имели существенные отличия. Служилые татары владели землей на правах поместного жалования, а владения тархан были включены в состав вотчин ясачных волостей, но при этом они не облагались натуральным налогом (ясаком).

Чтобы оценить особенности правового статуса тархан в пределах Уфимского уезда, необходимо обратиться к более ранним материалам, проливающим свет на формирование института тарханства в тюрко-татарских государствах средневековья. В кочевых тюркских и монгольских сообществах «тарханами» назывались воины, отличившиеся в бою и жалованные правителями за свою доблесть правом налогового и судебного иммунитета. Тарханами могли стать рядовые общинники, которые в дальнейшем пополняли слой феодальной аристократии. В зависимости от степени военных и иных заслуг привилегии тарханов могли значительно различаться. В период формирования Монгольской империи расширяется применение тарханного иммунитета. Тарханными правами по усмотрению хана могли наделяться как отдельные лица, так и группы людей, а также конфессиональные институты. В частности, ордынские правители выдавали

[170] ОР РГБ. Ф.364. Картон 6. Д.1. Л.16–17.

тарханные ярлыки православным монастырям, а также иерархам церкви. Схожие права у тархан были в Казанском ханстве. Сохранившиеся тарханные ярлыки ханов Ибрагима (1467–1479 гг.) и Сахиб-Гирея (1523 г.) свидетельствуют о наличии в составе феодального класса ханства привилегированной группы, наделенной налоговым и судебным иммунитетом, а также освобожденной от натуральных повинностей. Тарханный статус мог быть наследственным или приобретённым (пожалованным ханом), при этом особые права не были безусловными. При продаже или передаче земель эти владения переставали считаться тарханными, т.е. освобожденными от ясака. В тарханных ярлыках, выданных казанскими ханами, отсутствует территориальная локализация – особые права распространялись на все земли в пределах государства, которые принадлежали тарханам, и вплоть до то того как они ими владели[171]. Таким образом, в Казанском ханстве не было особой формы тарханного землевладения.

После «казанского взятия» тарханы практически перестают фиксироваться как отдельная социальная категория в пределах Казанского уезда. В писцовых и переписных книгах по территории Западного Прикамья данное обозначение практически не встречается. Р.Н. Степанов, специально занимавшийся этим вопросом, нашел лишь отдельные упоминания казанских служилых тархан в перечневых росписях Разрядного приказа за 1637–1654 гг.[172] Все это может говорить о том, что в центральных районах бывшего Казанского ханства представителей данной социальной группы было не так много и они были тесно инкорпорированы с состав татарского военно-служилого

[171] В сохранившемся ярлыке хана Сахиб-Гирея присутствует географическая привязка к реке Ик. Но как показал текстологический анализ, проведенный И.А. Мустакимовым, слово «Ик» (اق) было вписано над строкой и графически отличается от основного текста ярлыка (написано другими чернилами и другим почерком). Это может говорить о том, что данное слово было дописано в текст позднее, возможно для обоснования прав ясачных татар на вотчинные владения в данном регионе (см.: Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С.36).

[172] Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Вторая научная конференции молодых ученых города Казани. 27–28 марта 1965 г. Казань, 1966. С.105.

Татарский знатный воин.
Художник О.Ю. Брандуков.

сословия. Несколько иная ситуация имела место на окраинах казанского государства – на Горной стороне и в Приуралье.

В XVI – начале XVII в. в Волжско-Сурском междуречье отмечаются тарханы, занимавшие привилегированное положение в чувашском обществе и освобождавшиеся от ясака[173]. В Западном Приуралье в период его вхождения в состав Московского государства также фиксируется прослойка служилых тархан, владевших вотчинами и поместьями, которые не облагались натуральными налогами. Оба дошедших до нашего времени тарханных ярлыка казанских ханов хранились у татар-вотчинников (владельцев оброчных вотчин) данного региона.

С чем же было связано такое положение? Почему именно на окраинах Казанского ханства были сконцентрированы представители данной группы служилого сословия? Это можно объяснить их особым правовым статусом в приграничных районах государства. Известна практика, когда тарханные грамоты выдавались татарскими ханами за поселение в стратегически важных, но малозаселенных регионах. В 1459 г. крымским ханом Хаджи-Гиреем была выдан тарханный ярлык, согласно которому налоговый иммунитет предоставлялся всем, кто хотел поселиться в районе Нижнего Кырк-Ере[174].

[173] Нестеров В.А. Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С.137–138.

[174] Шапшал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику Александру Горделевскому к его 75-летию. М., 1958. С.307.

Можно предположить, что данным мотивом руководствовались и казанские ханы, предоставляя тарханные права лицам, заселявшим восточные пределы государства и получавшим вотчины в неспокойном регионе приуральской лесостепи. Тарханы, приобретая более широкие права и привилегии, в то же время должны были нести дополнительные обязанности перед государством: защита приграничных районов, контроль торговых путей и проч. Татарские тарханы фигурируют как участники военных действий по защите восточных улусов Казанского ханства. Как повествует летописец, в военном сражении московских и казанских войск в 1468 г. на реке Белой русскими был взят в плен «князева сын тарханский» Тулазей[175].

По всей видимости, служилые тарханы в Казанском ханстве выполняли и некоторые важные административные функции, связанные с контролем местного ясачного населения и сбором натурального налога. По мнению И.Д. Кузнецова, чувашскими волостями руководили тарханы и сотники, а в деревнях выбирались старосты и десятники[176]. Можем предположить, что схожими правами и обязанностями обладали татарские феодалы, жалованные тарханными ярлыками, в восточных улусах казанского государства. Они получали в вотчинное владение земли в районах, где требовалось усиление военного присутствия и административного контроля. В 1784 г. у жителей Гайнинской поземельной волости (совр. Бардымский р-н Пермской обл.) был записан рассказ, согласно которому их предки были тарханами, переселившимися сюда «из города области Булгарской, называемой на их языке Шагер Булгар, который переименован уже и назван Казанью»[177]. С чем же был связан переезд служилых людей в такой отдаленный от митрополии край? Дело в том, что данная область играла заметную роль в организации пушной торговли с Сибирью, здесь находились крупные промысловые владения тюркского и угорского населения, приносившие существенный доход[178]. Другой

---

[175] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С.77.

[176] Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. С.61.

[177] Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006. С.7.

[178] В языке потомков гайнинцев филологами выделяется заметный лексический пласт, связанный со средним диалектом татарского языка. В частности, полностью совпадают названия дней недели (См.: Кузеев Р.Г., Га-

пример. «Башкирцы» Минской поземельной волости сохраняли память о служилом статусе своих предков[179]. Их земли находились в важном в военно-стратегическом отношении районе Бельско-Уфимского междуречья. Именно здесь находился крупный военно-административный центр Ногайской Орды и была возведена уфимская крепость. Отметим также, что минцы в длительном московско-кучумовском противостоянии были главной опорой татарских царевичей в центральном Приуралье, считая себя «туменцами» Шибанидов[180].

По мнению А.Н. Усманова, тарханы Приуралья, в отличие от представителей общинной верхушки ясачных «башкирцев» (*биев*), активно выступали против признания московского подданства. Этот факт исследователь объясняет тем, что в период казанского и ногайского господства тарханы были сборщиками ясака, получали от татарских правителей значительные земельные пожалования, поэтому не были заинтересованы в кардинальной смене властной вертикали[181]. Соглашаясь с мнением данного автора, отметим, что наряду с материальными факторами не менее важное значение имели идеологические и политические предпочтения представителей этой социальной группы. Являясь представителями татарского военно-служилого сословия, они продолжали признавать верховную власть своих сюзеренов из рода Чингизидов. Другое важное уточнение. На сегодняшний день не выявлены примеры функционирования института тарханства в Ногайской Орде и Сибирском ханстве, что может говорить о том, что тарханы в Приуралье получили свои права от правителей правого крыла Улусу Джучи и казанских ханов.

Итак, для усиления своей власти в Приуралье казанские правители жаловали служилым тарханам вотчинные земли в восточных улусах ханства. Татарские феодальные кланы, получая вотчины в Закамье и Приуралье, также сохраняли свои военно-ленные владения (суюргалы) в Предкамье. Если поместные земли в центральных рай-

---

рипов Т.М. Этноним тархан у башкир, чувашей, венгров и булгар // Ономастика Поволжья. Саранск, 1974. №4. С.13–15).

[179] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.3.

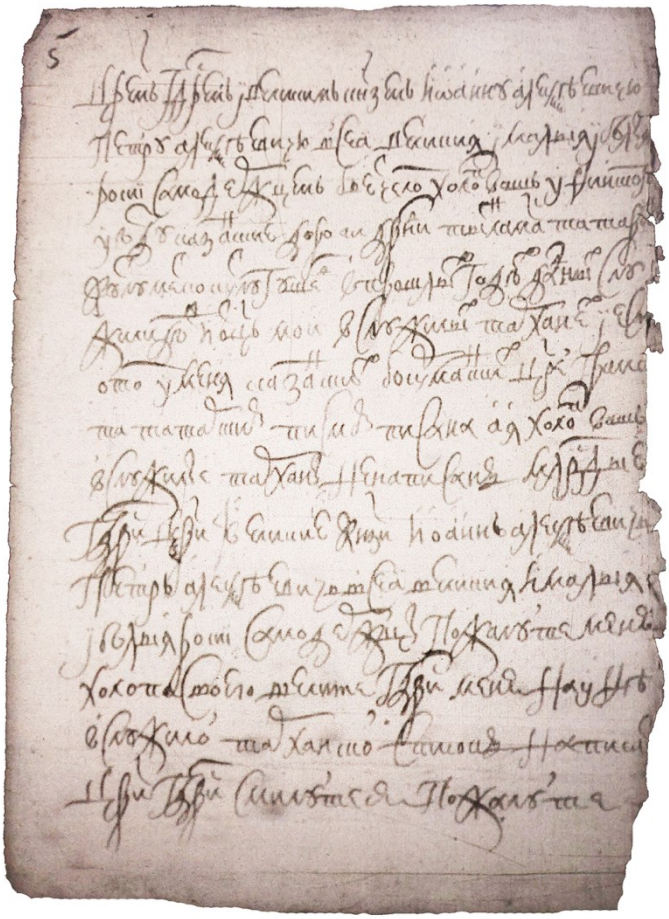
[180] История башкир / Ахметзаки Валиди Тоган [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И.Тоган] (перевод с турецкого). Уфа, 2010. С.42.

[181] Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. С.104.

онах Казанского ханства использовались для хлебопашества, то вотчины в малозаселенных районах лесостепного пограничья – как промысловые угодья: для добычи ценного меха и дикого меда. В частности, такая форма землевладения сохранялась в начале XVII в. у служилых татар, проживавших и имевших поместья в Заказанье: жителей д. *Большой Менгер* (вотчины на реке Зай), князей Яушевых (вотчины на реках Иж, Большой и Малый Черемшан), мурз из рода Сююндиковых (вотчины в Закамье). Отдельно следует сказать о роде служилых татар и тархан Монашевых. Проживая в деревне *Кугарчин* Ногайской дороги Казанского уезда, представители рода Монашевых контролировали колоссальные по размерам вотчины по рекам Кинель и Ик. Вотчинные права Монашевых были подтверждены оберегательными и тарханными грамотами московских царей, они признавались по праву «старины» и местным ясачным населением. Не вызывает сомнения, что положение, которое наблюдалось в начальный период московского господства, было наследием ханского периода. Именно такая диверсифицированная система землепользования позволяла татарским феодалам содержать крупные конные отряды, являвшиеся основой военной мощи казанцев.

После «казанского взятия» и кардинального изменения военно-политической ситуации в Волго-Уральском регионе часть военно-служилого сословия, принимавшего участие в сопротивлении, лишилась своего прежнего статуса. Служилые тарханы не были исключением. В ходе судебного процесса в 1680 г. ясачные татары д. *Мушуга* Казанской дороги обосновали свои права на вотчинные земли на реке Ик, предоставив тарханный ярлык хана Сахиб-Гирея. В ходе разбирательства дела мушугинцами было доказано, что они владеют этими вотчинами «по крепостям 929-го (тарханный ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г. – *Р.И.*) и 785-го (дата соответствует периоду с 1 сентября 1576 г. по 31 августа 1577 г. – *Р.И.*)»[182]. Ясачные татары утверждали, что их вотчина была «написана в Казани в прежних ясашных книгах по сию Казанского взятия в первых летах, а у него же Акешки Доскеева с товарыщи на ту вотчину до Казанского взятия, как в Казани был татарский царь и тогда вотчину дал владеть деду его Доскену Белякову и дал жалованную грамоту и та де грамота татарская у него

[182] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.769. Л.2.



Фрагмент челобитной ясачного татарина д.Тынламас Кутлуметки Кутлугушева с просьбой записать его в число уфимских служилых тархан (РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.196. Л.5)

Акешки»[183]. Указом от 20 мая 1680 г. данной вотчинной «было велено владеть им Акешку с товарыщи по прежнему… на Уфе, в ясашных книгах та вотчина написана за ними и в сыску обыскные люди сказали, что та вотчина их Акешкова с товарыщи, а не башкирская, а уфинским башкирцом Каракузку Аканаеву с товарыщи в той вотчине от-

[183] Цит. по: Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Т.1. Булярская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань, 2023. С.15.

казать, для того, что они на ту вотчину крепостей никаких не положили»[184].

По мнению известного археографа М.И. Ахметзянова, предки мушугинцев, держателей ярлыка Сахиб-Гирея, были жителями Заказанья, переселившимися после 1552 г. в бассейн реки Ик. В качестве доказательства своей гипотезы им приводится запись на надгробии Аюба б. Мухаммеда, умершего в 1472 г. и захороненного возле д. *Большие Нырсы* Тюлячинского р-на РТ[185]. В пользу мнения М.И. Ахметзянова говорит и купчая от 15 марта 1627 г., согласно которой частью этой вотчины по реке Ик владел житель д. *Нысы* Иткиня Янчюрин[186], а также факт географической близости этой деревни к месту обнаружения ярлыка в начале XX в.[187] – д. *Мамалаево* Тюлячинского р-на РТ. Здесь уместно привести и мнение иректинских «башкирцев», споривших с ясачными татарами о данной вотчине. Они утверждали, что родовые земли мушугинцев располагались «по Зюрейской дороге деревни Малые Суни ... да деревня Балтачева а Тойма тож ... да деревни Ныс»[188].

Ясачными татарами считались жители д.*Тынламас* Казанской дороги, владевшие тарханным ярлыком хана Ибрагима. В 1685 г. с челобитной к уфимскому воеводе И.П. Кондыреву обратился житель этой деревни Кутлуметко Кутлугушев. Он ходатайствовал о записи его на Уфе в служилый тарханский список. Свою просьбу он обосновывал тем, что «в прошлых годех давных служили дед и отец мои, в служилых тарханех и есть о том у меня казанских босурманских царей грамота татарским писмом писана»[189]. Кутлугушевым был предъявлен ярлык казанского хана Ибрагима, переведенный в Уфимской приказной избе абызом Артыком Иманаевым. Слова просителя, который утверждал, что фигурировавшие в грамоте лица были его прямыми предками, были подтверждены «служилым мурзой» Асаном Кулунчаковым. Представленный ярлык и доводы Кутлуметки Кутлу-

---

184 РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.769. Л.2–3.

185 Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань, 1991. С.53.

186 РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.302. Л.2–3.

187 Ярлык был обнаружен и введен в научный оборот татарским историком и археографом С.Г. Вахидовым.

188 РГАДА. Ф.1173. Оп. 1. Д.766. Л. 2 об.; Д.769. Л.7.

189 РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.196. Л.5.

гушева были признаны достаточным основанием для удовлетворения его просьбы. 19 января 1685 г. думный дворянин и воевода И.П. Кондырев, «слушав сеи выписки велел Кутлумбетка Кутлугушева написать в список в служилые татара и о том дать оберегалную память»[190]. В мае 1702 г. Кутлугушев добился у уфимского воеводы Е.П. Зыбина записи в тарханы. Вместе с ним в тарханы были переведены его родственники, служилые татары деревень *Базы* и *Янгаз Нарат* Казанской дороги Уразайка и Алийка Ишметева, Абдрахман Каминкин. Им была выдана оберегательная память[191].

23 февраля 1690 г. указной грамотой из Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе И.А. Толстову было предписано написать в тарханскую службу по Уфе татарина Казанского уезда Ураза Байбарина, «а ясак его велел наложить на иных уездных людей»[192]. Данное решение аргументировалось тем, что «исстари де родственники ево служат нам, Великим Государем, по Уфе в тарханех, и дано сродникам ево бусурманское татарское писмо»[193].

К числу ясачных татар были причислены потомки татарских тархан из рода Хусаина и Хасана Асылгузиных, получивших тарханные ярлыки от казанских ханов Мухамет-Амина (1516 г.) и Сафа-Гирея (1526 г.)[194] и проживавших в д. *Менгер* Казанского уезда. К 1678 г. часть представителей этого рода поселились в д. *Адаево* Арской дороги (совр. Кукморский р-н РТ), а затем в д. *Верхние Чупты* Казанской дороги Уфимского уезда. Из этой ветви происходил основатель Надыровской волости Уфимского уезда Надыр Уразметов, которому, благодаря хранившимся у него ханским ярлыкам, удалось выйти из податного состояния[195].

---

[190] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.196. Л.5.

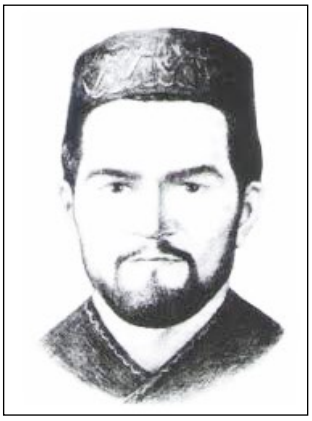
[191] Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864. С.44.

[192] Там же. С.45.

[193] Там же.

[194] Эти грамоты, сохранились в русском переводе среди других делопроизводственных документов, связанных с пожалованием Надыра Уразметова в тарханы (см.: Амирханов Р.Х., Габдуллин И.Р. Нефтепромышленник Надыр Уразметов и нефть Татарстана. Казань, 2000. С.71).

[195] Амирханов Р.Х., Габдуллин И.Р. Нефтепромышленник Надыр Уразметов и нефть Татарстана. Казань, 2000. С.71–73.



Портрет Надыра Уразметова.
Художественная реконструкция XX в.

Тарханные права казанские ханы жаловали и выходцам из других татарских юртов. Несмотря на распад Золотой Орды среди представителей тюркской военной аристократии сохранялись тесные вертикальные связи, основанные на общей клановой структуре и едином военно-политическом наследии. Внутри постзолотоордынских государств продолжала существовать татарская служилая корпорация, которая, несмотря на распад империи, признавала верховную власть правящего дома Чингизидов. Военная аристократия в случае осложнения отношений с правящей элитой имела возможность переехать в другой татарский юрт и безболезненно интегрироваться в состав местного служилого сословия. Это весьма образно описано в татарском дастане «Чура-батыр», в основе которого лежит судьба реальной исторической личности – казанского карачибека, представителя клана аргын Чуры Нарыкова[196].

По родословной жителей д. *Старое Уртаево* (совр. Дюртюлинский р-н РБ) «Тарагай би, сын Буркат бия, прадеда рода Шамшады (Шамшадинской волости Казанской дороги. – *Р.И.*), [и] зачинателя аула, прибыл из Крыма. Он шел по долине Агидели и поселился в устье реки Жалчы в местечке Акъяташ. Спустя некоторое время, когда русские заняли Казань, он стал платить ясак русскому царю»[197]. Появление в Западном Приуралье татарских феодалов из Крыма, может быть связано с закреплением в начале XVI в. на казанском троне представителей династии крымских ханов Гиреев. Переход под державную руку казанских правителей профессиональных воинов из степных просторов бывшей Золотой Орды усиливается в период

[196] Исхаков Д.М. Чура Нарыков – Чура батыр «большой князь», «волостель», «воевода» (исторические основания определений «Казанской истории») // Новое прошлое. 2022. №1. С.43–56.

[197] Хусаинов Г.Б. Археографическая экспедиция Башкирского филиала АН РТ в 1973 г. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С.52.

междоусобиц. С длительным военным противостоянием в Ногайской Орде и Сибирском ханстве первой половины XVI в., по всей видимости, связано появление в Западном Приуралье «ицких волостей» (улусов в верховьях реки Ик), которые фиксируются в документах XVII в. В состав этого объединения входили группы (табынцы, сынрянцы, иректинцы переселившиеся сюда из Восточного Приуралья, Зауралья и Сибири признавшие подданство казанских ханов и несшие службу на восточных границах государства.

Таким образом, тарханы Западного Приуралья являлись частью военно-служилого сословия Казанского ханства. Они пользовались широкой автономией в пределах своих владений, имели налоговый и судебный иммунитет, за что несли военную службу и выполняли некоторые административные функции. С образованием Уфимского уезда тарханы были интегрированы в состав московского служилого сословия, сохранив при этом ряд своих привилегий. В отличие от служилых татар тарханы Уфимского уезда не получали за свою службу поместного и денежного жалования. Воинскую повинность они несли «с вотчин», т.е. военная экипировка, боевые лошади и провиант должны были приобретаться за счет средств, получаемых с их промысловых угодий, не облагавшихся ясаком.

В результате унификации форм вотчинного землевладения поместья и вотчины тарханов Западного Приуралья были включены в состав поземельных волостей. Общая форма землевладения и административно-территориального объединения способствовала сближению служилых тархан с ясачными людьми («башкирцами»). Следы этого процесса можно обнаружить в документах начала XVII в. В 1606/1607 г. служилый татарин (тархан) Авдуак Санбаев был пожалован земельным поместьем: пашнями, сенными покосами и лесами за Камою, на реках Буюн, Еловая, Узяр, вошедшими впоследствии в состав вотчинных владений Уранской волости Осинской дороги (совр. Янаульский и Калтансинские р-ны РБ)[198]. Фигура служилого человека Аудуак-бея фигурирует в шеджере, обнаруженном в Янаульском р-не РБ, в которой он указан в качестве одного из родона-

[198] Б.А. Азнабаев неверно датировал время пожалования А.Санбаеву земельных владений, определив его периодом правления Ивана IV (См.: Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы: сб. документов / сост.: Азнабаев Б.А., Буляков И.И. Уфа, 2015. С.56).

Ногаец и калмык. Открытка 1800-х гг.

чальников уранцев[199]. В 1615/1616 г. за помощь в поимке лидера антимосковского восстания народов Волго-Уралья – служилого татарина Арской дороги Казанского уезда Еналейки (Джан-Али) Емаметева, и сдаче его в Казань служилым людям «на житье» на реках Танып и Нюлюза были пожалованы «Скилянское (Ички Иланское) поместье» и урочища, вошедшие в состав Иланской волости Казанской дороги[200].

Несмотря на то, что тарханное звание было наследственным, для получения официального статуса требовалась запись в тарханные списки, т.е. подача челобитной и проведение «сыска», подтверждавшее благородное происхождение просителя. Но и это не гарантировало признание тарханных прав. В связи с ограниченным штатом служилых людей в Уфимском уезде запись осуществлялась при наличии «убылых» мест. Поэтому некоторые тарханы для передачи своего звания наследнику заблаговременно подавали челобитные, в которых, ссылаясь на старость и немочь, просили поверстать на свое место сына или иного родственника[201]. В результате многие младшие дети из тарханских родов, не получая искомого звания, были

[199] Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа, 2016. С.220.

[200] ОР РГБ. Ф.364. Картон 6. Д.1. Л.18.

[201] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.12.

вынуждены записываться в ясак, т.е. становиться «башкирцами». Этим лицам в дальнейшем было довольно сложно снова войти в сословие служилых людей, так как условием получения тарханного звания было отсутствие у лица обязательств по выплате ясака. Тем не менее, такие прецеденты существовали и зафиксированы в документах. Так, «башкирец» Кипчакской волости Кусикей Кучуков после смерти своего отца, служившего в тарханах, 19 мая 1622 г. добился пожалования ему тарханной памяти. Получить тарханный статус ему удалось вследствие переписывания своего ясака на родного брата Карамыша[202].

Данная ситуация кардинально меняется во второй половине XVII в. В результате многолетнего военного противостояния кучумовичей и Москвы в Приуралье, а также «башкирских восстаний» 1660–1680-х гг., прослойка служилых тархан Западного Приуралья значительно сократилась. Будучи профессиональными воинами, тарханы принимали активное участие в военных действиях на стороне обоих противостоящих лагерей, а также защищали пределы Уфимского уезда от вторжения калмыков. В результате многие представители «старой» военной аристократии погибли на полях сражений, оказывались в качестве аманатов в русских крепостях или выезжали за пределы Уфимского уезда.

Для восполнения штата тарханов русская администрация пошла путем верстания в служилое сословие ясачных «башкирцев» и бобылей. Главным фактором при пожаловании в тарханы было участие «башкирцев» в подавлении антимосковских выступлений. Такая мотивировка при пожаловании в тарханы отмечается в резолюции уфимского воеводы П.Т. Кондырева в отношении ясачного «башкирца» Казанской дороги Рыски Турачева от 8 июня 1668 г.: «в измене де он Рыско не был, служил великому государю в посылках с ызменники билса и на бою ранен и лошадь под ним убита, да сына де ево на бою изменники ранили и подказни великого государя и под воевод подводы давал и провожал»[203]. 9 июля 1668 г. был пожалован в тарханы ясачный «башкирец» Киргизской волости Казанской дороги из трухменцев Явгилда Мурзагилдеев, так как «подводы под бояр и воевод и под ратных людей до Уфы давал и на боех взял в языцех башкирцов

[202] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.6, 8.
[203] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.575. Л.2.

да калмыков четырех человек да изменника брата своего поимав отдал в Мензелинской и в Мензелинску ево пытали»[204].

Со времени начала экспансии калмыков (конец 1620–1640-е гг.), а также «первой башкирской шатости» (крупнейшего антимосковского выступления народов Волго-Уралья 1662–1664 гг.) уфимские власти начинают создавать группу «новых» тарханов, которые не имели тесных связей со «старой» военной аристократией и были полностью лояльны московским государям. В данном случае уфимские воеводы пошли по проторенному пути, который ранее активно использовался в Среднем Поволжье. По данным В.Д. Димитриева, на Горной стороне в первой половине XVII в. в тарханы верстались «черемиса» и «ясачная чуваша» (в обоих случаях речь идет о чувашах), которые имели перед правительством заслуги в подавлении антимосковских выступлений[205].

Численность тарханов, поверстанных из числа ясачных людей, довольно сильно разнилась по отдельным дорогам Уфимского уезда. Если на территории Ногайской и Сибирской дорог, граничивших с неспокойными степными районами Нижнего Поволжья и Южного Урала, отмечалось быстрое увеличение числа представителей данной социальной группы, то по Осинской и Казанской дорогам их количество оставалось относительно небольшим. Причины этого явления вполне объяснимы и связаны с постоянной военной угрозой, исходившей из юго-восточной окраины. Для защиты от кочевников требовались отряды легкой кавалерии, которые могли нести станичную службу и отражать военные набеги. Поэтому для приграничных районов увеличение численности служилых групп населения за счет ясачных людей было весьма актуальным. Данная тенденция сохранилась и в начале XVIII в. В 1730-х гг. в тарханы было записано по Ногайской дороге 80 ясачных «башкирцев», 7 «калмыцкой природы башкир», по Сибирской дороге – 41 «башкирец», в том числе 16 тезиков, выходцев из Средней Азии[206].

---

[204] РГАДА. Ф.1773. Оп.1. Д.577. Л.3.

[205] Димитриев В.Д. Документ о землевладении чувашских тарханов в первой половине XVII века // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Вып. 1. Труды научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, Вып. 93). Чебоксары, 1979. С.43.

[206] Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864.

Тарханы должны были нести пограничную службу и находиться «во всяких посылках» (т.е. исполнять административные и военно-дипломатические поручения). За это с них снимались обременительные натуральные повинности. Но в отличие от тарханов «по отчеству» на поверстанных на службу ясачных людей не была распространена наиболее важная привилегия – налоговый иммунитет. В обоих вышеприведенных случаях при пожаловании в тарханы ясачных «башкирцев» Р.Турачева и Я.Мурзагилдеева, в выданных им оберегательных памятях особо оговаривалось: «а ясак им платить по прежнему»[207]. Такая же формулировка отмечается при записи в тарханы «башкирцев» Казанской дороги Чюры Беккулова и Балтача Рысаева[208]. Аналогичная ситуация имела место при записи в тарханы ясачных «башкирцев» по другим дорогам Уфимского уезда[209]. Здесь уфимские столоначальники руководствовались фискальными интересами государства – сохранением прежнего размера сбора оклада с ясачных вотчин[210]. Политика увеличения численности служилых людей за счет ясачного населения с сохранением сбора с них натурального налога способствовала размыванию социальных границ между «башкирцами» и тарханами. Окончательно этот процесс завершился во второй половине XVIII в., когда «башкирцы» были переведены из тяглого состояния в служилое сословие.

Уфимские служилые татары

Служилые татары, как особая социальная страта в составе населения Уфимского уезда, в русскоязычных документах начинают фиксироваться со времени основания Уфы и возникновения одноименного уезда. В «Отводной книге по Уфе» (начало 1590-х гг.) отмечалось наличие в окрестностях Уфимской крепости татарской слободы на

---

[207] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.575. Л.3.

[208] Там же. Л.2–3.

[209] Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864. С.37; РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.277, 609.

[210] В особых случаях, при значимых заслугах перед государством (в частности за «полонное терпение», участие в дипломатических миссиях, воинскую отвагу) бывшие ясачные люди при переходе в тарханы, наделялись налоговым иммунитетом. Но такие случаи были скорее исключением из общего правила.

реке Урюзя. Таким образом татарская слобода уже существовала или возникла в период строительства Уфимской крепости. Если о времени появления городского населения Уфы можно делать однозначные суждения – это были служилые люди из Центральной России и Среднего Поволжья, переселенные сюда вскоре после возведения Уфимской крепости, то со слободскими татарами на всё так однозначно. Обратимся к документам отводов поместных дач по Уфе в 1591 г. В этом году поместными окладами были пожалованы «уфимские возжи, слободские татароря без хлебного жалования Шугарко Коккузов и Игиличко Земанов. Дано им государева жалованья пашни на Великом поле по той же реке под Высоким же бугром подле Шугуровы же да Игиликовы пашни по 4 чети в поле человеку, а в дву потому ж, оклад их сполна»[211].

Итак, за службу двум слободским татарам были отведены участки пашни по 4 чети. Здесь же указывалось, в чем заключалась их служба – они были возжи, т.е. служилые люди, выполнявшие функции проводников в дальних походах. Возжами служили представители местного населения, хорошо знавшие географию и жителей данного региона. Это может говорить о том, что слободские татары Шугарко Коккузов (Шугур Кокузов) и Игиличко Земанов (Иглич Заманов) проживали здесь еще до прихода русских. Первый из них – Шугур Кокузов – фигура деятельная и неординарная, фиксируется и в других исторических документах данной эпохи. Шугур Коккузов принимал участие в строительстве Уфимской крепости, в 1601 г. в числе «уфимских татар» и «табынцев» состоял в дипломатической миссии к сыновьям сибирского хана Кучума, принимал участие в переходе на московскую службу будущего касимовского царя Араслана Алексеевича[212]. Заметная роль Шугура Кокузова в дипломатических отношениях с сибирскими чингизидами может свидетельствовать о его тесной инкорпорации в татарскую (ордынскую) клановую структуру и заметном влиянии среди представителей татарской аристократии.

Можем предположить, что уфимские татары являлись наследниками Ак-идель улуса, проживавшими здесь еще во времена Казанского ханства и Золотой Орды. О том, что земли по реке Белой со времен Золотой Орды были заселены оседлым мусульманским населением,

---

[211] Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629) / сост. Н.Ф. Демидова // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.266.

[212] Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа, 2016. С.276–277.

говорят и письменные источники[213]. Уфимские слободские татары имели развитую традицию земледельческого хозяйства. Еще до земельного отвода 1591 г. слободские татары Шугур Коккузов «с товарыщи» распахали не менее 140 десятин пашни, часть которой в результате размежевания была передана уфимским служилым людям. В конце XVI в. слободским татарам в качестве жалования за службу было отведены поместья: «Иткулу Бехтемирову, Сабанче Чилпанову, Исенбулату Коземанову, Игебердею Безгозеву, Шугуралею Кокузову «пашни на Великом поле по той же реке под Высоким же бугром подле Шугуровой же, да Игиликовой пашни по 4 чети в поле человеку, а в дву потому ж, оклад их сполна; да сенных покосов против города, за рекою за Белой Волошкою и около их пашен по 20 копен человеку. Да им же дано на семена по чети ржи, по чети овса человеку, да по осьмине ячменя человеку»[214]. Таким образом, задача слободских татар сводилась не только к военной и дипломатической службе, но и к частичному обеспечению Уфимской крепости хлебом.

Другой важной формой хозяйственной деятельности уфимских татар была торговля. В указной грамоте из Приказа Казанского дворца верхотурскому воеводе Д.И. Мирославскому и подьячему В. Шестакову от 15 ноября 1633 г. сообщалось, что «казанские и уфимские татаравя ж» занимались скупкой «мягкой рухляди» (мехов) у ясачных людей Уфимской волости Верхотурского уезда[215]. Скупка мехов имела такие широкие масштабы, что верхотурское руководство, опасаясь, что местному населению нечем будет платить ясак, было вынуждено ввести ограничение на эту деятельность. В челобитной, датируемой не позднее 17 февраля 1695 г., уфимские татары, а также мещеряки, казанские торговые люди просили освободить их от незаконных поборов в сборе торговых пошлин верхотурского заставного головы Гаврилы Калашникова[216].

---

[213] Миргалеев И.М., Аксанов А.В. Введение // История татар Западного Приуралья. Т.I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: колл. монография. Казань, 2016. С.6.

[214] Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629) / сост. Н.Ф. Демидова // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.267.

[215] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л., 1936. С.71.

[216] Там же. С.83–84.

Кунгурские и уфимские татарки. Копия с рисунков из книги:
Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. Академия наук, 1791.
Худ. А.А. Мазанов

Группы уфимских татар, занимавшихся пушной торговлей и промыслом, фиксируются и в других районах Северо-Восточного Приуралья и Зауралья[217]. Возможно, схожие функции представители данной социальной группы выполняли и в период казанского и ногайского господства, т.е., опираясь на военно-торговые фактории, держали в своих руках пушную торговлю и контролировали сбор ясака. Важным условием жизнедеятельности таких центров было наличие оседлого земледельческого населения, которое могло обеспечить его продовольствием и организовать оборону в случае военной угрозы.

Весьма спорной выглядит точка зрения, предложенная Б.А. Азнабаевым. Он связывает происхождение уфимских слободских татар с салжиутами, проживавшими в Зауралье. Эта гипотеза строится на данных челобитной, датируемой 1695 г. В ней представители одного из родов Салжаутской волости, обосновывая свои права на ясачные вотчины по рекам Синара, Миасс и Исеть ссылались на то, что они

[217] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л., 1936. С.207.

принадлежали их предку Ш. Акузову[218]. Является ли это достаточным основанием для вывода, что уфимские слободские татары происходили от салжиутов? Безусловно, нет. Как, отмечалось выше, практика передачи служилым татарам промысловых угодий, входивших впоследствии в состав ясачных вотчин поземельных волостей, была весьма распространенным явлением на начальном этапе формирования Уфимского уезда, т.е. в конце XVI – первой половине XVII в. Сын, того же Ш.Кокузова – Мангатай Шугуров владел вотчинными землями по Минской дороге, за которые платил ясак, и был записан в ясачные книги как «башкирец», при этом он сохранял и статус служилого татарина. Впоследствии эти земли вошли в состав Минской поземельной волости. Эта гипотеза вызывает сомнение и в связи с довольно серьезными различиями в хозяйственной культуре и быте уфимских служилых татар и салжиутов. Если слободские татары были типичными представителями оседлого земледельческого населения, то салжиуты сохраняли полукочевой образ жизни и вплоть до второй половины XIX в. крайне неохотно осваивали хлебопашество.

Итак, уфимские слободские татары принимали активное участие в военно-политических событиях, разворачивавшихся на территории Уфимского уезда и сопредельных регионов связанных с московско-кучумовским противостоянием. В ходе военной компании в 1635 г. кучумовичи совместно с калмыками осадили Уфу и разрушили татарскую слободу. По всей видимости, в ходе военных действий погибла и часть жителей этой слободы. В 1645 г. поместные владения служилых татар Мангатая Шугурова, Кузубаша и Артуала в окрестностях Уфы считались «выморочными» и находились «в пусте», так как их владельцев «побили калмыцкие люди»[219]. Но уфимские татары, как особая группа в составе жителей Уфимского уезда, продолжают фиксироваться в документах и после описанных событий. А.Валиди-Тоган отмечал, что они «длительное время и вместе с семьями служили в войсках. На сегодняшний день живущие около Уфы, они заселяют деревни Буздяк, Каргалы, Ташлыгел, Ишанлыкел, Табалыкел и

[218] Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа, 2016. С.276–277.

[219] Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа, 2016. С.279.

Калмаш»[220]. Мнение А.Валиди-Тогана подтверждается наблюдениями академика П.С. Палласа, посетившего Приуралье в 1770 г.: «На западной, южной и северо-западной сторонах *Уфы* жительствуют так нарицаемые *Уфимские* Татара, свойственники Казанских, но давно уже в сих странах поселившиеся. Они составляют, особливо в околотках между реками *Белою* и *Иком*, многочисленные жилища. Сии Татара из всех Уфимских селенников беспорно самые прилежнейшие земледельцы, и по большей части люди неубогие. Да и как можно им не иметь довольствуя и счастливого успеху при порядочном хозяйстве, кое между их видно... В окружности Уфы многие монументы, доказывающие жительство здесь некоего от башкирцев со всем особливого народа. Ибо две по ту сторону реки Диомы при отстоящих в 40 почти верстах от города Уфы Татарских деревнях *Тирме* и *Калмаше* находящиеся из кирпича строенные мечети, и многия при них надгробные камни от части с Арабскими, а отчасти с коптическими надписями не Башкирского суть происхождения. Также и находящиеся между Уфою и Бирским по обеим сторонам реки Белой укрепленные места доказывают, что они построены не Башкирцами. Такое же укрепленное место находится еще от города *Уфы* по прямой линии к восточной стороне, почти в четырех верстах, и лежит на правом горном берегу реки сего названия»[221].

На протяжении XVII в. отмечается переход уфимских татар из категории служилых в состав ясачных людей. Интеграция в состав «башкирцев» была продиктована прагматичными расчетами – хотя статус служилых людей и позволял им не выплачивать ясак, а также получить в качестве жалованья поместье, но количество предоставляемой им земли было незначительным для ведения сельскохозяйственной деятельности. Статус «башкирца», предоставлявший им возможность получить значительно большее количество земельных наделов, был для них более привлекательным.

---

[220] История башкир / Ахметзаки Валиди Тоган [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И.Тоган] (перевод с турецкого). Уфа, 2010. С.55.

[221] Из сочинения П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» // История татар Западного Приуралья. Т.I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: колл. монография. Казань, 2016. С.435–436.

Социальная группа уфимских татар с особыми правами и обязанностями фиксируется в российском законодательстве вплоть до второй половины XVIII в. Указом от 22 января 1719 г. уфимские татары, наряду с «башкирцами» и сибирскими ясачными инородцами, были исключены из ревизского учета и подушного оклада[222]. Данное правило было подтверждено указом от 16 марта 1743 г. о проведении второй государственной ревизии[223].

Служилые татары-мещеряки

При утверждении русского господства в Приуралье московское руководство активно привлекало на службу в этом регионе представителей татарской феодальной знати, перешедших в русское подданство из Золотой Орды и татарских ханств. Вплоть до начала XVIII в. служилые татары несли иррегулярную военную службу, служили в качестве толмачей (переводчиков), писцов, послов в бюрократических органах Российского государства. За свою службу они получали земельное, денежное и хлебное жалованье.

Еще до строительства г.Уфы представители военной аристократии бывшего Казанского ханства активно привлекались к сбору ясака в Приуралье, участвовали в установлении подданнических отношений у жителей региона. Как следует из отводных книг по г. Уфе, в числе первого гарнизона крепости были и служилые татары. Наряду со служилыми татарами, переведенными сюда с территории Казанского уезда, лица тюрко-татарского происхождения отмечаются среди служилых новокрещен и детей боярских[224]. Как наследница ордынской военной традиции татарская легкая кавалерия могла эффективно противостоять кочевникам, периодически появлявшимся на территории Уфимского уезда, и нести пограничную и городовую службу. Важное значение конной военной службы в реалиях приуральского лесостепного пограничья предопределил быстрый рост численности легкой кавалерии в составе служилого населения Уфимского уезда, а также создание в XVIII в. Оренбургского казачьего войска, воспринявших

[222] ПСЗ-1. Т.5. №3287. С.618.

[223] ПСЗ-1. Т.11. №8835.

[224] Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629) / сост. Н.Ф. Демидова // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.261.

ордынскую тактику ведения кавалерийского боя. Служилые татары вместе с тарханами образовали штат военных Уфимского уезда, который обозначался отдельным кликовым списком.

Наряду с Казанским уездом служилые татары переводились с территории Северной Мещеры. По грамоте 1597/1598 г., «по городу Уфе с дворянами и иноземцами» было велено служить мещерякам[225]. В связи с тем, что татары-мещеряки в численном отношении вскоре стали преобладать над другими территориальными группами татар, к концу XVIII в. обозначение «служилый мещеряк» становится общим для всех татар, переведенных для службы «по Уфе». Уже в середине XVII в. в составе служилых мещеряков Уфимского уезда наряду с выходцами из-под Алатыря, Арзамаса, Кадома, Темникова, Курмыша отмечаются романовские татары и горные татары Свияжского уезда[226]. Служилые мещеряки в Приуралье расселялись в окрестностях русских крепостей, а также вблизи важнейших трактов и речных артерий региона.

Мещеряк с охотничьим соколом. Шадринский уезд Пермской губернии. Фото С.И.Руденко. Нач. XX в. (РЭМ, 1023-8). История татар. Т.6 (цв. вклейка)

Основной обязанностью служилых мещеряков была станичная служба, которая осуществлялась дозорными конными отрядами – «станицами». С появлением в южных степях калмыков в ходе нередких схваток с ними участвовали уфимские мещеряки. Их привлекали к службе во время народных восстаний на территории Уфимского и Казанского уездов в XVII–XVIII вв. Так, житель д. *Кулбарисово* (Сабаево тож) Осинской дороги Уфимского уезда (совр.

[225] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. Ч.1. М., 1960. С.581.
[226] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.8.

Мишкинский р-н РБ) Кантуган Келдибеков сидел в осаде в Уфе во время «первой башкирской шатости». Сепай Урмаев в 1680-е гг. из д. *Бешелапово* того же уезда с семейством был взят «в полон» калмыками Аюки хана[227].

В XVII в. в Приуралье наряду с государственной колонизацией отмечается рост вольной миграции служилых татар. В отличие от переведенных сюда и записанных в разряд уфимских служилых людей, татары, переселявшиеся самовольно, жили здесь на правах безъясачных бобылей. Быстрый численный рост данной группы привел к тому, что 12 декабря 1658 г. по челобитной уфимцев иноземского списка Тишки Колесникова дьяк Приказа Казанского дворца Федор Грибоедов предписал «мещеряков, которые, будет, живут в Уфинском уезде безъясашно, а пашни пашут и всякими угодьи владеют… написать в ясаки в денежные и хлебные, смотря по людем и по семьям»[228]. Уфимский воевода А.И. Головин дал довольно широкую трактовку данной указной грамоте, решив записать в ясак всех служилых мещеряков, что вызвало их протест. В 1658/1659 г. Досалейка Сюнчалеев[229] «с товарыщи сто человек» предоставили в Уфимскую приказную избу грамоту от 22 июня 1658 г., по которой им предписывалось служить по Уфе, за жалование землей. Они должны были испомощены землей по 20 четей[230].

В ходе разбирательства обстоятельств этого дела выяснилось, что просители, проживавшие в деревнях *Уразаевы, Кулбарисовы*, *Нанмасовы*, *Байбаковы*, *Ишмаевы*, *Байбюрины*, *Секияды*, *Базы* «служат по Уфе по пятнатцати лет, а иные и болши, всякие великого государя службы и в посылки и в подъезды ездят з дворяны и детми боярскими, и с иноземцы, и своею братьею, служилыми верстаными тотары, а оне де Досалейко с товарыщи, великого государя денежным жалованьем и помесным окладом не верстаны, служат де оне с пашенные

[227] Габдуллин И. Мещеряки Бирского уезда в XVII–XIX веках (краткий исторический очерк) // Дворянский вестник. 2009. № 75. С.5.

[228] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.3–4.

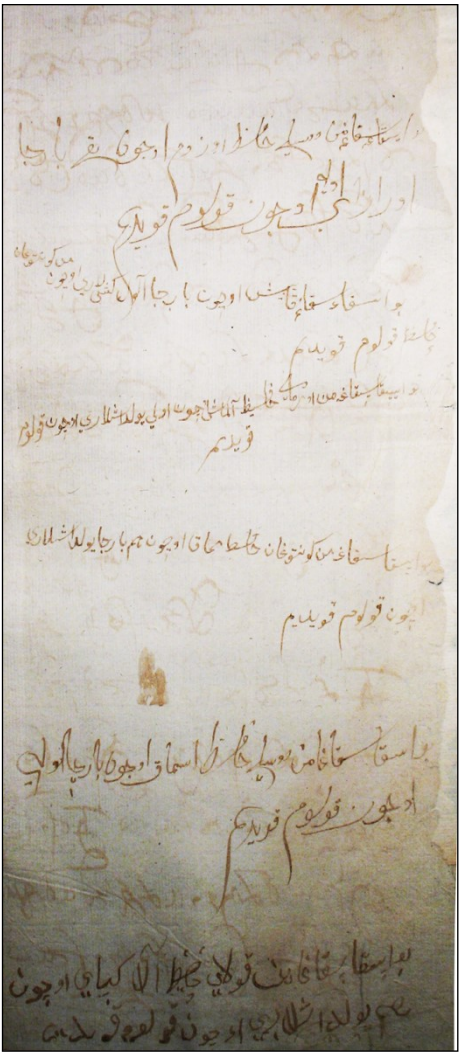
[229] Дусалей Сюнчелеев был не только негласным лидером уфимских служилых мещеряков, но и авторитетной духовной (мусульманской) персоной, о чем свидетельствует его обозначение в татароязычных документах: «Дусәләй хафиз» (буквально: Дусалей знаток Корана, исламского богословия, ученый человек).

[230] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.6.

земли, и ныне де оне привезли грамоту великого государя, что де им велено служить по прежнему з земель»[231].

Татары, подавшие челобитье, доказали свой прежний статус, что отразилось в резолюции уфимского столоначальника, признавшего за ними все права представителей московского служилого сословия. Иное решение было принято в отношении лиц, переселившихся самовольно. Новоприезжих Алаторского уезда: Айбулатку мурзу Урмакаева, Черкаску Бурнашева, Темячку Самаева, Свияжского уезда: Мурзайку Чинаева, Курмышского уезда Мамайку Борисова, Арзамаского уезда Кудабердейку Мамашева было велено «сослать с Уфы в те городы, ис которых оне городов в Уфинской приехали»[232].

Исходя из сведений, содержащихся в «сказках» поданных служилыми татарами в ходе разбирательства этого дела, а также факта, что основатели вышеозначенных деревень еще проживали в



Отрывок из сказки служилых татар Дусалея хафиза Сунчелеева с «товарыщи» сто человек на старотатарском языке. 1656 г. (РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.2 об.)

[231] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.488. Л.8–9.
[232] Там же. Л.45.

них в конце 1650-х гг., можно сделать вывод, что первая «волна» массового переселения служилых мещеряков в пределы Уфимского уезда пришлась на первую треть XVII столетия. Другое важное обобщение. Учитывая, что в рассматриваемое время средний размер татарской семьи составлял 5–7 человек общая численность представителей данной группы Уфимского уезда в середине XVII в. составляла не менее 500 человек.

В последующие десятилетия численность служилых татар неуклонно увеличивалась. В 1650 г. на службу по Уфе были записаны служилые ногаи Тенибердейка Митенев и Маметка Канчин с товарищи 6 человек[233]. В 1651 г. в Уфимский уезд переселились князья Карачурины: Кайбиш Узеев, Кузма Мирасев и др. Ими основана д. *Кулбарисово* (совр. д. Сабаево Мишкинского р-на РБ). По мнению И.Габдуллина, они являлись потомками казанского князя Чуры Нарыкова[234]. В это же время на территории Осинской дороги были поселены мурзы Киреевы. Впервые они упоминаются в 1650 г., когда Ишей и Булай мурзы Досаевы дети Киреевы вместе со своими товарищами были «поверстаны» землей в районе д. *Кемеево* (совр. Мишкинский р-н РБ). При этом мурзы были наделены землей по 50 четвертей, а служилые татары – по 20. Потомки Ишея Киреева находились в мещеряцком сословии и проживали в деревнях *Кавакучуково, Ихсаново, Расмекеево, Ахметово, Бирюказганово*[235]. В бытность управления Уфимским уездом стольника А.Измайлова, в начале 1660-х гг., были поверстаны на службу и испомещены землями служилые татары, мещеряки Баймаметка Байзигитов «с товарыщи» – 72 человека. За службу они получили земельное жалование от 100 до 130 четей[236]. В 1688 г. для усиления уфимского гарнизона из Симбирска был отправлен крупный отряд служилых татар[237].

Быстрый рост численности служилых мещеряков во второй половине XVII в. был связан с общей тенденцией по усилению москов-

---

[233] Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1870. С.15–16.

[234] Габдуллин И. Мещеряки Бирского уезда в XVII–XIX веках (краткий исторический очерк) // Дворянский вестник. 2009. №75. С.4.

[235] Там же.

[236] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.548. Л.4.

[237] Амирханов Р.Х. К истории Уфимского края. Альметьевск, 2013. С.47.

ского военного присутствия в регионе, а также с изменением структуры служилого населения Уфимского уезда. В связи с необходимостью противостоять повстанцам, кочевым калмыкам и сибирским татарам требовались крупные отряды легкой кавалерии, придерживавшиеся тактики маневренных военных действий с использованием стрелкового вооружения. Наряду со служилыми татарами конную военную службу несли уфимские дворяне, конные стрельцы, служилые новокрещены и иноземцы.

Поместные оклады служилых мещеряков были относительно небольшими и сильно отличались по своим размерам. Это было связано с тем, что в данную социальную группу были объединены представители разных слоев татарского военно-служилого слоя – от рядовых казаков до представителей высшей татарской аристократии – мурз, беков, князей. Земельные владения должны были позволять служилым татарам не только содержать себя и свои семьи, но и приобретать дорогостоящую военную амуницию, а также боевых коней.

Во второй половине XVII в. отмечается неуклонное сокращение поместных владений служилых татар, что было связано как с быстрым ростом численности представителей данной сословной группы, так и частичным изъятием их земель государством. В частности, у мещеряков, несших службу по защите крупного административного центра Осинской дороги – села Архангельского, и участвовавших в возведении Бирска в 1667 г., были изъяты поместья в окрестностях этой крепости. Они были отведены вместо хлебного жалованья приквартированным сюда стрельцам[238].

В составе уфимских мещеряков были лица, поверстанные только денежным жалованьем, без поместья. В частности, Улейка Янбарисов и Ибраимка Уляев по указу 1661/1662 г. должны были служить из денежного оклада в 7 рублей[239].

Нельзя обойти вниманием и категорию беспоместных служилых татар. Запись «поспевших» для службы и их испомещение земельными окладами растягивались на десятилетия. Поэтому многие мещеряки из числа младших сыновей, а также служилые татары, имевшие небольшие поместья, были вынуждены заключать соглашения с «башкирцами» и приобретать вотчинные земли за выплату ясака. В

[238] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.671. Л.1–2.
[239] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.548. Л.1.

окладных ясачных книгах Уфимского уезда второй половины XVII в. в поземельных волостях Западного Приуралья отмечены служилые татары, помогавшие выплачивать вотчинникам ясак[240]. Некоторые из них таким путем становились крупными землевладельцами. Так, служилые мещеряки деревень *Байбаковы* и *Кемеевы* Осинской дороги Байбачка Ахмаметев и Аюкачка Кемеев имели обширные вотчинные владения на территории Дуванейской волости, с которых платили 14 куниц ясака. В своей челобитной, датируемой не позднее 1682 г., они жаловались на новоприбылых мещеряков, поселившихся в их урочищах, которые «чинят нам насилства великое, пашн[ю] пашут и сена косят и нам холопем твоим жить от них невмоч»[241].

Как и другие социальные категории татар Уфимского уезда, мещеряки, приобретавшие вотчинные владения, могли интегрироваться в башкирское сословие. Так, в 1727 г. «башкирец» Булярской волости Умер Тохтаров жаловался на то, что «башкирцы» той же волости Алмет Аднагулов и Масягут Татимов «пришлые татары, а не прямые природные... башкирцы». В другом документе Масягут Татимов назван пришлым мещеряком. Это не помешало ему в дальнейшем стать старшиной Гирейской волости[242].

Особую группу в составе служилых татар составили переселенцы из Вятской земли – каринские татары. Первоначально потомки арских князей, несмотря на свой высокий социальный статус, проживали здесь на правах ясачных и безъясачных бобылей. В последующем они начинают интегрироваться в состав «башкирцев» и служилых татар. Не ранее 16 февраля 1685 г. «каринские татаровя» деревень *Варзи, Кабаны, Атабаево, Мушуга, Рысова, Бавбековы* Казанской дороги Юсюпко и Уразайко Деветьяровы «все з братьями и с племянники своими» (всего 36 человек) подали в Москве челобитную, в которой просили «пожаловати б за службы прадедов и дедов их, велеть им с той земли вместо денежнаго жалованья нашу великих государей службу служить по Уфе, а ясак с них сложить»[243]. В качестве доказательства своего статуса служилых людей они предъявили жалован-

[240] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038.

[241] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.12. Л.1.

[242] Габдуллин И. Мещеряки Бирского уезда в XVII–XIX веках (краткий исторический очерк) // Дворянский вестник. 2009. №75. С.5.

[243] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.1–2.

ные грамоты и памяти XVI в., которые были выданы московскими государями их предкам. Предъявленные актовые материалы были признаны достаточным основанием, и 8 июня 1685 г. в Уфе Юсупу Давлетьярову была выдана оберегательная память, согласно которой думный дворянин и воевода И.П. Кондырев «велел каринских татар … написать на Уфе в список с служилыми татары и служить им с той старинной пашенной земли, а ясак с них снять и написать на безясашных бобылей»[244]. В XVIII в. потомки служилых каринских татар в Уфимском уезде проживали в деревнях Казанской и Новомосковской дорог, а также в Сеитовом посаде Оренбурга, в сословном отношении они входили в состав служилых мещеряков, «башкирцев», тептярей и торговых татар.

По сведениям П.И. Рычкова, в 1699 г. в Уфимском уезде проживало служилых татар и мещеряков 748 человек мужского пола[245]. В последующие десятилетия их численность неуклонно увеличивалась. По данным Первой государственной ревизии 1722–1723 гг., в Осинской дороге насчитывалось 36 деревень служилых татар и мещеряков, в которых проживало 2165 душ м.п., соответственно в Казанской дороге: 28 деревень с 684 душами м.п., в Сибирской дороге: 39 деревень с 967 душами м.п., в Ногайской дороге: 3 деревни с 92 душами м.п.[246]

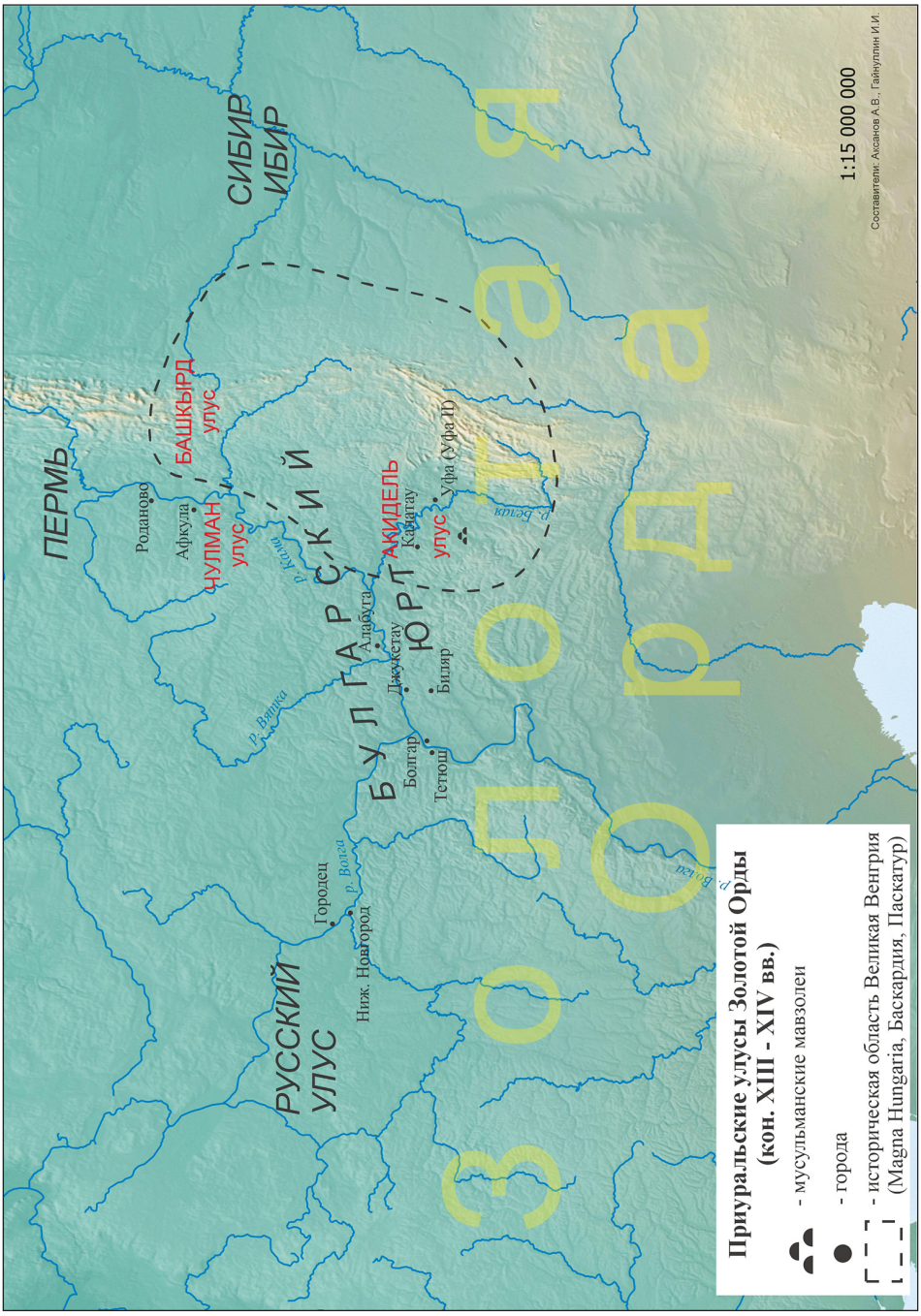
[244] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.18.

[245] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.72–73.

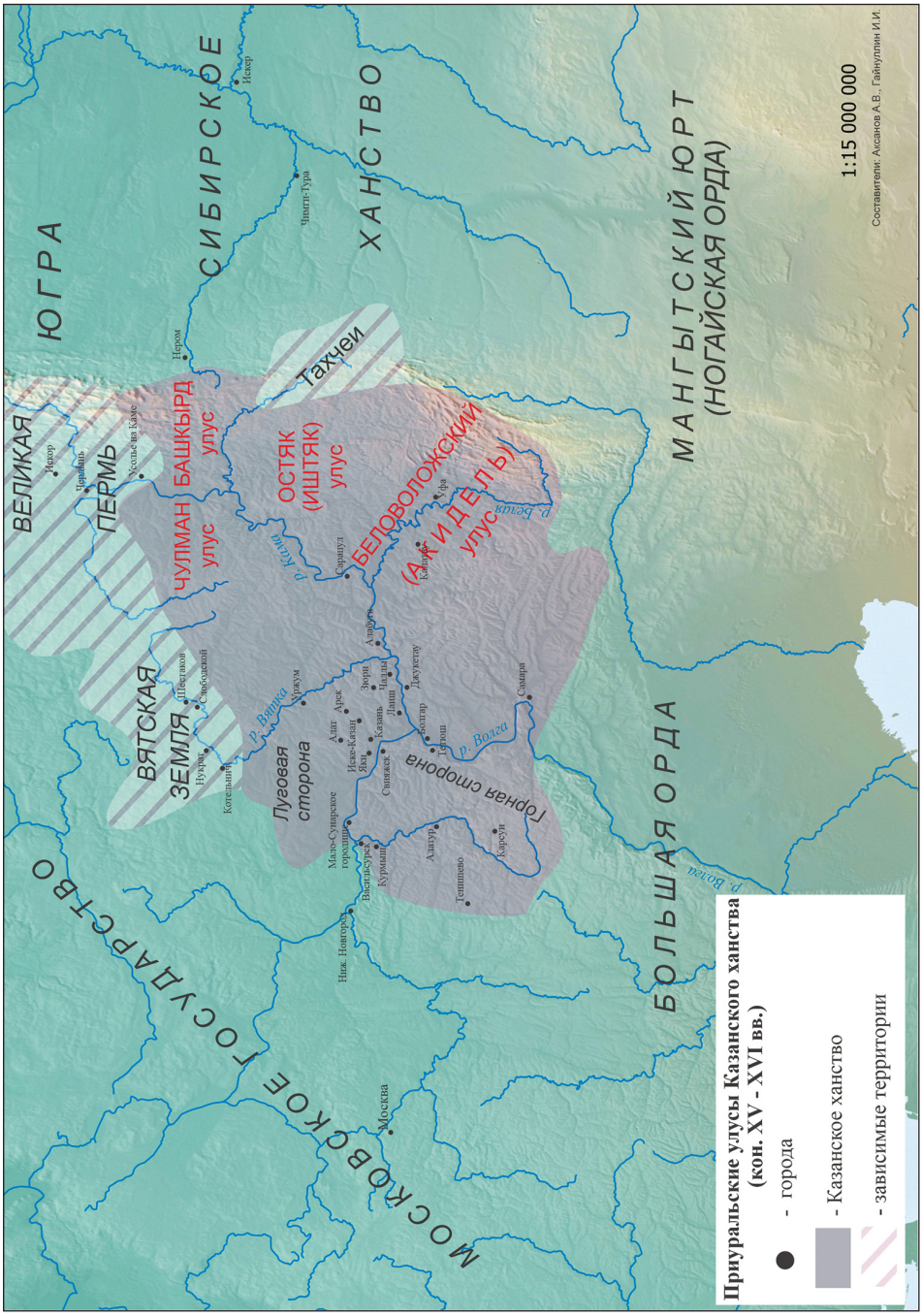
[246] Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020. С.15–16.

* * *

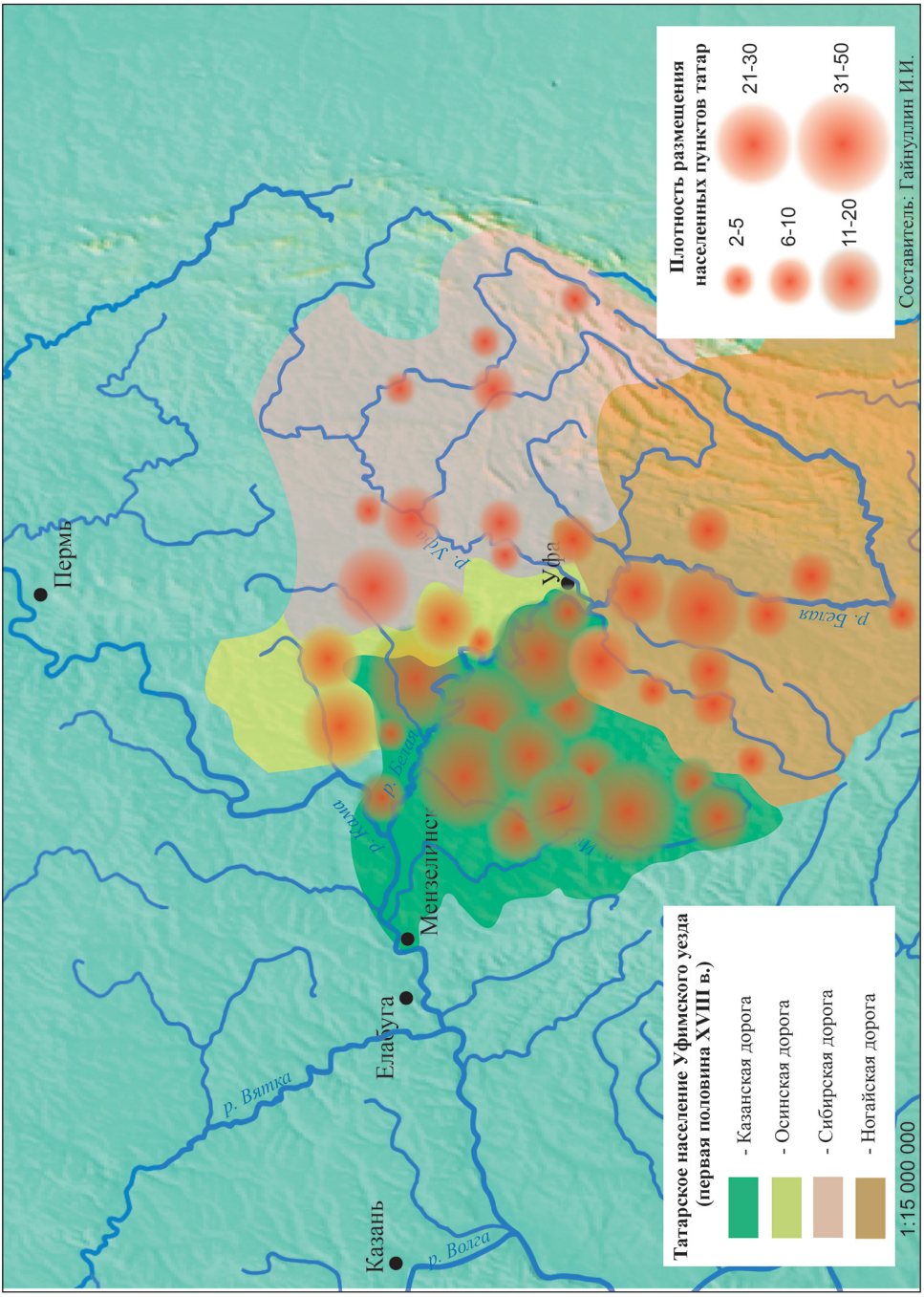
Подводя итог, отметим, что в результате сложных процессов, связанных с формированием социальных групп Уфимского уезда и усиления хозяйственно-экономического освоения Приуралья земледельческим населением, в XVII в. татары Западного Приуралья стали основой формирующихся здесь сословных групп ясачных («башкирцев» и бобылей) и служилых людей (тарханов, уфимских служилых татар и мещеряков). Сословная структура татарского общества динамично менялась как за счет высокой социальной мобильности, так и изменения форм землевладения. В результате происходили трансформация хозяйственного уклада жизни и усиление двух, казалось бы, взаимоисключающих процессов – консолидации и дифференциации местного населения. С одной стороны, за счет массовой миграции отмечается нивелирование различий между татарами Среднего Поволжья и бывших восточных улусов Казанского ханства и формирование единого татарского этнокультурного пространства, с другой стороны, формируются отдельные социальные группы, что способствовало созданию сословных границ внутри татарского общества региона.



Приуральские улусы Золотой Орды (конец XIII – XIV вв.)



Приуральские улусы Казанского ханства (конец XV – XVI вв.)



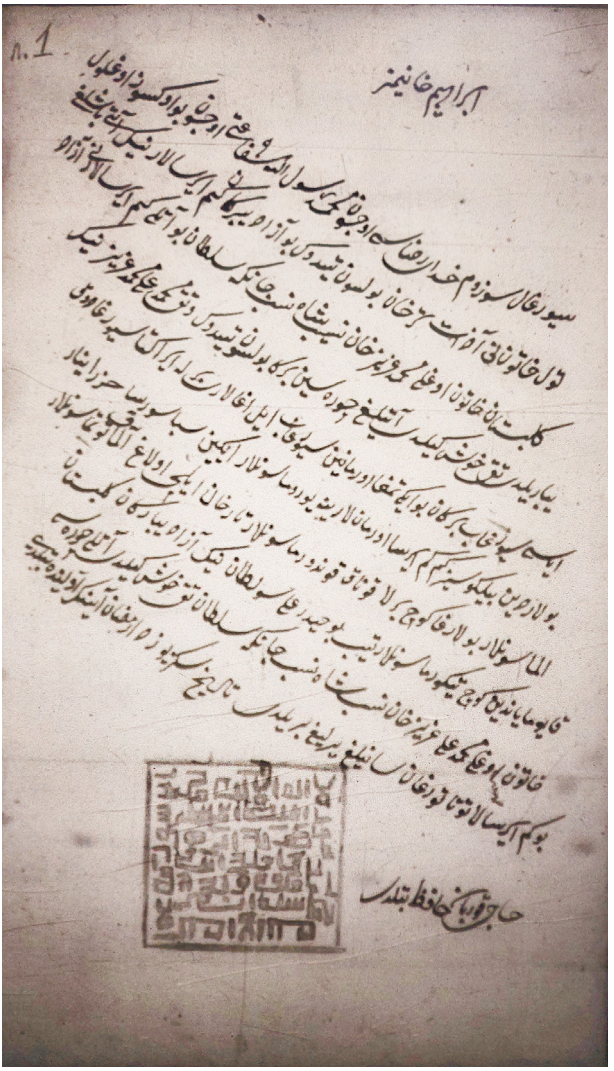
Татарское население Уфимского уезда (первая половина XVIII в.)

Калатау (Старокалмашевское городище)

Мавзолей Тура-хана

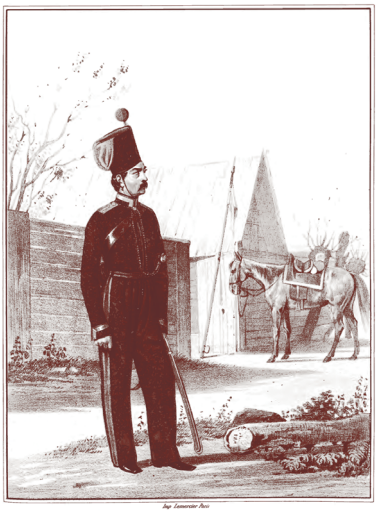
Мавзолей Хусейн-бека

Внутренний вид мавзолея Хусейн-бека



Тарханный ярлык хана Ибрагима (вторая половина XV в.), хранившийся у ясачных татар д. Тынламас Казанской дороги Уфимского уезда (РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.196. Л.1)

Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея (1523 г.), хранившийся у ясачных татар д. Мушуга Казанской дороги Уфимского уезда



УРЯДНИКЪ
Тептярскихъ Казачьихъ полковъ,
1829–1835.

Урядник Тептярских казачьих полков (1829–1835 гг.). (Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т.30. СПб.: Военная типография, 1862. С.367)

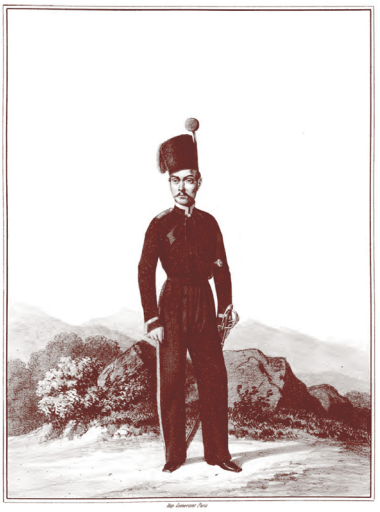
ОБЕРЪ-ОФИЦЕРЪ
Тептярскихъ Казачьихъ полковъ,
1829-1835.

Обер-офицер Тептярских казачьих полков (1829–1835 гг.). (Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т.30. СПб.: Военная типография, 1862. С.368)

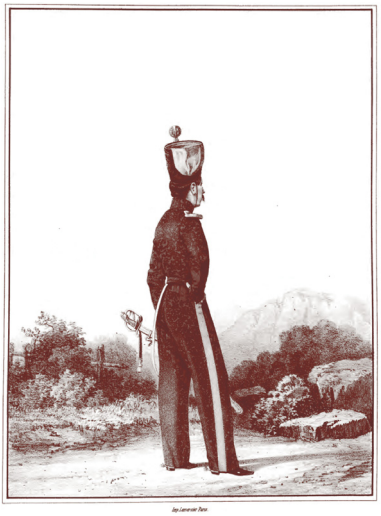
УРЯДНИКЪ
Башкирскихъ кантоновъ,
1829–1835.

Урядник Башкирских кантонов (1829–1835 гг.). (Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т.30. СПб.: Военная типография, 1862. С.374)

Обер-офицер Башкирских кантонов (1829–1838 гг.). (Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т.30. СПб.: Военная типография, 1862. С. 375)



Урядник Мещерякских кантонов (1829–1838 гг.). (Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т.30. СПб.: Военная типография, 1862. С.376)



Обер-офицер Мещерякских кантонов (1829–1838 гг.). (Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т.30. СПб.: Военная типография, 1862. С.377)

Глава III.
ТАТАРЫ ПРИУРАЛЬЯ В XVIII В.: ОТ ПРОТЕСТОВ К ИНТЕГРАЦИИ В ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Руслан Масагутов

§ 3.1. Восстания татар и народов Поволжья и Приуралья XVIII в. и их влияние на социально-экономическую и религиозную обстановку в крае

XVIII век начался с Петровских преобразований, которые не могли не коснуться жизни татарского народа. Наряду с усилением политики христианизации по отношению к иноверческому населению происходило увеличение налогового бремени. Петровским указом от 26 ноября 1718 г. вместо подворного налогообложения была введена подушная подать: налогом облагались даже несовершеннолетние дети. На плечи татар также была возложена новая повинность – по заготовке, обработке и вывозу корабельного леса. Так появилась сословная группа лашман[1]. Налоговый гнет и вмешательство государства в духовную жизнь способствовали росту антиправительственных настроений среди татар и представителей других народностей Поволжья и Приуралья. Необходимость отстаивания своих прав в вопросах веры, материального положения и земельных отношений вовлекала татар в орбиту антиправительственных движений, охвативших практически весь XVIII в. Этому способствовала и сложившаяся политическая конъюнктура – слабость центральной власти на местах

[1] От немецкого Laschmann: laschen – “отёсывать, обрубать, обделывать” + Mann – человек, мужчина.

и вера в возможность восстановления самостоятельного государства во главе с Чингизидами.

Терминология «башкирские восстания» 1704–1711, 1735–1741, 1755–1756 гг. не является корректной, так как участниками этих выступлений были не только башкиры, но и русские, ясачные и служилые татары, ясачные черемисы и чуваши, кочевые калмыки и др.

Триггером к началу восстания 1704–1711 гг. послужил указ Петра I, вводивший 72 новых налога. Правительственные чиновники, прибывшие для оглашения указа в Уфу, Казань и другие крупные российские города, были встречены населением с недовольством, начались потасовки и драки. Действия властей еще более усугубили ситуацию. В начале 1704 г. в Уфу и Мензелинск были отправлены правительственные отряды для принудительного сбора лошадей,

Лашманская повинность у татар

что вызвало массовое вооруженное выступление местного населения, которое быстро вышло за рамки локальной территории.

В ходе восстания ясачные татары и «башкирцы» Уфимского уезда действовали совместно. Вскоре к восстанию присоединились татары Казанского уезда и астраханцы: «того ж 704-году в августе и сентябре, что де они воры и изменщики башкирцы согласились вместе с остраханцы и с казанскими татарами бунтовать»[2]. Выступления вскоре приобрели политический оттенок. Восставшие обратились за помощью к крымскому хану и турецкому султану, а предводителем восстания был выдвинут Мурад-Султан, представитель сибирской ветви Кучумовичей и, следовательно, претендент на трон после предполагаемого восстановления в Волго-Уралье чингизидского государства.

Приуральские татарки в поле во время отдыха.
Фото М.А.Круковского. История татар. Т. 6 (цв. вклейка)

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.1. М.-Л., 1936. С.118.

Хроника событий выявила кризис системы управления на местах и слабость центральной власти. Несмотря на то, что уфимский воевода был уполномочен разбирать земельные и другие тяжбы, вотчинники могли отправлять жалобы напрямую в центр, минуя воеводство. Если нарушение вотчинных прав подтверждалось следствием, Приказ Казанского дворца направлял уфимскому воеводе грамоту с указанием действий по исполнению решения приказа.

К 1708 г. антиправительственные выступления пошли на спад, царское правительство провело реформу административно-территориального управления для укрепления центральной власти в регионах. Петровским указом от 1708 г. «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» все земли, управляемые приказом Казанского дворца, были отнесены к Казанской губернии[3]. Уфимский уезд был преобразован в Уфимскую провинцию, которая вошла в состав Казанской губернии[4].

Многие участники восстания из числа татарского населения Казанского уезда бежали в Уфимский край. При этом большая волна переселений продолжалась на протяжении всей первой половины XVIII в. Основную долю беглецов составляли ясачные татары. Например, из 17920 дворов беглецов из Казанского и Уржумского уездов, зарегистрированных в 1707–1720 гг., почти половину (8613 дворов) составляли татары[5].

Массовое бегство ясачного населения приводило к налоговым недоимкам и наносило ущерб казне. На протяжении 1707–1727 гг. правительство предпринимало рейды по поимке и возвращению беглецов на прежние места. Только с 1720 по 1722 г. в Уфимской провинции была выявлена и подлежала высылке 5031 семья[6]. Во многих случаях местные вотчинники отказывались выдавать переселенцев, так как существовала экономическая связь в виде рабочей силы и

[3] Буканова Р.Г. Города-крепости в системе управления Юго-Восточной окраиной России в XVIII в. // История. Международные отношения. Вып. 4. 2012. Т.2. С.25.

[4] ПСЗ-1. Т.4. №2218; Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1986. Т.4. С.168.

[5] Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западного Башкортостана. Казань, 2021. С.27.

[6] РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.115. Л.925.

средств производства[7]. Вице-губернатор Кудрявцев сообщал в Сенат в 1719 г.: «… башкирцы служилых татар и ясачных иноверцев, перезывая к себе, держат у себя»[8].

Переселенческие мотивы усиливались в связи с ужесточением царской политики по отношению к иноверцам. По изданному 15 мая 1712 г. Указу инородцы Казанской губернии обязывались участвовать в заготовках и сплаве леса для корабельного строительства в Петербурге. В 1718 г. особым указом было предписано создание в Казани строительной верфи для обеспечения будущего Каспийского флота. Для заготовки и доставки леса за Казанским адмиралтейством было закреплено более 56 тыс. мужчин из Казанской губернии, в том числе 23750 татар. К тому же на татарских и башкирских мужчин налагалась обязанность защищать восточные границы России со Средней Азией, проходящие по реке Яик. Массовое возмущение вызвало и введение Петром I подушной подати, а также проведение ревизии (переписи) в 1718 г. Мусульманское население края восприняло этот акт как перепись для предстоящего насильственного крещения. В 1719 г. из 46841 двора ясачных крестьян в Казанском уезде опустели 19932.

Преемники Петра I подготовили проект колонизации юго-восточных земель, получивший название «Оренбургской экспедиция». Основной задачей экспедиции являлись увеличение доли русского компонента и формирование лояльности среди инородческого населения. Само мероприятие происходило в достаточно сложных условиях как внешнего, так и внутреннего характера. Дело в том, что Южное Приуралье было своего рода этноконтактной зоной соприкосновения татар, башкир, ногайцев и казахов. Трудности объяснялись также отсутствием русских населенных пунктов в стороне от крупных рек, необходимого картографического материала и незнанием российскими чиновниками местного языка.

Деятельность Оренбургской экспедиции вызвала серию новых восстаний народов Волго-Уралья в 1735–1740 гг. Первая волна антиправительственных выступлений в Оренбургской губернии началась под руководством старшины Сибирской дороги Акая Кусюмова. Летом 1735 г. повстанцы разорили русские деревни под Уфой, Табын-

[7] Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западного Башкортостана. Казань, 2021. С.29.

[8] РГАДА. Ф.248. Оп 3. Д.101. Л.39.

скую крепость и осадили Мензелинск. По сведениям канцелярии Главного правления сибирских и казанских казенных заводов (июль 1735 г.), было арестовано несколько татар «со многим ружьем», признавшихся после пыток, что они собирались на «войну»; наблюдались передвижения вооружённых татар группами по 5–10 человек; отмечалось скопление татар у озера Чебаркуль[9]. Татарин Ибрагим Кумаметев докладывал: «… статский советник Кирилов и мурза (Тевкелев), а как зовут не знает, из города Уфы для закладу города выехали, а Нагайской де дороги татара, скопясь несколько тысяч человек и, напав на мурзу, побили российского войска человек с 700, и мурза де жив или нет, не знают, а российское войско из оных татар також побили не одну тысячю; и после того, скопясь, напали на него, советника Кирилова, токмо де он со всем войском загородился рогатками, и что зделалось – не знают. Да и ныне де Нагайской дороги татар скопилось с 7000 человек, а они де с ними не согласны и в совете не были, токмо опасаются, чтоб им от российскаго войска не принять разорения и не быть бы порубленым за досаду Нагайской дороги татар»[10].

Значительное число архивных источников свидетельствуют о совместных действиях ясачных татар и «башкирцев» в ходе восстания. Власти были осведомлены, что под Заинском окрестные татары вместе с «башкирцами» разоряли русские деревни: «Из Заинска от капитана Голчина получены копии з допросов пойманных по изветам мордвина да руских, деревни Верхних Налимов татар Абдиша Акбулатова с товарыщи 5-ти человек. А допросами те татара показали, что они посланы от деревенских людей к башкирцам, и даны им были лошади и тамги, что они желают быть з башкирцами вместе и бунтовать. И они де у тех башкирцов были, и что им с ними бунтовать дали им руки, что руских людей брать в полон, а села и деревни жечь, и надеютца де они, что и все татара з башкирцами в одной думе и на руских людей согласие имеют»[11]. В походе на Мензелинск вместе с

[9] Валиуллин И.Р. «… На страх прочим бунтовщиков вешать…»: к истории участия татар в башкирском восстании 1735–1736 гг. // Научный Татарстан. 2019. №2. С.26.

[10] Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т.VI. Уфа, 2002. С.42.

[11] Там же. С.46.

«башкирцами» Ногайской дороги приняли участие татары из пятнадцати деревень Казанского уезда[12].

Однако действия восставших вызывали поддержку не у всех татар. Капитан Лихачев отметил, что «татара не все согласны, а особливо де мещеряки делают свои крепости и хотят им [повстанцам] противиться»[13]. Некоторые башкирские предводители даже угрожали расправой в случае неприсоединения к восстанию. Так, служилый мещеряк из деревни Колтаевой Килмей Кареев под допросом дал показания, что «возмутители башкирцы хотят их рубить, и оные татары всею деревнею з женами и з детьми, со скотом и подижитки выехали на Казанскую дорогу»[14]. Попытки Акая и других лидеров восстания придать мятежу конфессиональную окраску имели обратный эффект. Служилые татары и представители других сословий были готовы идти вслед за русским продвижением на восток, платить российской власти службой или податью ради приобретения плодородных земель и безопасности. Новые крепости на Урале предоставляли им узаконенные возможности для переселения и юридического закрепления на месте.

Для подавления восстания и разобщения его участников правительство 11 февраля 1736 г. ввело указ об отделении служилых татар от «башкирцев»: «Служилым мещерякам от башкирцев быть отделенными, и за их верность и службу, что они к противностям башкирцев не пристали и против них служили, земли и угодья, которыми они по найму у башкирцев владели, а те башкирцы были в воровстве и бунте, те дать им вечно, безоброчно… Застарелых тептерей и бобылей, по примеру мещеряков, от башкирского послушания отрешить, и за претерпенное их разорение от воров-башкирцев оброков им платить не велеть»[15]. Против повстанцев правительство настроило и татарское дворянство: «Казанской губернии служилых мурз тех, которые воров башкирцев сокращали: за такую их показанную верность определить в службу по-прежнему, и от корабельной работы, также и когда в службе будут, от подушного платежа освободить»[16].

---

[12] Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т.VI. Уфа, 2002. С.55.

[13] Там же. С.42.

[14] Там же. С.48.

[15] ПСЗ-1. Т.9. С.742.

[16] Там же. С.744.

Правительственная политика по расколу единства среди повстанцев приводила к тому, что татары оказывались по разные стороны и сражались друг с другом. Так, Надыр Уразметов, имевший духовное образование и знавший русский язык, примкнул к карательным отрядам, направленным против бунтовщиков. Он помогал ловить мятежников и передавать их властям. Татарин из деревни Богатых Сабов Сеит Хаялин выступил на стороне правительственного лагеря, выполнял функции переводчика, организовывал дипломатические встречи с предводителями восстания и убеждал их сложить оружие. Своей деятельностью они заслужили доверие имперской власти и получили определенные привилегии: Надыр Уразметов вместе с соотечественниками получил право бесспорно пользоваться землями так называемой Надыровской волости; Сеит Хаялин добился от императрицы Елизаветы Петровны решения об основании татарского поселения под Оренбургом (*Сеитовской слободы*) с правом строительства мечетей, свободного исполнения исламских обрядов, освобождения от рекрутской службы и др.

Оперативные меры по подавлению мятежа вкупе с использованием верных правительству татар принесли свои плоды. К лету 1740 г. восстание пошло на убыль. Результатом этого стали жестокое подавление мятежа и массовые казни повстанцев. По подсчетам американского историка А.С. Доннели, в ходе восстания 1735–1740 гг. были убиты, казнены или отправлены на каторгу свыше 30 тыс. человек[17].

Завершив карательные мероприятия, власти приступили к реформе административно-территориального устройства для полного включения территории Приуралья в административную систему Российской империи. До 1740 г. данная территория имела достаточно сложное административное деление. Часть территории, лежавшей за пределами старой Закамской линии и входившей в состав Казанской дороги, была официально принята в состав империи. В 1737 г. Сибирская дорога отдельным указом была присоединена к образованной Исетской провинции[18]. Оставшиеся Осинская и Ногайская дороги оставались в составе Уфимской провинции, которая имела особый

[17] Доннели Алтон С. Завоевание Башкирии Россией 1552–1740: Страницы истории империализма. Уфа, 1995. С.218.

[18] ПСЗ-1. Т.9. С.815.

статус и не была полностью юридически включена в состав Российского государства.

Пётр Иванович Бутурлин

Еще в 1726 г. в Сенате разрабатывался проект о выделении Уфимской провинции из состава Казанской губернии и образовании на основе Вятской, Пермской и Уфимской провинций новой губернии. Управление во главе с вице-губернатором должно было сосредоточиться в Кунгуре. Однако в 1728 г. Уфимскую провинцию вновь перевели в ведение Сената и ее воеводой был назначен П.И. Бутурлин[19]. Таким образом, возвращалась прежняя структура управления краем, когда отсутствовали административные звенья между Уфой и царским правительством. Такое положение полностью удовлетворяло вотчинников, отправлявших жалобы на действия чиновников, на нарушения своих прав напрямую государю. Итоги восстания 1735–1740 гг. наглядно продемонстрировали слабость данной системы управления и обусловили необходимость создания сильной власти на местах.

15 марта 1744 г. указом императрицы Елизаветы Петровны была учреждена Оренбургская губерния с центром в городе Оренбург. В ее состав вошли Уфимская провинция, Исетская провинция и Оренбургская провинция с крепостями Оренбургской линии. В 1745 г. в новое территориальное образование была включена Ставропольская провинция[20]. Значение Уфы как прежнего административного центра провинции снизилось, так как ряд важных функций перешел к Оренбургу. Управление перешло в руки канцелярии Оренбургской губер-

[19] Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства: вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.: дисс. … докт. ист. наук. М., 2006. С.115.

[20] Ставрополь на Волге – современный город Тольятти Самарской области.

нии, во главе которой стояли военный генерал-губернатор и гражданский губернатор.

Новые власти начали правление с увеличения налоговой нагрузки на припущенников, так как по указом 1736 г. они были освобождены от уплаты оброка за пользование землей. 21 июня 1745 г. Сенат поручил оренбургскому губернатору решить вопрос об обложении тептярей и бобылей подушной податью. Местная администрация высказалась за сбор с данной категории по 80 коп. с души мужского пола, что и утвердил Сенат в указе от 11 мая 1747 г. По указу мещеряки, освобожденные ранее от выплаты ясака за помощь в подавлении восстаний, были обязаны выплачивать по 25 коп. с каждого двора.

Тептяри и бобыли отказались платить подушную подать и избили представителей власти во время оглашения указа. В антиправительственном выступлении участвовало тептяро-бобыльское население *Мелекеса*, деревень *Нимисляро*в*о, Бедеево, Шиды, Байгильдин*о и др.[21] Волнение быстро охватило территории Осинской и Сибирской дорог, а вскоре брожение началось и среди мещеряков. Власти, испугавшись увеличения числа восставших и распространения движения на другие области, отправили в Бирск карательную команду майора Кублицкого. Из Оренбурга в Уфу выступили войска численностью 1750 чел. под командованием генерал-майора Штокмана. Несмотря на то, что многие из числа восставших согласились платить новый налог, около 400 повстанцев завязали сражение с правительственной армией на реке Танып, но потерпели поражение. Помимо татар в волнении участвовали башкиры, марийцы, удмурты и чуваши.

Вместе с увеличением налогообложения населения усилилась политика христианизации нерусских народов. Иное вероисповедание рассматривалось властями как препятствие для интеграции мусульман-татар в российское общество. К тому же во время антиправительственных восстаний данное обстоятельство комплектовало массы недовольных. Уже в 1622 г. был издан указ, ограничивавший владельческие права татарских феодалов. Главной целью указа было искоренение практики совместного проживания мусульманских помещиков и их холопов-христиан[22]. 3 ноября 1713 г.

---

[21] Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства XVII – первой половины XVIII в. Свердловск, 1991. С.141.

[22] Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в Российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2002. С.29.

был принят указ о крещении магометан Казанской и Азовской губерний. В соответствии с указом мусульмане-феодалы, имевшие в поместьях и вотчинах православных крепостных, обязаны были креститься в течение полугода. В противном случае крестьяне вместе с вотчинами и поместьями изымались в пользу государя[23]. Параллельно с этим правительство мотивировало инородческое население на добровольное крещение путем предоставления льгот и послаблений. Так, 1 сентября 1720 г. вышел указ «О льготах новокрещенам от всяких сборов и податей на три года»[24]. Однако данные попытки по добровольному крещению также провалились. Из доклада Сената от 3 апреля 1731 г. следует, что с 1719 по 1731 г. общее число принявших крещение в Казанской губернии составило всего 2995 человек[25].

Новый этап христианизации нерусских народов начался при Анне Иоанновне с организации Комиссии новокрещенских дел в 1731 г. (с 1740 г. – Новокрещенская контора). Ее центр располагался в Свияжске при местном православном монастыре. В задачу конторы входили активная миссионерская деятельность и контроль за соблюдением обрядов новокрещенами. При этом правительство довольно щедро финансировало деятельность конторы.

В дальнейшем под опалу попали мусульманские заведения и духовенство как опора ислама. 19 ноября 1742 г. Сенат издал указ «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании губернаторам и воеводам о обращенных в магометанский закон»[26]. Указом предписывалось не только ломать действующие мечети, но и не допускать строительства новых. Менее чем за два года из 536 мечетей Казани и Казанского уезда было разрушено 418[27]. Стоит отметить, что еще весной 1736 г. карательные отряды И.К. Кириллова подвергли разрушению историческую мечеть Уфимского

[23] Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001. С.27.

[24] ПСЗ-1. Т.6. №3637. С.234–235.

[25] Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань, 2015. С.101.

[26] ПСЗ-1. Т.11. № 8664. С.719–720.

[27] Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань, 2015. С.111.

уезда, располагавшуюся у реки Берсувань в пределах современного города Уфы – Азиеву мечеть[28].

Небольшое послабление в религиозной политике по отношению к татарам произошло 22 июня 1744 г., когда Сенатом был принят указ «О нестроении мечетей в деревнях, где русские и крещеные иноверцы живут и не о крещении иноверцев насильно»[29]. Этот законодательный акт стал ответом на многочисленные ходатайства служилых и ясачных татар о восстановлении разрушенных мечетей, а также руководством для сооружения новых мусульманских учреждений. Было запрещено строить мечети в местах совместного проживания мусульман с русскими и новокрещенами. По согласованию с властями допускалось строительство мечетей в татарских деревнях при условии, что общее число душ мужского пола будет составлять от 200 до 300. Количество сооружаемых мечетей строго ограничивалось даже при росте численности мусульманского населения[30].

Исключением из этого закона стало разрешение на строительство двух мечетей в Татарской слободе и мечетей в новообразованной Сеитовской слободе под Оренбургом. Для исключения возможной вспышки волнений в Западном Приуралье указ Сената от 20 февраля 1744 г. постановил «имеющиеся ныне в той Уфимской провинции в башкирских жилищах мечети впредь до указа оставить»[31]. Существование подобных льгот вызывало и без того непрекращающийся отток населения из Казанской губернии в Уфимскую провинцию.

Вкупе с продолжающейся политикой насильственной христианизации правительство пошло на новые фискальные меры. Указом Сената от 16 марта 1754 г. ясак был заменен на покупку соли из казны по высоким ценам, что привело к увеличению и без того высокого налогового бремени. Самостоятельная добыча соли запрещалась: «Означенному д. т. с. [действительный тайный советник] и оренбургскому губернатору крайне стараться, дабы помянутые башкирцы, тептери и татары, с которых помянутый ясак сложен, також и прочие

---

[28] Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т.VI. Уфа, 2002. С.169.

[29] ПСЗ-1. Т.12. №8978. С.157–159.

[30] Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань, 2015. С.112.

[31] ПСЗ-1. Т.12. №8875. С.26.

тамошние иноверцы совершенно соль покупали из казны, и кроме б покупки из казны ниоткуда в их жилища подвоза неуказной соли отнюдь не было, и в том учинить ему, оренбургскому губернатору, по состоянию тамошних мест, крепкую предосторожность, дабы от того в Высочайшем е. и. в. [ее императорского величества] интересе траты не было»[32].

Такое положение дел привело к новому восстанию – 1755–1756 гг., идейным вдохновителем которого стал служилый татарин-мещеряк из деревни Карыш Осинской дороги Габдулла Алиев [по другой версии, Губайдулла Мязгильдин], вошедший в историю как Батырша. Батырша получил фундаментальное для своего времени религиозное образование и имел большой опыт работы муллой и преподавателем в медресе. К 1754 г. авторитет муллы Батырши был общепризнанным: он был выдвинут ахуном Сибирской дороги Уфимской провинции, но отказался от должности[33].

Весной 1755 г. он выступил со своим знаменитым «Воззванием», призвав инородческое население к вооруженному выступлению. Говоря о массовых притеснениях со стороны властей, он просил мусульман объединиться для «священной войны» с целью защиты своей религии и духовных ценностей[34]. Этот документ шакирды Батырши широко распространили среди мусульманского населения края. Батырша также был автором «письма к императрице Елизавете Петровне», являющегося литературным памятником по истории и культуре татарского народа. В письме он рассказал о своей жизни и притеснениях со стороны местных чиновников, затронул вопросы о свободе совести, веротерпимости, равенстве народов[35].

Восстанию предшествовала тщательная подготовка. Сам Батырша провел встречи с мусульманским духовенством Оренбурга и Каргалы, его шакирды должны были обеспечить поддержку восстания со стороны казанских татар и «башкирцев» Гайнинской волости. Основными соратниками и учениками Батырши, арестованными

[32] ПСЗ-1. Т.14. №101198. С.43.

[33] Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001. С.152.

[34] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.II. Уфа, 2019. С.47–49.

[35] Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Уфа, 1993. С.93–94.

Батырша

за участие в восстании, являлись служилые мещеряки и ясачные татары[36].

В августе 1755 г. вновь восстало население Бурзянской волости Ногайской дороги. Вскоре к нему присоединились и жители соседних волостей. Губернатор Неплюев, получив тревожные известия, принял срочные меры для подавления восстания. Двадцатитысячное войско было отправлено на оцепление повстанцев. Власти также вносили раскол в антиправительственное движение: использовали против восставшей верных власти мишарей, обещали освободить от наказания добровольно сдавшихся участников. За поимку Батырши была объявлена награда. Многие представители татарской духовной элиты симпатизировали взглядам Алиева, однако имели взаимовыгодные отношения с имперской администрацией. Когда им пришлось выбирать между поддержкой требований Батырши о защите прав коренного мусульманского населения Приуралья и верностью империи, они выбрали второе и отказались участвовать в восстании, благодаря чему мятеж был быстро подавлен.

Религиозный характер восстания, несмотря на то, что оно было подавлено, вынудил правительство смягчить меры по отношению к мусульманскому населению. Власти освободили некрещеных татар от поставки в рекруты за новокрещеных. 23 августа 1756 г. Сенат издал указ о «О допущении татар магометанского закона, жительствующих особыми деревнями в Казанской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях, к постройке мечетей и о переселении новокрещеных татар в другие деревни»[37]. Наиболее активные про-

[36] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.II. Уфа, 2019. С.390.

[37] Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань, 2015. С.118.

водники политики насильственного крещения мусульман епископ Казанский и Свияжский Лука Канашевич и митрополит Тобольский и Сибирский Сильвестр Гловацкий были перемещены в епархии, где не было татар-мусульман[38].

Большим шагом на пути установления лояльности властей к исламу стало закрытие Новокрещенской конторы 6 апреля 1764 г.[39] Несмотря на то, что за годы ее деятельности удалось склонить к православию значительную часть народов Поволжья и Приуралья, политика крещения татар потерпела крах. Исламские ценности для татарского населения остались значимыми, они выполняли роль объединяющей самоорганизации, обеспечивали правопорядок и помогали сохранять культурные традиции. Утверждаемое миссионерами превосходство православной веры над мусульманской не воспринималось членами татарской общины. Ярче всего на эту тему высказался историк Н.А. Фирсов: «Надо отдать справедливость приволжским мусульманам: духовенство их пользовалось таким устройством и положением, несравненно успешнее могущими вести к цели, для какой назначается всякое духовенство, чем какими пользовалось наше, православное тогдашнее духовенство. В то время, как русский православный священник назначался в приход часто помимо всякого участия прихожан в его выборе, мулла всегда был выборным, а потому интересы его были тесно связаны с интересами мира, его избравшего; в то время, как русские православные люди в иных местах, по отдаленности селений их от церквей, редко видали священника, у мусульман каждая деревня имела мечеть, одного или нескольких мулл, которые были в постоянном общении со своими прихожанами; у нас зачастую священниками были люди необразованные и малограмотные, у мусульман выбирались в муллы только те, которые приобрели известное образование, необходимое, по их понятию, для отправления обязанностей духовного звания; русский пастырь был унижен в обществе, оскорбляем и презираем, и всю свою деятельность ограничивал отправлением церковных служб и треб [потребностей]; мулла пользовался высоким уважением среди своего мира, и деятельность его не ограничивалась механическим совершением религиозных об-

[38] Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001. С.164.

[39] ПСЗ-1. Т.16. С.704–707.

Емельян Иванович Пугачёв

рядов, он был вместе с тем и учителем подрастающего поколения своих единоверцев, судья и даже лекарь»[40].

Самым крупным восстанием за всю историю Российской империи, охватившим Приуралье, Зауралье, Среднее и Нижнее Поволжье, стала Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева (1773–1775 гг.). Основными предпосылками для восстания стали обострение противоречий между феодально-крепостнической системой и податным населением, активная колонизация земель Поволжья и Приуралья.

Татары проявили активное участие в восстании с самого его начала. При вступлении Емельяна Пугачева в Каргалинскую слободу 1 октября 1773 г. был сформирован татарский полк под командованием Мусы Алеева (Улеева) из 500 человек[41]. Вместе с другими повстанческими силами они осаждали Оренбург и нанесли поражение правительственным войскам под командованием генерала Кара и полковника Чернышева. Лозунги и указы Пугачева, провозглашавшие свободу вероисповедания, освобождение от податей и возвращение земли, увеличивали число сторонников восстания и расширяли его географию.

Татарские предводители играли важную роль в восстании, так как Пугачев поручал им действия на отдельных направлениях. По сведениям, собранным Вахитом Имамовым, среди полковников и атаманов в армии Пугачева 40 были из татар. Наиболее видные из них – Канзафар Усаев, Бахтияр Канкаев, Ярмухаммад Кадерметов, Мясогут Гумеров, Аит Уразметов, Исхак Ахметов, Идеркяй Махмутов.

---

[40] Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация западных земель в это время. Казань, 1869. С.176–179.

[41] Аминов Р.Р. Участие татар Сеитовой слободы в восстании Е.И. Пугачева 1773–1775 годов // Славяно-тюркский мир: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г.Чебоксары, 24–26 июня 2024 г.) / сост. и отв. ред.: Д.В. Егоров, Э.Е. Лебедев, И.И. Бойко. Чебоксары, 2024. С.101.

Полковой старшина Бахтияр Канкаев, будучи членом военной коллегии, участвовал в разработке планов военных операций и активно занимался мобилизацией людей. Перед походом на Казань 13 июня 1774 г. Пугачев поручил Канкаеву собрать русских, татар и башкир в одну большую армию[42]. Во время войны отряд Канкаева действовал в Кунгурском, Уфимском и Казанском уездах. Активное участие в военных действиях на территории Уфимского уезда на стороне пугачевцев принял татарин-мишар из деревни Бузовьязовой Канзафар Усаев. Он примкнул к повстанцам в ноябре 1773 г. вместе со своим старшиной Ягафаром Кучумовым и участвовал в сражениях под Оренбургом, Екатеринбургом и Уфой[43]. 3 июня 1774 г. Пугачев присвоил Канзафару чин бригадира (генерала). Ясачный татарин из Уфимской провинции Абдулла Мустаев возглавлял повстанческий полк на территории Казанской дороги. В июле 1774 г. отряд Мустаева охранял переправы и дороги в междуречье Камы и Вятки, совместно с отрядом Бахтияра Канкаева прикрывал отход повстанцев за Волгу. 27 июля у деревни Зюри Казанской губернии армия Мустаева была разбита правительственными войсками под командованием С.В. Неклюдова.

После поражения восстания указом Екатерины II от 18 июля 1774 г. была создана особая секретная комиссия для выявления участников восстания и проведения репрессий. Согласно данным «Ведомостей Уфимской провинциальной канцелярии в Оренбургскую губернскую канцелярию об участии нерусского населения в крестьянской войне», количество восставших татар Уфимской провинции составляло около 35 тыс. человек[44].

Несмотря на то, что в отечественной историографии восстание Пугачева долгое время называлось крестьянской войной, данное событие, учитывая этносоциальную пестроту его участников, цели и лозунги предводителей повстанцев, по праву следует именовать *гражданской войной*. Под руководством Емельяна Пугачева сформировалась система административной и судебной власти – Военная коллегия, занимавшаяся изданием манифестов, мобилизацией армии и назначением офицеров. Программа восставших была полной противоположностью политики Екатерины II и ее предшественников.

---

[42] РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.416. Л.85.

[43] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: сборник документов. Уфа, 1995. С.221–222.

[44] Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973. С.192.

Война 1773–1775 гг. наглядно продемонстрировала слабость центральной власти в Поволжье и Приуралье и несостоятельность политики насильственного крещения. Массовое участие татар в восстании свидетельствовало о нерешенности правительством, помимо религиозных, налоговых и земельных вопросов. Восстания XVII–XVIII вв. стали трагической страницей в истории татарского народа. Возглавив антиправительственную борьбу народов Волго-Уралья, татары несли большие потери, множество татарских селений было разорено или уничтожено.

Неконфликтной формой защиты и расширения своих прав являлось политическое лоббирование представителями татарской элиты собственных интересов. В 1767–1768 гг. татары-мусульмане вместе с другими этносословными группами участвовали в работе Уложенной комиссии, которая должна была подготовить новый свод российских законов. Для функционирования Комиссии на местах в соответствии с сословным принципом должны были быть избраны депутаты. Порядок выбора депутатов был следующим: от каждого уезда, где имеются дворяне – по одному, от жителей каждого города – по одному, государственным и экономическим крестьянам – по одному депутату от провинции при трехступенчатых выборах (погост – уезд – провинция), оседлым «инородцам» – тоже по одному депутату. Права избирать депутатов были лишены крепостные крестьяне и духовенство. Депутатами могли быть избраны лишь мужчины в возрасте 25 лет[45].

Установление правил выбора депутатов было закреплено за местными властями, что создало «особый» метод избрания депутатов у «иноверцев». Если у русских и новокрещен Оренбургский губернатор устанавливал единые выборы – избрание первичных поверенных должно было проходить по селам или по церковным приходам, то у иноверческого населения первичные выборы должны были проводить по волостям или командам через их старшин и сотников, а сама система выборов была многоступенчатой[46]. Последствием данного выборного правила станут конфликты и сложности при выборе поверенного, на что и рассчитывали местные власти.

Итогом выборов среди иноверцев стало избрание 28 депутатов-мусульман, из них 24 были татарами, двое – башкирами, двое – бу-

[45] ПСЗ-1. Т.17. №12801. С.1092–1100.

[46] Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Оренбургской губернии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: дисс. … канд. ист. наук. Уфа, 2001. С.38.

харцами. В состав депутатов мусульманское население делегировало наиболее авторитетных членов своей общины: среди них были муллы, мурзы, старшины и писари[47]. Депутатов-мусульман Уфимской провинции представляли ясачный татарин Казанской дороги Мухаметкарим Ибрагимов, старшина-башкирец из Гайнинской волости Токтамыш Ижбулатов, мещеряк старшинский сын Абдулжалил Максютов. Ясачные некрещеные татары 10 деревень, перешедших из Кунгурского в Уфимский уезд, выбрали своим депутатом Мустая Сюлеева[48].

Некоторые современники воспринимали участие татар в работе Уложенной комисии как показное, «народное» мероприятие, однако характер ее деятельности и итоги говорят о совсем об обратном.

Самые насущные вопросы татарского общества были сформулированы в наказах, специально подготовленных избранными представителями уездов и провинций[49]. По своей структуре и содержанию наказы различных этносословных групп Приуралья были идентичны. В них были изложены тяготы от уплаты налогов и несения повинностей, проблемы нехватки земли, факты злоупотребления местной администрации. Для мусульманского населения основной являлась проблема строительства мечетей без законодательных ограничений. Вместе с тем остро ощущалась нехватка исламского духовенства в мечетях для исправления молитв. Так, служилые татары и мещеряки Уфимской провинции наказывали: «Хотя мы в жительствах своих ныне мечети и при них мулл и азанчиев имеем, но только небольшое число. А повелено б было их иметь в каждом нашем жительстве с точным положением при каждой мечети по одному мулле и азанчею и музаверу или охранителю и их бы из дворового числа и от служеб исключить и во оное не употреблять, дабы они бес помешательства могли по закону нашему всевышняго бога молить»[50].

Разрешение гражданских споров, связанных с нарушением шариатских норм, татары просили закрепить за муллами и ахунами, по-

---

[47] Ислаев Ф.Г. Татары в Екатерининской уложенной комиссии 1767–1768 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. №3/4. Казань, 2003. С.44.

[48] Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. С.58–59.

[49] Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001. С.184.

[50] Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. С.254.

скольку местные суды из-за незнания мусульманских законов решать их были не в состоянии: «По закону нашему неретко случается иметь нам разбирательство в делах, не принадлежащих до канцелярского разсмотрения. Повелено было оное, яко же и в небольших делах в неплатеже одних другому долговых денег, в бое, и в бране, и в протчем чинить разбирательство ахунам, муллам и старшинам»[51].

Мусульманских депутатов беспокоил и вопрос неравенства при ведении судебных споров с новокрещеными, поскольку российское законодательство предоставляло им значительные льготы. Как показала практика, крещеные иноверцы освобождались от несения рекрутской повинности, а при неплатеже долгов и воровстве подвергались лишь битию кнутом, но оставались свободными[52]. «Уфимского уезду на всех четырех дорогах оказывается немалое число воров. И естли впредь такие воры пойманы и в судебные места приведены будут, то бы таковых повелено было по учинении им наказания ссылать по первой поимке, хотя и в малом воровстве, в украинские места на поселение, яко же и тех, кои из нашего народа, избегая наказания, крестятся, чтоб от того уездные люди могли освободиться причиняем впредь от них по злобе раззорения» – сетовали ясачные татары Казанской дороги Уфимской провинции[53].

Немаловажной проблемой являлся земельный вопрос. Мещеряки Уфимского уезда ходатайствовали о закреплении за ними земли, обещанной по указу от 11 февраля 1736 г. за подавление восстания и купленной у «башкирцев» «как по записям крепостных дел, так и по обязательству между собой татарским письмом»[54]. Сходные требования предъявили и ясачные татары Казанской дороги. В связи с тем, что указ 1736 г. разрешал покупку земли у «башкирцев» дворянам, офицерам и мещерякам, татары просили, «чтоб и нашему народу у башкирцов земли, как и мещерякам, покупать было дозволено, кто пожелает»[55].

---

[51] Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. С.254.

[52] Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001. С.188.

[53] Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. С.251.

[54] Там же. С.253.

[55] Там же. С.251.

Несмотря на то, что многие требования татарской общины остались лишь на бумаге, правительство Екатерины II пошло на уступки в некоторых вопросах. Так, 17 июня 1773 г. вышел указ о терпимости всех вероисповеданий и запрещении архиереям вмешиваться в дела иноверцев[56]. Хотя указ не уравнивал ислам с православием и не прекратил миссионерскую деятельность православного духовенства, он, несомненно, был прогрессивной мерой по отношению к иноверческому населению и имел далеко идущие последствия. 28 января 1783 г. императрица разрешила мусульманским уммам избирать из своей среды ахунов[57]. Ахун являлся высшим духовным лицом среди мусульманских сановников. Он возглавлял определенный регион, через ахунов власти взаимодействовали с муллами. Смысл этого законодательного акта заключался в том, чтобы прекратить практику приглашения на должность ахунов мулл из-за границы.

Дальнейшие реформы в отношении ислама были нацелены на интеграцию мусульманских институтов в систему органов российской власти и организацию контроля над ними. 22 сентября 1788 г. власти провозгласили о создании Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) – органа, объединившего всех мусульман Внутренней России и Сибири. В этот день был принят именной указ императрицы «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона, и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими»[58]. Духовное собрание обосновалось в Уфе, в его ведении находились: испытание претендентов на приходские должности в знании канонов ислама, надзор за действиями духовенства мусульманского, строительство и ремонт мечетей, заключение браков, имущественные споры, вакуфы, случаи неповиновения детей родителям, правильность исполнения мусульманских обрядов и ведения метрических книг (с 1828 г.) приходским духовенством.

Организация ОМДС являлась вектором екатерининского курса на расширение и унификацию конфессионально-административной системы. Собранию предоставили монопольное право присваивать религиозные звания и утверждать назначения в мечетях и мектебах. В то же время Собрание подчинялось оренбургскому генерал-губер-

[56] ПСЗ-1. Т.19. №13996. С.775–776.
[57] ПСЗ-1. Т.21. №15653. С.805.
[58] ПСЗ-1. Т.22. №16710. С.1107.

натору, и, таким образом, власти могли контролировать его деятельность. Данная модель религиозного управления была спроецирована на все мусульманские области империи.

Высшие духовные мусульманские должности, как правило, занимали татары[59]. Костяк духовной элиты складывался из татарского дворянства и купечества. 22 февраля 1784 г. татарские князья и мурзы были уравнены в правах с российским дворянством[60]. Значительную долю татарского дворянства составляли роды, получившие дворянство по офицерским чинам или российским орденам. В то же время общая численность дворян «по породе», происходивших из старинных княжеских и мурзинских родов, была выше, чем «выслужившихся» дворян из других, неаристократических по происхождению родов[61].

При Екатерине II татары получили большую свободу для ведения торговой деятельности в разных регионах империи, были сняты ограничения, препятствовавшие их записи в купеческое сословие[62]. Указ Сената от 22 ноября 1776 г. разрешил служилым татарам, участвовавшим в подавлении восстания Пугачева, вести коммерческие операции по всей территории России[63]. К снятию ограничений межрегиональной торговли стремилось и ясачное татарское население. В наказе в Уложенную комиссию татары Казанской дороги Уфимского наместничества указали следующее: «Нам же положенной восьмигривенной ясак дозволено было в одном только Уфимском уезде, а не в городах. Кто пожелает иметь маленький торговой промысел без кредитов и запрещения от купцов российскими товарами, кои для нашего народа по домашним нуждам надобными бывают, яко же и теми, которые в наших жительствах бывают и от своих трудов получаются, яко то салом, кожами, воском, медом и разными зверьями, кои мы между собой друг у друга перекупать и по малым частям зби-

[59] Хабутдинов А.Ю. Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950): к 250-летию со дня рождения первого муфтия ОМДС Мухаммеджана Хусаинова. Н.Новгород, 2006.

[60] ПСЗ-1. Т.21. С.805.

[61] Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С.83.

[62] Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань, 2015. С.94.

[63] ПСЗ-1. Т.20. №14540. С.455–462.

рать должны. А напоследок оные могут доходить в купеческие руки и продаваны будут купцам в городах»[64].

Новые возможности для татарских торговцев предоставили законодательные акты Екатерины II, устанавливавшие правила и порядки формирования гильдейского купечества – это Манифест от 17 марта 1775 г. и Жалованная грамота городам 1785 г. Татары Среднего Поволжья и Приуралья активно занимались торговлей, что способствовало увеличению татарского населения в городах и образованию городских татарских общин. Вместе с тем торговая деятельность татар расширяла интересы Российского государства на Востоке: знавшие обычаи и порядки восточных стран, и состоявшие в сходной религиозно-культурной общности, татары являлись проводниками геополитической и экономической политики империи.

Таким образом, пройдя сложный этап, состоявший из череды восстаний и репрессий со стороны правительства, татары смогли обратить внимание властей на свои проблемы и принять участие в реализации законодательных мероприятий второй половины XVIII в. Учитывая тот факт, что представители татарской общины все еще не могли выступать наравне с русскоязычным населением в административных, религиозных и судебных делах, государственный вектор по отношению к татарам-мусульманам сильно изменился. Государство и православная церковь осознали бесполезность дальнейшей политики насильственного крещения и приняли позицию использования исламского потенциала для укрепления российской государственности. Со своей стороны, татары перешли от протестов для защиты своих прав к политическому и экономическому лоббированию собственных интересов. Сотрудничество с правительством позволяло им пользоваться определенными привилегиями: строить мечети и свободно исповедовать ислам, беспрепятственно вести внутреннюю и внешнюю торговлю, участвовать в процессе российской колонизации и др. Новые возможности и доверие имперской власти способствовали складыванию в пределах империи татарских культурно-хозяйственных зон влияния. В таких зонах формировалась среда, в которой нерусские подданные могли развивать собственную общественную, экономическую и духовную жизнь.

---

[64] Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа, 2005. С.252.

Рустем Аминов,
Руслан Масагутов

§ 3.2. Земельные правоотношения и особенности управления

Основной формой землевладения в Западном Приуралье в XVIII в. продолжала оставаться вотчина. Наличие вотчинных прав на землю являлось прерогативой башкирского сословия, которое не было однородным и являлось полиэтничным. В начале XVIII в. на территорию Уфимского уезда хлынул массовый поток переселенцев, что неизменно приводило к сокращению количества вотчинных земель. В административные учреждения от «башкирцев» всех дорог поступали челобитные о захвате их вотчинных земель пришлыми людьми. Так, башкирец Аначка Уразаев в челобитной от 1701 г. жаловался «на горного татарина Янтугагайку Емекеева в насильственном владении вотчиной его»[65]. В этом же году башкирец Ельдякской волости Уразка Кадыркулов «с товарищи» подал в приказную избу жалобу на новокрещен Иркачку и Досметку, которые захватили их вотчинные земли по реке Танып[66]. На допросе Досметко заявил, что его зовут Левкою сыном Емельяна и земля вверх по реке Танып, на который он живет и платит ясак в Казань, является вотчиной его деда Кирилла Васильева на основе утерянной ввозной грамоты. Данный факт подтвердил его брат Иркачка, который по крещении звался Ивашкой Степановым. Воевода Ефим Панкратьев Зыбин в связи с тем, что ответчики не смогли предоставить документы, выдал владенную память Уразу Кадыркулову[67].

Часть переселенцев воспользовалась событиями восстаний 1704–1711 гг. и смогла закрепить за собой занятые вотчинные земли. Переселенцы, записавшись в бобыльский или окладной ясак, старались какими-либо способами оформить себе повытье и, таким образом, претендовать на вотчинные земли, выдавая себя за местных.

---

[65] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1331.

[66] РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1334.

[67] Акчурин М.М., Амиров И.А. О казанском ясаке в Ельдякской волости на примере вотчинных владений Бурая Ергозина и его родственников // Приуральские татары: аспекты этнокультурной и социально-экономической истории (XVII–XXI вв.). Казань, 2024. С. 52–54.

«Башкирцы» Билярской волости сообщали, что вотчинники Гирейской волости Алмет Аднагулов и Мясогут Татимов, будучи пришлыми татарами, заняли земельные угодья самовольно и ложными путями получили от воеводы Уфимской провинции Лихачева владенную выпись[68]. По сообщению «башкирца» Булярской волости Уфимского уезда, поселившиеся на их землях «сходцы из Казанского и других уездов» (всего 131 двор) во время спорного дела предъявили «указ и владеные выписи от губернатора г-на Салтыкова» на те земли, на которых они поселились «вновь деревнями и живут»[69].

При возникновении спорных дел царское правительство вставало на сторону переселенцев, если они состояли на определенном окладе, так как было заинтересовано в пополнении казны. Это приводило к резкому увеличению численности вотчинников в регионе. Казанский губернатор А.П. Волынский в «Записке о положении башкирского вопроса в Российской империи и наилучших способах его разрешения» от 1730 г. констатировал: «…чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцов больше 35000, или по крайней мере 40000, а ныне з беглецами стало больше 100000, а имянно казанские, симбирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашние татары большая половина в Башкиры перешли, к тому ж и прочие иноверцы, мордва, чуваши, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда же перешли»[70].

Веянием времени была тенденция юридического оформления прав на владение имеющимися вотчинами и четкого оформления отношений с пришлым населением. Традиционной системой взаимоотношений вотчинников с переселенцами являлся припуск. Анализируя документы, можно определить различные формы припуска:

1. Припущенники допускались на отдельное повытье или жребий для совместного пользованиями всеми угодьями и коллективной уплаты ясака, вследствие чего повытье становилось собственностью припускаемого. Например, башкирец Казанской дороги Булярской волости Ишкей Карманов ввиду того, что он стар, бездетен и владеть вотчиной и платить ясак один не способен, припустил на свою вотчину ясачного татарина из деревни Тюрячеевой Салтаная Исакова с

[68] Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западного Башкортостана. 2-е изд. Казань, 2021. С.46.

[69] Там же.

[70] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л., 1936. С.320.

условием ведения совместного хозяйства и пользованиям землей на равных, а также уплаты необходимого ясака в казну[71];

2. Приобретение земли припущенниками по договору. Указу 1736 г. разрешались покупка земельных угодий у «башкирцев» и закрепление их в собственность. Законодательный акт фактически положил начало государственному регулированию землевладения. 19 июля 1749 г. и 22 февраля 1751 г. торговые татары Сеитовской слободы во главе с отставным переводчиком Оренбургской губернской канцелярии Арсланом Бикметевым по двум купчим записям приобрели у «башкирцев» Слыминской и Кульмилинской волостей более 100 тыс. десятин земли. Наибольший интерес представляет договор от 22 февраля 1751 г., по которому «Уфимского уезду Ногайской дороги Кульмилинской волости башкирцы сотник Канкай Азнагулов, выборный Сафар Тимеев и другие с общего согласия отдали Сеитовской слободы переводчику Арслану Бикметеву с товарищи, всего тридцати пяти дворам, впредь для владения и поселения дворами, а той нашей отданной земле межа по речке Тятер, кроме межи поселившихся по Новой Московской дороге деревни Дюсметовой… пахотную землю, сенные покосы, лес…, от него (Арслана Бикметева) и от товарищей его мы датчики…взяли вместо оброка денег сто пятьдесят рублей, которую вотчинную землю ему Арслану с товарищами владеть вечно без поворотно…». На этой земле образовались деревни Айдарали, Нижне-Ибраево, Яширганово, Тятер-Арслановo (современный Стерлибашевский район Республики Башкортостан). Позднее собственники земель перешли в сословие «башкирцев»[72];

3. Аренда земли, в отличие от двух других форм припуска, не формировала из припущенников вотчинное башкирское сословие. Обычно договор об аренде заключался на определенное время, но, как показала практика, аренда становилась «пожизненной». Так, «1795 года 10 февраля Уфимского наместничества Стерлитамацкой округи команды старшины Акулая Тимирбаева деревень Якушевой… башкирцы дали для поселения по речке Каркали Балыклы той же округи деревни Альмаметевой Аюукаю Адельшину, Батырше Яшееву и другим всего десяти дворам на пятьдесят лет за той землей взять денег двести тридцать рублей и с тех денег взяли мы сто пятнадцать, а достальные сто пятнадцать когда нам потребность будет с них

[71] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. М., 1949. С.10–11.
[72] НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.15139. Л.23.

взять, с тем чтобы в каждый год по двадцати копеек со двора оброку платить от отца сын от брата брат отделится будет с ним нам платить по десяти рублей и оброку также по двадцати копеек в год, сена косить, пашню пахать, дрова рубить…»[73]. Зачастую сроки не оговаривались, либо переселенцы припускались на «вечное жительство» с обязательством ежегодной уплаты оброка «башкирцам».

Таким образом, припуск производился на различных условиях и имел фактически разное содержание (начиная от покупки земли, владения ею наравне с вотчинниками-«башкирцами» и кончая арендным владением) и мог относиться как ко всей вотчинной земле, так и к ее части или отдельным угодьям[74]. Исследователь С.М. Васильев отметил, что припуск выступал в качестве формы пользования вотчинными землями со стороны пришлого населения как форма проникновения «чужеродцев» в башкирскую общину[75].

Указ Анны Иоанновны от 11 января 1736 г. фактически установил статус-кво в отношении землевладений Западного Приуралья. Не примкнувшие к Башкирскому восстанию служилые татары, «застарелые тептяри и бобыли» были навсегда утверждены на землях, арендуемых ими раньше «из оброка», и оставлены «при одном ясачном платеже в казну». Указ юридически закреплял вотчинные земли за «башкирцами», в том числе и за пришлыми людьми, которые до указа смогли записаться в башкирское сословие. В дальнейшем, в связи с увеличением числа вотчинников и сокращением фонда вотчинных земель, среди форм припуска была распространена аренда либо продажа.

Концепт башкирских историков о том, что лишь башкиры имели вотчинные земли и могли отдавать их в припуск рушится при документальном изучении. В архивных документах упоминаются случаи отдачи земли в аренду тептярями. «1795 г. апреля 28-го дня Белебеевской округи деревни Улкановой ясачные тептяри мирского согласия дали сие припускное письмо Казанского наместничества Царевококшайской округи деревни Починий служилым татарам Смагилу Ибрагимову с сыном Исхаком…»[76]. Также в 1772 г. тептяри деревни

[73] НА РБ. Ф.И-137. Оп.1. Д.91. Л.226.

[74] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.IV. Ч.1. М., 1956. С.393.

[75] Васильев С.М. Припущенники на башкирских землях в I половине XVIII в. (тептяро-бобыльское население Башкирии): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1950. С.40.

[76] НА РБ. Ф.И-172. Оп.1. Д.69. Л.204.

Муслюмовой Ирехтинской волости «по частному татарскому письму» припустили к себе ясачных татар[77].

До учреждения Уфимской провинции в 1719 г. – Уфимским уездом управляли коменданты, которые, в свою очередь, в 1714 г. сменили уездных воевод. После Северной войны (1700–1721 гг.) власти усиливали экономическое давление на население Западного Приуралья. Так, уже в 1724 г. в целях ограничения бесподатных припущенников были запрещены продажа и аренда башкирских земель, был введен рублевый сбор с мещеряков, который, правда, проводился нерегулярно и взимался всего дважды – в 1699 г. и 1718 г. Споры «башкирцев» с остальными группами населения ложились на плечи воеводского суда. Российское правительство через воевод управляло башкирскими старшинами, а последние по своему усмотрению управляли общинниками: наряжали свои команды на военную службу, собирали ясак, разбирали споры, вместе с представителями мусульманского духовенства совершали суд над провинившимися, решали земельные споры поземельных волостей[78].

Как уже говорилось, еще в XVII в. в Уфимском уезде было введено деление на административные дороги, которое практиковалось в Казанском ханстве[79]. Территория Западного Приуралья была разделена на четыре дороги: Казанскую, Ногайскую, Осинскую, Сибирскую[80].

Низовым звеном управленческого аппарата являлись представители местного самоуправления – старшины, сотники, писари у мещеряков, тептярей, «башкирцев». Есть данные, что в 1773–1774 гг. команды мещеряков возглавляли 18 старшин, численность команд ва-

---

[77] НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.15140. Л.27 об.

[78] Биккулов И.Н. П.Д. Аксаков – воевода и вице-губернатор Уфимской провинции: монография. Уфа, 2009. С.38, 39, 48.

[79] Галлям Р.Г. Сотенная организация ясачных поселений в уездах Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале последней четверти XVIII веков, как реликт эпохи Казанского ханства (социально-административный и организационно-территориальный аспекты) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященной 80-летнему юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г.Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010. С.95.

[80] Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань, 2021. С.16.

рьировалась от 76 до 694 дворов, в этот же период тептярских старшин насчитывалось 42. В целом функции мещерякских и тептярских старшин были идентичны башкирским. На должности их назначал губернатор, выбирались они на неопределенный срок по приговору общества, сотников и писарей утверждали в губернской и провинциальной канцелярии. Значительную роль в самоуправлении тюркского населения в регионе играл сельский сход, институт поверенных в делах общины и др. Судебная система в поселениях строилась на основе обычного («общинного») права фикха, основанного на шариате, своде религиозных и правовых норм в исламе[81].

С образованием Уфимского наместничества в 1781 г. возможности по контролю Уфимской администрации в отношении местного населения, как русского, так и инородческого, были значительно увеличены учреждением губернского правления и нижнего земского суда (состоял из капитан-исправника и заседателей), ведавшего уездную полицию и администрацию. Открытие уголовной и гражданской палат как высших органов суда в Оренбургской губернии отчасти урегулировало судопроизводство в Уфимском крае, в котором беспорядки были отмечены еще депутатами Екатерининской Уложенной комиссии.

Устранить различного рода препятствия на пути экономического развития в крае и упорядочить хозяйственные отношения призвана была Уфимская казенная палата как орган финансового управления[82].

В 1789 г. генерал-губернатор Уфимского и Симбирского наместничеств О.А. Игельстром провел на башкирских землях волостную реформу. Была сохранена волостная административно-территориальная структура и в то же время создавалась параллельная система юртовой администрации. Юрты делились по территориальному принципу, их возглавляли старшины. В помощники к старшинам назначались сотники (к одним – походные старшины, к другим – старшинные помощники). Деление на волости сохранялось, во главе волостей стояли старшины, которых утверждал в должности губер-

[81] Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1998. С.44, 45, 47.

[82] Ефремов В. Из истории Уфимского края. Уфимский край во второй половине XVIII века (Из истории политического быта и экономических отношений в крае) // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа. 1914. №3. С.132–133.

натор. Волостные старшины распоряжались землей, взимали местные сборы, принимали участие в совестных судах. Свои функции они осуществляли через сотников. В результате данной реформы было ликвидировано отдельное самоуправление мещеряков, которых приписали к башкирским юртам. «Башкирцы», продолжив нести военную службу, оставались в гражданском управлении[83].

Игельстром О.А.
Генерал-губернатор Уфимского
и Симбирского наместничеств
(1784–1791 гг.)

Как справедливо отметил дореволюционный историк В.А. Ефремов, реформы 1780-х гг. по управлению Уфимским краем, распространившие общерусские административные и сословные учреждения, свидетельствовали о том, что Уфимская провинция стала уже внутренней областью государства: «Почти три века исторической работы потребовалось для выполнения этой задачи, с конца XVIII века краевая жизнь в индивидуальных проявлениях заметна уже не в особенностях общественно-политических отношений, а в чисто местном колорите культурно-бытового и духовного развития»[84].

К концу XVIII в. отсутствовала упорядоченность в исполнении военно-служилым населением линейной службы. 10 апреля 1798 г. последовал указ о введении кантонной системы управления. В ре-

[83] Васильев Д.В. Организация российского управления башкирами в конце XVIII – первой половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №11(61): в 3-х ч. Ч.I. С.30.

[84] Ефремов В. Из истории Уфимского края. Уфимский край во второй половине XVIII века (Из истории политического быта и экономических отношений в крае) // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа. 1914. №3. С.133–134.

зультате территорию, населённую тептярями, мещеряками, «башкирцами», оренбургскими и уральскими казаками, ставропольскими калмыками разделили на кантоны, во главе кантонов стояли кантонные начальники, которые обладали широкими правами в военной, судебно-полицейской, политико-административной и хозяйственной областях. В число их функций входило исполнение распоряжений, указов и предписаний вышестоящих властей, контроль и надзор над жителями кантона: ежегодный сбор информации о численности, несении ими военной службы, а также о налоговых сборах. Исполняли они и судебные функции по мелкому делопроизводству внутри, подведомственных им административных единиц[85].

Кантоны делились на юрты, которые включали в себя несколько деревень. Во главе юрт стояли старшины. Чиновники Башкиро-Мещерякского войска делились на две группы: 1) занимающие определенные должности по внутреннему управлению, и 2) связанные с военной и другой службой, не имевшие постоянной должности. К первой группе относились кантонные начальники, юртовые старшины и их помощники, деревенские начальники, юртовые сотники и десятники, во вторую группу входили походные чиновники: походный старшина, дистаночный начальник, походные есаул и сотник[86].

[85] Тагирова Л.Ф. Структура управления Башкиро-Мещерякским войском в кантонную эпоху (1798–1865 гг.). Уфа, 2017. С.19.

[86] Васильев Д.В. Организация российского управления башкирами в конце XVIII – первой половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №11(61): в 3-х ч. Ч.I. С.31.

Рустем Аминов,
Радик Исхаков,
Руслан Масагутов

§ 3.3. Сословные группы

Тептяри и бобыли

Увеличение численности сельского населения Уфимского уезда за счет роста миграции жителей Среднего Поволжья в Приуралье привело к быстрому уменьшению площади неиспользуемых земель, а также к возможности интеграции переселенцев в состав сословия башкирцев. Новые переселенцы, чтобы получить земельные наделы, все чаще были вынуждены соглашаться на временную аренду (припуск) земель волостей за выплату оброка, что не давало им вотчинных прав и возможности получить «башкирское имя». Именно эти группы припущенников становятся основой новой социальной страты Уфимского уезда, сформировавшейся в первой половине XVIII в., – тептярей и бобылей.

Как отмечалось выше, понятие «тептярский/дефтерский» ясак, под которым подразумевался облегченный окладной ясак, который платили недостаточные башкирцы, входит в употребление и начинает повсеместно фиксироваться в документах писцового делопроизводства Уфимского уезда в последней трети XVII в. Так, «башкирец» д. *Якшиванова* Байчурина Минкин в своей челобитной, поданной в 1695 г., указывает, что он платил «на Уфе девтярской [тептярский] ясак по кунице на год»[87]. Но в документах этого времени не встречается обозначение «тептяр» в отношении какой-либо социальной группы. Лишь в документах, относящихся к началу XVIII в.[88], начинают фиксироваться единичные примеры наименования «тептер/тептяр». При этом в подавляющем большинстве случаев в источниках данного времени припущенники продолжали записываться как ясачные или безясачные люди (ясачные татары, черемисы, вотяки и

[87] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1198. Л. 3.

[88] В основном это материалы (списки с оригинальных документов, «справленные» дела) второй половины XVIII – первой половины XIX в., т.е. периода, когда в делопроизводственный обиход Уфимской канцелярии прочно вошел термин «тептяр», применявшийся как синоним понятия «припущенник».

проч.). Все это может свидетельствовать о том, что в начале XVIII в. такой сословной группы еще не существовало.

Показательны в этом отношении данные Первой государственной ревизии (переписи), проведенной в Приуралье в 1722–1723 гг. [89] Согласно ревизским сказкам, в начале 1720-х гг. в Осинской дороге насчитывалось 100 татарских поселений, в 49 из них проживали ясачные татары, 10 населенных пунктов были смешанными (заселены ясачными и служилыми татарами). В Казанской дороге было

Рядовые Тептярских полков.
(по: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. 9. 1850. СПб.: Военная типография. С.257)

[89] В материалы данной переписи не вошли представители башкирского сословия и уфимские татары, не облагавшиеся подушным окладом (ПСЗ-1. Т.5. №3287. С.618).

отмечено 87 татарских селений, из них 7 были смешанными, в 59 проживали исключительно ясачные татары. В Сибирской дороге записано 64 татарских населенных пункта, из них в 25 зафиксированы ясачные татары, 5 деревень являлись смешанными. Наименьшее число татарских деревень зафиксировано в Ногайской дороге – 31. По этой дороге деревень ясачных татар было 26, еще в двух селениях совместно проживали ясачные татары и служилые татары[90]. Таким образом, по 4 дорогам насчитывалось более 100 татарских аулов, плативших подушную подать. При этом в ревизских сказках в отношении жителей этих деревень ни разу не отмечено обозначение «тептяр»[91].

Быстрое увеличение «сходцев» в Приуралье к 1720-м гг., приобретшее характер неконтролируемого массового явления, привело к тому, что как местная, так и центральная администрация озаботилась этим вопросом, решив если не остановить миграционный процесс, то хотя бы замедлить его. Важной задачей становится фискальный учет новоприбылых «гулящих людей» для обложения их ясаком (подушным окладом). Для поиска и выдворения «беглецов» из пределов Уфимского уезда туда был направлен военный отряд во главе с графом Г.И. Головкиным. С 1 июня 1720 г. по 1 марта 1722 г. отряд Головкина выслал из Уфимского уезда в места их прежнего жительства 19815 чел. обоего пола [92].

Несмотря на эти жесткие действия переселенческое движение в Приуралье, спровоцированное усилением фискального бремени и административного контроля, а также политикой христианизации, расширяется. В ответ на это указом от 27 июля 1728 г. башкирцам и иноверцам Уфимской провинции было велено: «беглых русских, мордвы, чуваш и черемис и никаких народов людей, подданных Наших, не принимать и не держать, а которые их вышеобъявленных беглецы ныне есть, тех приводить на Уфу и отдавать означенному нашему бригадиру и воеводе немедленно» [93]. Но попытки нового мас-

---

[90] Аминов Р.Р. Введение // Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722 1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань, 2020. С.16–17.

[91] Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань, 2020. С.20–46.

[92] Список населенных мест Российской империи. Уфимская губерния TXLV. СПб., 1877. С. 82.

[93] ПСЗ-1. Т.8. №5318. С.70.

сового выселения припущенников не привели к положительным результатам, главным образом в связи с нежеланием вотчинников выдавать их властям. Это было вполне объяснимо. Многие переселенцы-татары, длительное время проживавшие на землях поземельных волостей, успели породниться с вотчинниками, так как между ними не существовало никаких препятствий этнокультурного и конфессионального характера, а сословные «перегородки» между башкирцами и припущенниками еще только начинали формироваться. Немаловажное значение имели и хозяйственно-экономические резоны – припущенники вносили в пользу вотчинников существенные арендные платежи (оброк) и несли натуральные повинности, налагавшиеся на поземельные волости.

Указом Сената от 18 марта 1731 г. была вновь подтверждена необходимость выселения пришлого населения, правда – с существенными оговорками: «о которых иноверцах башкирцы объявляют, что они сходцы из других уездов, а кто откуда сошел, доказательств не показывают, а те иноверцы допросами показывают, что деды и отцы их и сами они родиною Уфимского уезда ясачные татары и в справке в ясачных книгах записаны и ясак платят в Уфу: таким жить в тех местах, где кто ныне живет по-прежнему. А которых иноверцев в ясачных окладных книгах не написано и ясак в Уфу не платят: таких о высылке на прежние жилища, чинить по прежним указам и данной из Сената инструкции непременно» [94]. Но и это предписание фактически не было выполнено. Местные власти без должной поддержки и помощи жителей поземельных волостей не имели возможности решить такую сложную задачу.

Понимая невозможность выслать за пределы Уфимской провинции всех переселенцев, власти пошли на дальнейшее смягчение своей политики по отношению к припущенникам. В 1734 г. было велено всех «сходцев», живущих на территории поземельных волостей «из найма» по записям и без записей (т.е. на правах припуска за плату оброка), переписать в течение 6 месяцев, «кто они, откуда, какой веры, на чьих землях и когда поселились» [95]. Переписывали припущенников в «тептярские» (от персидского *дэфтэр* – запись, тетрадь для записи) книги для дальнейшего обложения их особым подушным окладом, получившим название «тептярский ясак». Другой важной зада-

[94] ПСЗ-1. Т.8. №5719. С.399.

[95] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.30.

чей данной переписи стало установление правильного государственного учета припущенников. По всей видимости, уфимская администрация стремилась, переписав и установив контроль над ними, не допускать впредь интеграции в их состав новых переселенцев.

Именно в указе от 31 мая 1736 г о проведении этой переписи впервые упоминается обозначение тептяри: «Что же бьют челом окладные Тептяри и бобыли, чтоб старых и новых и детей и братьев переписать, и для той переписи послать, кого надлежит, и по переписке жить им по прежнему в Уфимском уезде, на Башкирских землях, так, как жили деды и отцы их. Из чего ради из Уфимской воеводской канцелярии публиковать же, что бы такие тептяри и бобыли сами явились в Уфимской канцелярии и объявили о себе …какой они веры и давно ль кто откуда а Башкирцы пришли, и у кого у Башкирцов в вотчинных землях поселились из найму или без найму, по записям или без записей, и какой кто Тептерский или бобыльский оклад платят, или не платят, и кои не платят тех обложить вновь»[96].

Итак, главным критерием при записи в «тептярскую книгу», т.е. в определении в тептяри, был факт проживания лица на землях вотчинников на правах припуска. Впрочем, были и исключения. В частности, в тептяри не были записаны припущенники из числа служилых татар, продолжавшие считаться представителями служилого сословия. В то же время в число тептярей вошла относительно небольшая группа ясачных людей, проживавших на казенных и частных землях.

Ряд башкирских ученых считают, что основной базой формирования тептярей стали башкиры, которые оказались не в состоянии платить ясак и вследствие этого вышли из своей общины[97]. На чем же основывается данная точка зрения? В основном, на данных многочисленных «спорных дел», датируемых XVIII–XIX вв., содержащих прошения тептярей с требованием перевести их в сословие башкирцев. Желание тептярей причислиться в состав вотчинников вполне понятно. Приобретя «башкирское имя», тептяри повышали свой социальный статус и получали возможность увеличить земельный надел. Свои просьбы припущенники аргументировали тем, что их

[96] ПСЗ-1. Т.9. № 6581.

[97] Рахимов Р.Н. Тептяри Башкирии в XVII – 60-е гг. XIX в. (социально-экономическое развитие): автореф. дисс. … канд. ист. наук / Р.Н. Рахимов. Уфа, 1993. С. 9; Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI в. – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 266.

предки были «из природных» башкирцев, по недоразумению или злому умыслу записанных в тептяри. Действительно, в документах конца XVII – первой половины XVIII в. можно встретить примеры того, как представители одного татарского рода оказывались в составе разных сословий. Но это не было связано с каким-то «вытеснением» недостаточных людей из общин башкирцев. Изучение источников данной эпохи показывает, что причина крылась в обратном. Она была связана с интеграцией в состав ясачных башкирцев бобылей. В результате сложилась такая картина: часть представителей одного рода, записавшись в окладной ясак, становились башкирцами, а другая его часть, остававшаяся в числе ясачных и безъясачных бобылей, в дальнейшем пополняла тептяро-бобыльское сословие. Весьма важные данные, опровергающие точку зрения А.З. Асфандиярова, содержатся в материалах первых ревизий Уфимского уезда. Так, многие деревни, указанные в III ревизии (1767 г.) как «тептяро-бобыльские», в материалах I ревизии фигурируют как «новопоселенные деревни ясачных татар». Они были основаны переселенцами с территории Предкамья и Горной стороны в конце XVII – начале XVIII в. То есть ее жители первоначально не входили в состав башкирцев Уфимского уезда[98]. Переход из ясачно-татарского в тептярское сословие наглядно виден при изучении земельных дел. Так, в 1736 г. «ясачные татары Казанской дороги Байлярской волости деревни Балтаевой Балтай Емекеев с товарищами 7 человек да деревни Кандыр Сиюш Богданов с товарищами 7 же» человек просили генерал лейтенанта Румянцева разрешить поселиться в деревне Тюменяковой, так как «при нападениях башкирских ныне (наши) деревни сожжены»[99]. В переписи 1762 г. данные лица зафиксированы уже тептярями[100].

По мнению С.М. Васильева, тептяри не были однородной социальной категорией, а состояли из трех групп. Тептяри первой группы входили в башкирскую общину на равных правах и позже стали именоваться «новыми башкирцами». Вторая группа в башкирскую общину не припускалась, а распоряжалась лишь отведенной им частью земли. За пользованием угодьями эти тептяри платили часть башкирского ясака или гоняли подводную гоньбу. Представители треть-

[98] Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань, 2020.

[99] НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 34. Л. 85.

[100] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3802. Л. 44.

ей группы являлись оброчниками, плативших «башкирцам» за землю денежную ренту[101].

С переписи 1734 г. можно вести отсчет формирования тептярского сословия. Здесь следует заметить, что наряду с «тептярской книгой» переписчики вели и «бобыльскую книгу». В чем же были различия между тептярями и бобылями? Пожалуй, единственным критерием, который выделял представителей этих групп, были форма и размер налагавшегося на них ясака. До 1747 г. тептяри и бобыли платили тептярский и бобыльский ясак. И тептярский и бобыльский ясак являлся окладным. Разница между тептярским и бобыльским ясаком заключалась как в сумме оклада, так и в том, что бобыли платили, кроме того, подымные, ямские и полоняничьи деньги, тептяри же платили только подымные[102]. Как уже отмечалось ранее, в XVII в. уфимскими ясачными и безъясачными бобылями считались группы тяглого населения Уфимского уезда, не входившие в состав сословия вотчинников. К началу XVIII в. общая сумма собиравшегося бобыльского ясака превышала размер башкирского окладного ясака. Можно предположить, что во время переписи 1734 г. в число бобылей попали лица, ранее платившие бобыльский ясак, в то время как в более облегченный тептярский были записаны безъясачные припущенники. Это подтверждается тем фактом, что все выявленные в ходе переписи 3847 дворов припущенников, ранее не плативших ясак, были вновь записаны в «единственно тептярский ясак»[103]. Косвенно это подтверждают и данные, выявленные У.Х. Рахматуллиным: «К обложению безъясачных припущенников Башкирской волости правительство подошло весьма осторожно. На этот раз власти отступили от своих традиций накладывать на безъясачных жителей волости бобыльские платежи. Направляя на ревизию (речь идет о переписи 1734 г.), администрация наказывала своим чиновникам, чтобы они включали людей в тот или иной ясак (бобыльский или тептярский) «по объявлению от себя», т.е. по выбору самих плательщиков»[104].

---

[101] Васильев С.М. К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения в конце XVII – начале XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 136–137.

[102] Материалы по истории Башкирской АССР. Т.V. Л., 1960. С. 685.

[103] Там же. С.430.

[104] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1898. С.174–175.

Другим значимым событием, которое привело к окончательному оформлению тептярско-бобыльского сословия, стал указ Сената от 13 октября 1747 г., налагавший на тептярей и бобылей, вместо обычного подушного оклада (70 коп.), восьмигривенный сбор (80 коп.) на содержание двух полков, расквартированных в Оренбурге[105]. Также, по предложению первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева, было решено не налагать на тептярей и бобылей рекрутскую повинность, «потому что из них к построению города Оренбурга и прочих крепостей каждый год на лето до 700 человек наряжается, каковые наряды им, тептярям и бобылям, в рассуждении рекрут почти не легче становиться»[106]. Эти законодательные акты четко отделили тептярей и бобылей от представителей другого тяглого населения Уфимского уезда и новых переселенцев.

Дальнейшую институциализацию тептярского сословия можно наблюдать в материалах III государственной ревизии, проведенной в Оренбургской губернии в 1762 г. Согласно ревизским сказкам переписи, к этому времени в Приуралье сложилась разветвленная сеть поселений татар-тептярей и бобылей (в материалах I ревизии жители этих деревень обозначены как ясачные и безъясачные татары). Наряду с населенными пунктами четырех дорог Уфимского уезда (Казанская, Осинская, Ногайская, Сибирская) селения тептярей фиксируются на Новомосковской дороге. Данная административно-территориальная единица Оренбургской губернии возникла после строительства г. Оренбурга в начале 1740-х гг. и охватывала область, прилегающую к Большой Московской дороге, шедшей из Оренбурга в Казань. На всем протяжении тракта были созданы ямские слободы, которые заселяли преимущественно татары из разных уездов Казанской губернии. По данным II государственной ревизии, к 1747 г. в Новомосковской дороге насчитывался 51 татарский аул, где проживали «татары иноверцы» и «безъясачные татары»[107].

Первоначально в новообразованной административной единице не существовало социальной структуры, характерной для других дорог Уфимского уезда – здесь отсутствовали ясачные вотчины и вотчинники, соответственно не было припущенников, а подавляющее

[105] ПСЗ-1. Т.12. №9447.

[106] ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.31.

[107] Аминов Р.Р. Введение // Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань, 2020. С.17.

большинство жителей относились к категории государственных крестьян. В предложениях Оренбургского губернатора А.А. Путятина для проекта Нового уложения 1767 г. отмечалось: «Все земли и селения, лежащие, ехав из Оренбурга новою Московскою дорогою к Казани... також и всю Надыровскую волость, башкирскими не числятся»[108]. Не было здесь и поземельных волостей. Исключение составляла Надыровская волость, основанная в 1720-х гг. ясачным татарином д.Адаево Арской дороги Казанского уезда Надыром Уразметовым. Эта волость включала в себя значительную часть Новомосковской дороги. Ее западная граница совпадала с Новой Закамской засечной линией. Расстояния между крайними точками волости составляли: с севера на юг – 160 км, с востока на запад – 115 км. Периметр волости равнялся 566 км.[109] Первоначально она была заселена служилыми и ясачными татарами, но к 1760-м гг. ее жители интегрировались в общую социальную структуру Уфимского уезда. Потомки Надыра Уразметова, а также лица, приобретшие в волости земли, стали вотчинниками, здесь поселялись башкирцы и из других поземельных волостей. Соответственно, появились и тептяри-припущенники. В сказках III ревизии в Надыровской волости записано 49 деревень татар тептярей и бобылей, «положенных в восьмигривенный оклад», по Новомосковской дороге (отмечены отдельно) – 27 деревень[110]. Всего же численность тептярей и бобылей по данным третьей ревизии достигла 33656 душ мужского пола[111].

В ревизских сказках нашла отражение новая форма общественной организации тептярского сословия. Тептяри и бобыли вошли в состав отдельных команд во главе со старшинами. Можно констатировать, что ко времени проведения III государственной ревизии, т.е. к началу 1760-х гг., произошло окончательное оформление данной социальной группы. В последующем новые переселенцы, в том числе лица, жившие на вотчинных землях и платившие башкирцам оброк, уже не могли пополнять сословие тептярей (хотя исключения были)

---

[108] Цит. по: Амирханов Р., Габдуллин И. Надыровская волость. URL: http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7

[109] Там же.

[110] Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань, 2020. С.79–81, 104–106.

[111] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1898. С.177.

– они записывались в число сельских обывателей (государственных крестьян).

Таким образом формирование сословие тептярей происходило в первой трети XVIII в. в рамках фискальной реформы, направленной на обложение особым сбором припущенников. Тептяре-бобыльское сословие являлось сложной этносоциальной группой. Р.Г. Кузеев утверждал, что около 90 % тептярей были татарами-выходцами из Поволжья[112]. Общность тептярей и казанских татар в языке, в образе жизни, духовной и материальной культуре подчеркивали еще дореволюционные лингвисты. Например, Г.Н. Ахмаров указывает, что язык тептярей «татарский и имеет большое сходство с наречием казанских татар, с небольшою примесью слов из башкирского наречия»[113]. Помимо татар тептяри пополнялись за счет чувашей, мордвы и марийцев. В наказах 1767 г. тептяри называли себя «ясачными татарами», «ясачными черемисами», «ясачными вотяками»[114]. По III ревизии (1762 г.) тептярей насчитывалось 333747 душ мужского пола, причем большинство их проживало на территории Уфимской провинции[115].

Со времени своего возникновения тептяро-бобыльское сословие занимало промежуточное положение между тяглым (государственными крестьянами) и служилым (служилыми мещеряками) населением. Как и другое податное население, тептяри и бобыли платили особый подушный оклад. В то же время они, наряду с мещеряками, участвовали в строительстве крепостей и подавлении восстаний 1735–1736, 1755–1756 гг., имели военизированную общественную организацию (делились на команды). Такое двойственное положение вызывало определенные вопросы у органов власти. В 1789 г. Сенат предпринял попытку перевода тептярей и бобылей в состав государственных крестьян. Указом от 13 декабря 1789 г. это решение было

---

[112] Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. С. 349.

[113] Ахмаров Г.Н. Тептяри и их происхождение // Известия общества археологии истории и этнографии при Казанском университете. Т. 23. № 5. 1907. С. 5.

[114] Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Оренбургской губернии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2001. С. 136.

[115] Материалы по истории Башкирской АССР. Том 4. Часть II. С. 12.

утверждено, но вскоре, 18 февраля 1790 г., решением императрицы Екатерины II тептяри и бобыли были оставлены в прежнем окладе, т.е. прежнем состоянии[116]. 18 апреля 1790 г. последовал новый именной указ Екатерины II – о формировании из числа тептярей и бобылей пятисотенного казачьего полка[117]. Так тептяри и бобыли окончательно перешли в военно-служилое сословие, начался новый этап в их истории.

Мещеряки

К 1699 г. служилых татар и мещеряков в Уфимском уезде насчитывалось 748 человек[118]. В последующем, в начале XVIII в. миграция мещеряков продолжилась. Наряду с правительственной колонизацией проходил процесс их самовольного переселения. В «докладной выписи в Правительствующем Сенате о посылке к «башкирцам» Уфимского уезда полковника графа И.Г. Головкина от 28 апреля 1722 года для приведения их в послушание и для сбора пленных и беглых людей» указано, что по приговору Сената Головкину «надлежит производить отобрание беглых от башкир и выселять мещеряков и прочих беглецов из Уфимского уезда на прежние их жилища»[119]. Позднее граф докладывал о ходатайстве выборных мещеряков и служилых татар Осинской и Сибирской дорог «о переписке их и о невыселении тех из них, кои по указам и грамотам живут в том уезде и написаны в десятнях на Уфе, и которые обещаютца во всем указом быть послушны и положенные подати и корабельной работе работников давать против других губерней своей братьи готовы». Свою просьбу челобитчики мотивировали тем, что «земли у них нет, а иные де старых своих жилищ и не знают, понеже испомещены на Уфе деды и прадеды их, и таким безземельным куда идти»[120].

Для проведения переписи от И.Г. Головкина был послан вахмистр Рязанского полка Петр Сорнев «с наказом, чтоб те мещеряки о послушании и о платеже податей и о даче х корабельным лесам работ-

[116] ПСЗ-1. Т.23. №16836.

[117] Там же.

[118] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч.1. Оренбург, 1887. С.72–73.

[119] Материалы по истории Башкирской АССР: Ч.1 / [ответственный редактор А. Чулошников]. М.-Л., 1936. С.287.

[120] Там же. С.292.

ников у переписи подписались все». Сорневу предписывалось выяснить, с какого года и по какому указу мещеряки и служилые татары проживали в Уфимском уезде. В зависимости от представленных сведений предполагалось либо выслать переселенцев на прежние места, либо обложить их ясаком «на Уфе». Однако, судя по отчету графа И.Г. Головкина, некоторые мещеряки учинили препятствия и переписывать себя не дали.

Перепись вахмистра Сорнева 1720 г. насчитала 380 дворов в 41 деревне по Осинской, Казанской и Сибирской дорогам[121]. Часть мещеряков была «верстана в службу по Уфе по грамоте Великого государя от 7167 (1658) года», о которой речь шла выше. Другая часть сообщила о службе по грамоте без указания года. Например, житель деревни Янагушево Сюнчалей Акбердин показал, что «отец его Акберда верстан по Уфе в службу и в десятне написан, а по грамоте и в котором году верстан, не помнит, а он же, Сюнчалей, и братья его на Уфу в службу не поверстаны»[122].

Материалы переписи позволяют установить средний состав дворов, численность мужской части населения, время верстания на службу, идентифицировать элиту мещерякского общества, определить среднюю продолжительность жизни и т.д.

Имена некоторых жителей свидетельствуют о том, что они были сыновьями основателей своих деревень, нередко некоторые из них сами являлись основателями поселений. Так, в д. Байбаково зафиксирован Янганай Байбаков (88 лет), в д. Бабаево – Курмаш Бабаев (56), в д. Акбердино – Сулейман Акбердин (64 года), в д. Уразаево-Кощи – Кадырмет Уразаев (60), в д. Кулаево – Имай Кулаев (85), в д. Богданово Кощи[123] – Аит Богданов (85), в д. Утешево – Утеш Биметев (90), в д. Арбаш Бигилдино тож – Бигилда Агилдин (68), в д. Тимкино – Тимка Елаев[124] (66), в д. Урекеево – Урекей Уразбаков (56 лет)[125]. Некоторые из них были основаны в первой половине

---

[121] Масагутов Р.Ф. Перепись вахмистра Петра Сорнева 1720 г. как исторический источник по изучению поселенческой сети татар-мишарей в Петровскую эпоху // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.223.

[122] РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.115. Л.467.

[123] Судя по всему, деревня получила свое название от мещеряка Богдана Ахматова.

[124] Переселился из д. Богданово Кощи.

[125] РГАДА. Ф.248. Оп.3. Кн.115. Л.434–538.

XVII в. – д. Байбаково, Кулбарисово Сабаево тож и др.[126] Большая часть мещеряков получала от 4 до 6 руб.[127] К началу XVIII в. поселенческая сеть мещеряков продолжала расширяться, в том числе и путем внутренних миграций. В частности, часть мещеряков д. Кулаевой Осинской дороги (85 душ м.п.) переселились в д. Калтаево Казанской дороги, из д. Богданово Кощи Осинской дороги в д. Тимкино Ногайской дороги были переселены две семьи мещеряков (5 душ м.п.) – Тюгея Янтерякова (2 души м.п.) и вышеупомянутый Тимка Елаев с двумя сыновьями. В д. Досметево Казанской дороги осели семья Бекмета Кулеева (д. Арбаш Бигилдино тож) и две семьи из д. Байбаково – Айси Уразова (5 душ м.п.) и Тюгея Дмитриева (2 души м.п.). Были и другие миграции; к сожалению, в источнике не указано, из каких именно деревень были переведены мещеряки (43 души м.п.) в д. Калны Казанской дороги[128].

Мещерякские сотни возглавляли Муртаза Кайбишев сын Карачурин (1662 г.р.) из д. Кулбарисово Сабаево тож, Ибрай Асаев сын Карачурин (1658 г.р.) из д. Карыш, Сунчалей мурза Киреев (1654 г.р.) из д. Кемеево, Имай Кулаев (1635 г.р.) из д. Кулаево[129]. Как видим, во главе мещерякских сотен стояли в основном мурзы. Кроме Киреевых, Карачуриных в переписи отмечены мурзы Айбулатовы (д. Янагушево), Агышевы (Агишевы) (д. Бешелап), Утешевы (д. Бишелап), Кунеевы (д. Богданово Кощи), Янбаевы (д. Казылбаево). В среднем, к началу XVIII в. у мещеряков было около 3 детей м.п., среди них встречались и пасынки, у Асяна Тонаева (д. Кулбарисово Сабаево тож) было два пасынка – четырехлетний Мрадали и двухлетний Мратбаки, также, как и у Ахмета Байбакова (д. Бишелап) – шестилетний Аит и четырехлетний Заит. В шести семьях зафиксировано по одному пасынку. Единственный случай наличия дворовых людей зафиксирован в д. Кулбарисово Сабаево тож, во дворе Юсупа Акбулатова сына Карачурина, где отмечен отпущенник из дворовых – 45-летний Ишкиня

---

[126] Владимиров О.О., Исхаков Р.Р. Новые источники по истории татарской колонизации Приуралья середины XVII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. №4. С.84.

[127] Масагутов Р.Ф. Перепись вахмистра Петра Сорнева 1720 г. как исторический источник по изучению поселенческой сети татар-мишарей в Петровскую эпоху // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.224.

[128] РГАДА. Ф.248. Оп.3. Кн.115. Л.513 об.–521 об.

[129] РГАДА. Ф.248. Оп.3. Кн.115. Л.450, 500, 520.

Беккенин. Наиболее крупные дворы отмечены в д. Янбаево Ибраево тож – 21 душа м.п., в деревнях Карыш и Калтаево (по 17 душ м.п.).

Социальное положение мещеряков в начале XVIII в. претерпело изменения. Будучи опорой царского правительства в колонизации Уфимского уезда, служилые мещеряки изначально были фактически приравнены к дворянству, получали денежный и поместный оклады за службу. Но в 1699 г. было велено собрать с них по рублю. Позднее, после перевода служилых татар Казанской губернии в лашманы (1718 г.), с мещеряков Уфимского уезда вновь собрали по 1 рублю[130]. В 1722 г. мещеряки вместе с другим тягловым инородческим населением края были переписаны в ходе первой ревизии[131].

Практически с самого начала своего формирования уфимские мещеряки являлись замкнутой этносословной группой. Причины этого заключались в самом характере службы. Для несения станичной (сторожевой) службы уфимским властям достаточно было иметь около 200 служилых татар (мещеряков) и тархан. Да и земельный казенный фонд с учетом башкирского вотчинного землевладения был небольшим. Это обстоятельство привело к трансформации статуса мещеряков в категорию припущенников, арендаторов земли у башкирских вотчинников. Таким образом, со времен Петровских реформ был запущен механизм превращения их в податное сословие.

Нагайбаки

После подавления восстания 1735–1736 гг. за активное участие на стороне правительственных войск с уфимских новокрещен сняли ясак и определили их на казачью службу. Им выделили земли за счет вотчинных владений «башкирцев» – «на 50 верст во все стороны от их места жительства». На территории поселения Нагайбак была основана Нагайбакская крепость[132]. В ней было создано специальное «воеводское правление», были открыты цейхгауз, соляные и продовольственные магази[133]. Временно к крещеным татарам-нагай-

[130] Малов Е.А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк. Казань, 1885. С.36.

[131] РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3790.

[132] Современное с. Нагайбаково, Бакалинский район РБ.

[133] Худобородов А.Л. Нагайбаки: Об этнических корнях и проблеме взаимодействия культур // Уржумка. Челябинск, 1995. №1. С.28.

бакам был послан воевода – Василий Иванович Суворов (отец известного полководца А.В. Суворова)[134].

Впоследствии данную группу крещеных казаков стали именовать нагайбаками, происхождение некоторых из них довольно любопытно. Так, еще в 1737 г. в нагайбакские казаки были причислены черемисы (марийцы)[135]. Со временем сформировалась поселенческая сеть нагайбаков. В частности, к 1760 г., кроме села Бакалы и Нагайбакской крепости, крещеные татары-нагайбаки проживали в следующих селениях: Акманово (Ахманово), Балыклы, Дияшево (Зияшево), Илечево (Иликово), Кастеево (Костеево), Килыво (Килеево), Малые Усы (Старые Усы), Маты (Старые Маты), Новая (Новая Юзеева), Сарашлы (Шерашли)[136].

Некоторые сведения о происхождении отдельных родов, приписанных к нагайбакам в промежутке между II (1745 г.) и III (1762 г.) государственными ревизиями (переписями), можно почерпнуть из данных III ревизии (1762 г.). К примеру, из д. Янгильдино лашман Ишкаля Кадряшкин (1701 г.р.) с сыном Усманом (1739 г.р.) поселились в д. Зияшево. Исследование статистических материалов поселений Восточного Татарстана показало, что в нагайбакскую общину были вхожи и крестившиеся тептяри из татар. К примеру, между 1745 г. и 1762 г. в Нагайбакскую крепость в казачье сословие был приписан крестившийся тептяр Иманай Даутов (сын Даута Байтерякова, 1684 г.р.) из д. Карачево (современный Актанышский район РТ). Любопытно, что сам Даут Байтеряков и три его сына – Курбай (1724 г.р.), Таканай (1725 г.р.), Зюлькарнай (1752 г.р.) остались в мусульманской вере и проживали в 1762 г. в д. Карачево[137]. Следует отметить, что в 1752 г. в состав нагайбаков были включены представители различных этносоциальных групп, вызволенные из «киргизского плена»: 12 аравитян, 3 бухарца, 45 персиян, 2 каракалпака. Они были крещены и размещены близ Нагайбакской крепости среди

---

[134] «Кто же вы, нагайбаки?»: Этнографические очерки: вып. 2 / сост. Т.К. Потапова. Челябинск, 2011. С.4, 5.

[135] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1904. Вып. 5. С.36.

[136] Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки (Комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995. С.13.

[137] РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3001. Л.86 об.–87; РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3802. Л.205 об.

нагайбакских деревень[138]. Например, Ходжи Реджепов (араб) в 1752-м г. был крещен в Уфе и отослан в Нагайбакскую крепость. Для укрепления новокрещеных в православии в Нагайбакской крепости была предусмотрена должность священника[139].

Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп 5 мая 1773 г. повелел зачислить в Оренбургское казачье войско (ОКВ), поселив в Нагайбакскую станицу, возвратившихся из бегства крещеных калмыков: 5 душ м.п. и 7 душ ж.п.; 29 августа еще 5 душ м.п. и 5 душ ж.п. из калмыков были определены в Нагайбакскую станицу[140]. Калмыцкая диаспора, таким образом, пополнила и без того пестрый этнический состав Нагайбакской станицы, основу которого составляли крещеные из числа татар. К концу XVIII в. по данным V ревизии (1795 г.), численность нагайбаков составляла 2838 душ обоего пола[141].

[138] Аминов Р.Р. Освещение истории татар в Оренбургском казачьем войске в отечественной историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. статей. Вып. 3. Казань, 2013. С.4.

[139] Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. М., 2004. С.216.

[140] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып.7. С.189.

[141] Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань, 2017. С.39.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приуралье, как и Поволжье, является историческим регионом формирования татарского народа. Именно здесь, на пересечении степной и лесной зон, в Камско-Бельском междуречье складывался и развивался один из ярких очагов татарской культуры, языковой и религиозной общности. В силу природно-географических условий и традиций у татар Приуралья сформировались особые хозяйственный уклад жизни и сословное деление общества.

Данная историко-культурная область начала осваиваться предками татар еще в период раннего средневековья. Она входила в состав Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства. С распадом Золотой Орды до вхождения в состав Московского государства территория Западного Приуралья входила в состав Ак-идель (Беловоложского) улуса Казанского ханства. Здесь проживало тюрко-татарское (татары) и финно-угорское население (марийцы, отчасти удмурты). Ак-идель улус и все Закамье были контактной зоной, где наблюдался своеобразный симбиоз кочевнического и оседлого укладов жизни. С конца XV в. до второй трети XVII в. приуральские кочевья в значительной степени находились под контролем Ногайской Орды, что оставило глубокий след в истории и культуре народов Приуралья.

В связи с ослаблением могущества Казанского ханства и усилением Ногайской Орды значительная часть оседлого татарского населения лесостепной зоны в первой половине XVI в. мигрировала на запад. Тем не менее к середине XVI в. здесь оставалось оседлое население, специализировавшееся на добыче пушнины, дикого меда и воска, а также рыболовстве. В документах XVI в. отмечается наличие в регионе татарских деревень, промысловых угодий, сенных покосов, укрепленных поселений. Значительные территории в Западном Приуралье принадлежали крупным татарским феодальным кланам на правах промысловых вотчин.

В результате длительного военного противостояния (казанской, черемисских войн) после «казанского взятия» и разорения Западного Предкамья произошел новый «демографический сдвиг» – часть местного татарского населения, стремясь обезопасить себя, стала переселяться в Закамье и Приуралье. Часть из них возвратилась на свои наследственные земли. Московское государство, заинтересованное в увеличении поступлений в казну и колонизации Приуралья, легализовало права новых подданных, выдавая им акты на владение этими землями.

За такие земли, переходившие в наследственное владение (вотчины), служилые и ясачные татары должны были уплачивать в Казань натуральный или денежный налог – оброк и ясак. Первоначально натуральные налоги собирали представители татарской феодальной аристократии, перешедшей на службу к московским царям. Вотчинное землевладение имело промысловый характер, т.е. вотчины включали в себя в первую очередь промысловые земли: охотничьи угодья на дикого зверя, бортные ухожья, рыбные ловли, бобровые гоны. В условиях резкого похолодания (температурного минимума Малого ледникового периода), пик которого пришелся на XVII в., резко возросли спрос и цены на меха, которые стали главным экспортным товаром Московского государства на европейских и азиатских рынках. При низкой плотности населения промысловые вотчины, позволявшие экономически освоить значительную территорию относительно немногочисленной группой населения, стали наиболее эффективной формой хозяйственно-экономической деятельности. Данная система землевладения позволяла государству, без существенных усилий на администрирование, получать большие поступления в казну. Благодаря этому значительные по территории районы оказались в руках относительно немногочисленной группы вотчинников.

Со строительства в 1586 г. Уфимской крепости Западное Приуралье вошло в состав Уфимского уезда. С этого времени началась интеграция местного населения в фискальное и социальное пространство Уфимского уезда. Происходил постепенный, но непрерывный процесс записи татар-вотчинников Западного Приуралья, ранее плативших оброк в Казань, в окладной ясак в Уфу. Это сопровождалось изменением сословного статуса владельцев промысловых вотчин. Переписавшись на уфимский ясак, они приобретали социальный статус ясачных людей Уфимского уезда – «башкирцев». Если до

1580-х гг. в отношении жителей Западного Приуралья применялись социальные обозначения «ясачные и служилые люди» (казанская чуваша, служилые татары), то с 1590-х гг. стало использоваться обозначение «башкирцы».

Строительство городов-крепостей и засечных черт во второй половине XVII в. обезопасило Западное Приуралье от набегов кочевников и превратило данный регион в относительно безопасную окраину Российского государства. Это привело к массовому переселению сюда оседлого татарского земледельческого населения из Среднего Поволжья. В результате во второй половине XVII в. в составе ясачного населения сформировалась многочисленная группа «сходцев»-бобылей, плативших на Уфу особый бобыльский ясак. На протяжении XVII в. бобыли активно интегрировались в состав «башкирцев» путем переписывания в окладной ясак или приобретения прав на вотчины. Значительный приток земледельческого населения, селившегося на вотчинных землях, привел к трансформации хозяйственной специализации ясачного населения. Постепенно разрушалась инфраструктура промысловых угодий. Произошел полный переход от присваивающих форм хозяйствования к экстенсивным формам земледелия и животноводства.

В связи с необходимостью защиты крепостей и оборонительной линии на военную службу в Уфимский уезд переводились группы служилых татар. Основная их часть переселялась из Мещерского края, Корсунского, Алатырского и Кадомского уездов, поэтому в Уфимском уезде все группы служилых татар обозначались как «служилые мещеряки». Быстрый рост численности служилых мещеряков во второй половине XVII в. был связан с общей тенденцией по усилению московского военного присутствия в регионе, а также с изменением структуры служилого населения Уфимского уезда. В связи с необходимостью противостоять кочевникам требовались крупные отряды легкой кавалерии, придерживавшиеся тактики маневренных военных действий с использованием стрелкового вооружения. Наряду со служилыми татарами конную военную службу несли дворяне, конные стрельцы, служилые новокрещены и иноземцы. За военную службу татары получали в качестве жалованья земельные поместья, где основывали свои деревни. В отличие от ясачных людей – «башкирцев», бобылей, служилые мещеряки не несли тягла, т.е. не платили ясак.

Предоставляя служилым татарам земельные фонды в обмен за военную службу, царское правительство, с одной стороны, приобретало сторонников среди иноязычного населения, с другой – получало людской и военный ресурс для колонизации новых территорий и борьбы с народными выступлениями. Служилые татары активно участвовали в военных кампаниях Московского государства, занимали административные и дипломатические посты в качестве переводчиков, писцов и др. Доверие к татарской знати со стороны царя было настолько высоким, что, в том числе, из нее формировалась придворная аристократия и надежная опора царской династии.

Если в XVI–XVII вв. представители татарской элиты сохраняли прочные позиции при Московском правительстве, то к началу XVIII в., в связи с укреплением самодержавной власти, расширением границ Российского государства и необходимостью унификации религиозной и культурной жизни проживавших на данной территории народов, роль татар в политической сфере зарождающейся империи заметно снизилась. Усилившиеся религиозные, налоговые и экономические притеснения в отношении татар привели к их конфронтации с властями, участию в социальных протестах и даже к замыслам о восстановлении былого самостоятельного государства. Однако, по мере укрепления центральной власти в Приуралье и юридического присоединения территории Уфимского края к Российской империи, национально-религиозные движения пошли на спад. Этому способствовал и переход имперской политики к более гибкому взаимодействию с мусульманскими общинами, что позволило безболезненно интегрировать татар-мусульман в российское политическое пространство.

Выстраивание доверительных отношений между властями и татарами позволяло решать общие задачи и строить долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество. От политики взаимной лояльности выиграла татарская элита в лице купечества. Несмотря на то, что татарские торговцы строго держались мусульманских и этнокультурных традиций, они смогли продвинуть экономические и политические интересы России на Востоке. Из представителей татарской интеллигенции комплектовались штаты переводчиков, толмачей, дипломатических посредников, что позволяло Российской империи успешно колонизировать окраины и вести конструктивные диалоги с соседними странами.

Татары, имевшие в своей истории колоссальный многовековой опыт строительства государств, начиная от тюркских каганатов до

постордынских ханств, являются вторым после русских государствообразующим народом России. Многие элементы системы управления большими пространствами Московского царства были заимствованы у татар. Территориальный рост и усиление мощи Московского царства обеспечивались, в том числе, благодаря вхождению многочисленной группы татарских мурз и служилых татар в управленческую и военную элиту Московского государства.

Пережив тяжелые и временами трагические периоды на своем историческом пути, татары смогли интегрироваться в российское политическое и административное пространство, сохранив при этом язык, религию, культуру и традиции. История русских и татар – это продуктивная форма межэтнического взаимодействия – симбиоза, в котором каждый народ, сохраняя свое историко-культурное своеобразие, взаимно обогащал и дополнял друг друга. Следствием развития татарского народа в XVI–XVIII вв., вехи которого освещены в данной книге, стал «татарский ренессанс» XIX – начала XX в. – время расцвета татарской национальной литературы и искусства, формирования татарской буржуазии, развития образовательных сетей медресе и модернизационного исламского джадидизма.

ГЛОССАРИЙ

Ак-идель улус – административно-территориальная единица (область) в составе Золотой Орды и Казанского ханства, занимавшая бассейн реки Белой (тат. *Ак Идель*). Этот улус был важным центром политического влияния и исламизации региона, где происходило формирование татарского военно-служилого сословия и активное взаимодействие оседлой и кочевой культур.

Баскардия (Великая Венгрия) – историко-географическая область в Приуралье, населенная уграми-мадьярами до монгольского нашествия. Упоминается в латинских и арабских источниках как «Баскард»/«Паскатир». После завоевания региона монголо-татарами большая часть ее населения была ассимилирована тюркоязычными племенами.

Башкирцы – группа ясачного населения Уфимского уезда (в XVIII в. – Уфимского наместничества и Оренбургской губернии), состоявшая из разных этносов, обладавшая вотчинными правами на землю, за пользование которыми должна была вносить окладной ясак в «казну», собиравшийся уфимской администрацией. В Западном Приуралье основу данной сословной группы составляли татары-вотчинники.

Бобыли – группа тяглого населения Русского государства в XVII – XVIII в. В Приуралье формировалась преимущественно из числа «сходцев» (то есть переселенцев), состояла из ясачных и безъясачных бобылей. В XVII в. многие ясачные бобыли вошли в состав башкирцев. В XVIII в. представители этой социальной страты сформировали тептяро-бобыльское сословие.

Дорога (даруга) – административно-территориальная единица в Золотой Орде, Казанском ханстве, Казанском и Уфимском уезде Русского государства (до 1780-х гг.).

Иштяки (остяки) – собирательное название для угорского населения Приуралья (предков современных манси и отчасти хантов) в русских летописях и документах. В контексте истории Казанского ханства – Иштякского (Остяцкого) улуса, впоследствии в значительной степени тюркизированное.

Лашманы – категория податного населения Российской империи, преимущественно служилые татары, выполнявшая повинность по заготовке, обработке и вывозке лесоматериалов в пользу государства для нужд корабельного строительства.

Повытье – часть общинной земли, отведённая в индивидуальное пользование отдельному лицу.

Поземельные волости Западного Приуралья – административно-территориальные единицы, включавшие вотчинные земли ясачного населения, жители которых обладали определенной автономией в вопросах судопроизводства и распределения повинностей внутри общин.

Припуск – социальный институт, регулировавший отношения между вотчинниками и различными категориями переселенцев (припущенниками) по аренде земельных угодий.

Служилые мещеряки – служилые татары Уфимского уезда (XVII в.), Уфимского наместничества и Оренбургской губернии (XVIII в.).

Служилые татары – этносословная группа татарского населения, входившая в категорию служилых людей Российского государства. Первоначально формировались из представителей татарской феодальной элиты, перешедших на русскую службу из Золотой Орды и татарских ханств. Участвовали в военных походах, охраняли юго-восточные границы государства. Также служили толмачами, писцами, послами и др. За службу получали земельное, денежное и хлебное жалованье. Служилые татары сохраняли свою систему деления и подчинялись своим ханам, мурзам и бекам (князьям). В начале XVIII в. служилые татары Среднего Поволжья были переведены в сословие государственных крестьян, приписаны к выполнению лашманской повинности и положены в подушный оклад. Свой прежний статус служилые татары сохранили в Приуралье, где были известны как служилые мещеряки.

Тарханы – это привилегированное служилое сословие в Золотой Орде и татарских ханствах, обладавшее персональными льготами, дарованными ханом. Главными привилегиями были освобождение от основных налогов и повинностей, а также подсудность только самому правителю. Тарханство жаловалось за военные или гражданские заслуги и могло быть как пожизненным, так и наследственным Тарханы составляли основу военно-аристократической элиты государства. Тарханы сохранили свои привилегии и после вхождения в состав Русского государства.

Тептяри и бобыли – особая этносословная группа в составе нерусского населения Приуралья начинают фиксироваться в исторических источниках первой трети XVIII в. Основная часть тептярей формировалась из числа татар и представителей других нерусских народов, бежавших из Закамья от принудительной христианизации, усиления контроля и фискального гнета государства.

Улус – в средневековье означал «орду», «военную дружину», отсюда – «государство, страна» (монг. Монгол Улс). Например: удел, область Монгольской империи – Чагатайский улус и Улус Джучи (более известный как Золотая Орда) и др. От слова «улус» произошло слово «волость».

Уфимские татары – потомки татарских жителей Ак-идель улуса, упоминаются в исторических источниках XVI–XVIII вв. В период вхождения Приуралья в состав Русского государства интегрировались в состав сословных групп Уфимского уезда – башкирцев и служилых татар.

Черная смерть – пандемия бубонной чумы, опустошившая Золотую Орду и другие страны Евразии в середине XIV века. Стала одним из ключевых факторов демографического и экономического кризиса, ослабившего империю.

Чияликская культура – археологическая культура конца XIII – начала XV вв. в Приуралье. Характеризуется сочетанием мусульманского погребального обряда с элементами традиционной угорской материальной культуры, что отражает процесс тюркизации и исламизации местного населения.

Ясак – натуральный налог, взимавшийся в Золотой Орде и татарских ханствах, преимущественно пушниной. После присоединения к России был сохранен как основной вид подати с нерусского населения Поволжья, Приуралья и Сибири.

Ясачные татары – татарское крестьянское сословие в XVI–XVIII вв., платившее государству ясак – натуральный или денежный налог. Слово «ясак» происходит от тюркского слова «платить». Ясачные татары были обязаны предоставлять часть своей продукции – в основном пушнину, меха, а также другие продукты сельского хозяйства – в качестве натурального обременения. Кроме ясака, ясачные татары выполняли в пользу государства различные натуральные повинности: дорожную, городовую, ямскую и др.

Список сокращений

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БФАН – Башкирский филиал Академии наук
в., вв. – век, веков
вр. и.д. – временно исполняющий делами
г. – город
г., гг. – год, годы
ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
д. – дело
д. – деревня
и.д. – исполняющий делами
л. – лист
м.п. – мужской пол
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
ок. – около
ОКВ – Оренбургское казачье войско
оп. – опись
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ – Полное собрание законов
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РБ – Республика Башкортостан
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РТ – Республика Татарстан
с. – село
с. – страница
САВО – Средне-Азиатский военный округ
Св. – Святой, святого
совр. – современный
Т. – том
ф. – фонд
чел. – человек

Иллюстрации в книге взяты из открытых онлайн источников:

1. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Гербы_городов_Уфимского_Наместничества,_Уфа,_Бирск,_Мензелинск,_Бугульма,_Бугуруслан,_Белебей.jpg
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Венгерские_завоевания_в_Европе#/media/Файл:Hungarian_warrior.jpg
3. https://en.wikipedia.org/wiki/File:Herberstein-Moscovia.jpg
4. https://ru.wikipedia.org/wiki
5. https://сезоны-года.рф/город%20Уфа.html
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Ufimskie_Darugi.jpg
7. https://www.historyarchive.org/works/books/books-t/the-costume-of-the-inhabitants-of-russia-1809)
8. http://www.liveinternet.ru/users/4344036/post208385172/
9. https://ru.pinterest.com/pin/499055202440033696/
10. https://koz-trop.ru/lichnost/3-nadyr-urazmetov.html
11. https://ru.wikipedia.org/wiki/Ногайско-калмыцкая_война
12. https://dzen.ru/a/Z4GmBlcvbRZWxiJS
13. https://www.oldgravura.ru/prod/oldgravura--i8775/
14. https://intertat.tatar/news/tatarnyn-tanylgan-din-ahellare
15. http://olimpiada-ggit.ru/zhivie-istorii/predanie-o-pugacheve-avtor.php
16. https://ru.wikipedia.org/wiki/Игельстром,_Осип_Андреевич
17. https://dzen.ru/a/Z4GmBlcvbRZWxiJS

Сведения об авторах

Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им Ш. Марджани АН РТ.

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья Института истории им Ш. Марджани АН РТ.

Масагутов Руслан Фанисович – председатель Исполкома общества татарских краеведов Республики Башкортостан, научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им Ш. Марджани АН РТ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

На обложке: фрагмент карты Московии Витсена-Идеса 1704 года
(https://dzen.ru/a/YqEMOEvX5y4UBg5e)

Форзацы: фрагмент карты Йодокуса Хондиуса. 1606 г.;
карта Энтони Дженкинсона. 1562 г.

Аксанов Анвар Васильевич, Аминов Рустем Равилевич,
Исхаков Радик Равильевич, Масагутов Руслан Фанисович

Татарские улусы
Приуралья и их наследие

Научно-популярное издание

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина*
Подписано в печать 16.10.2025 г. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 17,55. Тираж 300 экз. (2-й завод)

Отпечатано с готового оригинал-макета

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф